


Agatha Christie

АГАТА КРИСТИ

Большая четверка



Annotation

Снова великому сыщику Эркюлю Пуаро придется мобилизовать все свои мыслительные способности, чтобы распутать сложнейшее дело. В романе «Большая Четверка» сыщику предстоит заняться совсем необычным для себя делом – раскрыть заговор «мировой закулисы».

- [Агата Кристи](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

- [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

Агата Кристи
Большая Четверка

Глава 1

Нежданный гость

Мне приходилось встречать людей, наслаждающихся переездом через пролив; людей, которые могли преспокойно сидеть в шезлонгах на палубе, а по прибытии ждать, пока судно не встанет на якорь, и затем без суеты собирать свои вещи и сходить на берег. Мне лично никогда такое не удавалось. С того самого момента, как я вступаю на борт, я чувствую, что у меня слишком мало времени для того, чтобы чем-то заняться. Я то и дело переставляю свои чемоданы с места на место, а если спускаюсь в салон, чтобы перекусить, то глотаю пищу непрожеванной, потому что меня не оставляет странное чувство, что судно вдруг прибудет на место именно тогда, когда я нахожусь внизу. Возможно, это всего лишь наследство, оставленное мне войной, когда было чрезвычайно важно занять местечко поближе к трапу, чтобы оказаться в числе первых сошедших на берег и не потерять ни одной драгоценной минуты короткого, не больше трех-пяти дней, отпуска.

Вот и в это утро, когда я стоял у поручней и смотрел, как приближаются утесы Дувра, я восхищался пассажирами, сидевшими развалясь в шезлонгах и даже не поднимавшими глаз, чтобы бросить взгляд на свою родную землю. Но, возможно, дело было в том, что обстоятельства их прибытия отличались от моих. Без сомнения, многие из них всего лишь ездили в Париж на выходные, в то время как я провел последние полтора года на ранчо в Аргентине. Я там вполне преуспел, и мы с женой наслаждались свободной и легкой жизнью в Южной Америке, – но, тем не менее, в моем горле стоял комок, когда я смотрел на знакомый берег, видимый все отчетливее и отчетливее.

Я высадился во Франции два дня назад, заключил несколько необходимых мне сделок и теперь находился на пути в Лондон. Мне предстояло провести там несколько месяцев – то есть у меня было достаточно времени, чтобы повидать старых друзей, и в особенности одного старого друга. Маленький человек с похожей на яйцо головой и зелеными глазами – Эркюль Пуаро! Я намеревался преподнести ему сюрприз. В моем последнем письме из Аргентины не было и намека на предстоящую поездку – хотя на самом-то деле все решилось второпях, из-за некоторой путаницы в делах, – и я провел немало времени, весело

представляя восторг и изумление Пуаро при моем появлении.

Он, как мне было известно, вряд ли мог оказаться далеко от своей квартиры. Прошли те времена, когда расследование какого-нибудь дела бросало его с одного конца Англии в другой. Слава его была велика, и он больше не позволял одному-единственному делу полностью поглощать все свое время. С течением времени он все более и более склонялся к тому, чтобы стать «детективом-консультантом», на манер врачей-специалистов с Харлей-стрит. Он всегда насмехался над восторгом публики, обращенным на людей-ищеек, великолепно маскировавшихся ради выслеживания преступников и останавливавшихся возле каждого следа ноги, чтобы измерить его.

– Нет, друг мой Гастингс, – говаривал он обычно, – мы оставим это сыскным агентствам. Методы Эркюля Пуаро доступны лишь ему одному. Порядок и метод, и «маленькие серые клеточки». Сидя спокойно в своих креслах, мы видим вещи, незаметные другим, и не спешим с выводами, как знаменитый Джепп.

Нет, мне ни к чему было опасаться, что Эркюль Пуаро отправился куда-то на охоту.

Добравшись до Лондона, я оставил багаж в отеле и поехал напрямик по старому знакомому адресу. Сколько живых воспоминаний нахлынуло на меня! Я едва поздоровался со своей старой домовладелицей и тут же помчался вверх по лестнице, перепрыгивая ступеньки, и заколотил в дверь Пуаро.

– Входите, входите, – слышался изнутри знакомый голос.

Я шагнул через порог. Пуаро стоял лицом ко мне. В его руках был небольшой саквояж, и Пуаро уронил его, восторженно воскликнув:

– Mon ami^[1], Гастингс! Mon ami Гастингс!

И, бросившись вперед, заключил меня в жаркие объятия. Наш разговор был несвязен и непоследователен. Восклицания, торопливые вопросы, незаконченные ответы, приветы от моей жены, объяснение причин моего путешествия – все перемешалось.

– Полагаю, мои прежние комнаты уже давно заняты? – сказал я наконец, когда мы немного успокоились. – Мне бы хотелось снова жить в этом доме, рядом с вами.

Лицо Пуаро внезапно изменилось.

– Бог мой! Но это же chance érouvantage!^[2] Осмотритесь вокруг, друг мой.

Я впервые обратил внимание на окружающую обстановку. Вдоль

стены стояло множество сундуков доисторического вида. Рядом с ними расположились чемоданы, аккуратно выстроенные по росту – от большого к маленькому. Вывод мог быть только один.

– Вы уезжаете куда-то?

– Да.

– Куда же?

– В Южную Америку.

– *Что?!*

– Да, чудно вышло, не правда ли? Я еду в Рио и каждый день говорю себе, что не упомяну об этом в своих письмах, – и как же удивится мой добрый Гастингс, когда увидит меня!

Пуаро посмотрел на часы:

– Через час мне пора.

– Мне казалось, вы всегда говорили, что вас ничто не заставит совершить длительное морское путешествие?

Пуаро прикрыл глаза и вздрогнул.

– Ох, не упоминайте об этом, друг мой. Мой врач... он заверил меня, что от этого никто еще не умирал... и в конце концов, это не повторится; видите ли, я никогда... никогда не вернусь.

Он подтолкнул меня к креслу.

– Садитесь, я вам расскажу, как все это случилось. Вы знаете, кто самый богатый человек в мире? Даже богаче Рокфеллера? Эйб Райланд.

– Американский мыльный король?

– Именно. Один из его секретарей предложил мне кое-что. Это связано с крупной компанией в Рио, там явно происходит большое надувательство. Он хотел, чтобы я расследовал это дело там, на месте. Я отказался. Я объяснил ему, что, если мне предоставят все факты, я могу дать ему заключение эксперта. Но он прикинулся, что не в состоянии этого сделать. Сказал, что факты мне предоставят лишь тогда, когда я прибуду на место. Ну, в другом случае на этом разговор бы и закончился. Диктовать условия Эркюлю Пуаро – это крайняя дерзость. Но предложенная мне сумма оказалась столь удивительной, что впервые в жизни я соблазнился простыми деньгами. Но меня привлекло в этом и другое – это *вы*, мой друг! В последние полтора года я был ужасно одиноким стариком. И я сказал себе – а почему бы и нет? Я начал уставать от бесконечного разгадывания всех этих глупых загадок. Славы мне уже достаточно. Почему бы не взять эти деньги и не устроиться где-нибудь поблизости от моего старого друга?

Я был взволнован и тронут этими словами Пуаро.

– Поэтому я принял предложение, – продолжил он, – и через час

должен выехать, чтобы успеть на поезд к пароходу. Это одна из шуток судьбы, не так ли? Но поскольку предложенные деньги были уж слишком велики, у меня возникли кое-какие сомнения, и немного погодя я начал собственное расследование. Скажите мне, что обычно подразумевается под выражением «Большая Четверка»?

– Полагаю, это выражение пошло от Версальской конференции, потом есть знаменитая голливудская «Большая Четверка», ну а теперь так называет себя начальство любой мало-мальски заметной фирмы...

– Понимаю, – задумчиво произнес Пуаро. – Видите ли, я услышал это выражение при обстоятельствах, когда ни одно из ваших объяснений не годится. Похоже, это было сказано о некой банде международных преступников или о чем-то в этом роде... вот только...

– Только – что? – спросил я, поскольку он замолчал.

– Только мне представляется, что тут кроется нечто большего масштаба. Но это всего лишь моя догадка, не более того. Ах, но я же не закончил укладывать вещи! А время идет!

– Не уезжайте, – попросил я. – Отмените свое путешествие, отправитесь позже, на одном пароходе со мной!

Пуаро выпрямился и укоризненно посмотрел на меня.

– Ах, вы не понимаете! Я дал слово, неужели не ясно... слово Эркюля Пуаро! И разве что вопрос жизни и смерти может остановить меня теперь!

– Ну, а это едва ли может случиться, – печально пробормотал я. – Вот если только в одиннадцать «откроется дверь и войдет нежданный гость»...

Я процитировал это с легким смешком, и мы замолчали, а в следующую секунду оба вздрогнули, поскольку из соседней комнаты донесся какой-то звук.

– Что это? – воскликнул я.

– Ma foi!^[3] – откликнулся Пуаро. – Это очень похоже на вашего «нежданного гостя» в моей спальне!

– Но как мог кто-то попасть туда? Там нет двери, кроме как через эту комнату!

– Окно! Но тогда это грабитель? Однако ему было бы нелегко туда забраться... я бы сказал, это почти невозможно.

Я уже встал и направился к двери спальни, когда меня остановил шорох дверной ручки, поворачиваемой изнутри.

Дверь медленно отворилась. В дверном проеме показался человек. С головы до ног он был покрыт пылью и грязью; его лицо выглядело худым и изможденным. Мгновение-другое он смотрел на нас, а потом покачнулся и упал. Пуаро поспешил к нему, потом обернулся ко мне и сказал:

– Бренди... скорее!

Я быстро налил в стакан немного бренди и подал ему. Пуаро ухитрился влить немного в рот незнакомцу, а затем мы вдвоем подняли «гостя» и перенесли на кушетку. Через несколько минут он открыл глаза и непонимающе огляделся вокруг.

– Что вам нужно, мсье? – спросил Пуаро.

Губы человека разжались, и он произнес ровным неживым голосом:

– Мсье Эркюль Пуаро, Фаррауэй-стрит, четырнадцать.

– Да-да, это я.

Человек, похоже, не понял и просто повторил так же механически:

– Мсье Эркюль Пуаро, Фаррауэй-стрит, четырнадцать...

Пуаро попытался задать ему несколько вопросов. Иногда этот человек вообще не отвечал, иногда повторял слова Пуаро. Пуаро сделал мне знак, чтобы я подошел к телефону.

– Пригласите доктора Риджвэя.

К счастью, врач оказался дома; а поскольку жил он неподалеку, за углом, то уже через несколько минут ворвался в гостиную.

Пуаро вкратце объяснил ему, что произошло, и врач начал осматривать нашего странного визитера, который, похоже, вовсе не осознавал чьего-либо присутствия.

– Хм... – произнес доктор Риджвэй, закончив осмотр. – Любопытный случай.

– Мозговая горячка? – предположил я.

Доктор тут же негодуя фыркнул:

– Мозговая горячка! Ха, мозговая горячка! Такой болезни не существует! Это выдумка романистов! Нет, этот человек перенес какое-то сильное потрясение. Он пришел сюда под воздействием навязчивой идеи – отыскать мсье Эркюля Пуаро, Фаррауэй-стрит, четырнадцать... И он механически повторял эти слова, не имея ни малейшего представления о том, что они значат.

– Афазия? – энергично воскликнул я.

Это предположение не вызвало у доктора негодующего фырканья, как предыдущее мое высказывание. Он не ответил, но протянул человеку лист бумаги и карандаш.

– Посмотрим, что он будет с ними делать, – произнес врач.

Несколько мгновений человек не делал ничего, потом вдруг принялся лихорадочно писать. Затем так же неожиданно остановился, и бумага с карандашом упали на пол. Доктор поднял их и покачал головой.

– Ничего толкового. Одна лишь цифра 4, нацарапанная с десяток раз, и

с каждым разом все крупнее. Полагаю, он хотел написать адрес – Фаррауэй-стрит, 14. Интересный случай... очень интересный. Вы не могли бы поддержать его здесь до полудня? Я должен сейчас идти в больницу, но потом вернусь и займусь им. Это слишком интересный случай, чтобы упустить его.

Я объяснил, что Пуаро уезжает, а я намеревался проводить его до Саутхэмптона.

– Ну и ладно. Оставьте этого человека здесь. Он ничего не натворит. Он страдает от крайнего истощения. Он проспит, пожалуй, не меньше восьми часов. Я поговорю с вашей великолепной миссис Очаровашкой и попрошу ее присмотреть за ним.

И доктор Риджвэй умчался со своей обычной стремительностью. Пуаро торопливо уложил остатки вещей, то и дело поглядывая на часы.

– Ох уж это время, оно летит с невообразимой скоростью! Итак, Гастингс, вы не можете сказать, что я оставил вас бездельничать тут. Человек ниоткуда. Самая потрясающая из загадок! Кто он? Чем занимается? Ах, я отдал бы два года жизни за то, чтобы мой пароход отплыл завтра, а не сегодня! Ведь здесь остается нечто весьма любопытное... весьма интересное. Но для этого нужно время... *время!* Могут пройти дни... а то и месяцы, прежде чем он сможет сказать нам то, что собирался.

– Я сделаю все, что в моих силах, Пуаро, – пообещал я. – Я постараюсь достойно заменить вас.

– Да-а...

Его реплика поразила меня, поскольку в его тоне прозвучало сомнение. Я взял тот лист бумаги, на котором рисовал больной.

– Если бы я сочинял роман, – сказал я беспечно, – я бы начал с рассказа о нашем «госте» и назвал бы книгу «Тайна Большой Четверки». – Говоря так, я постучал пальцем по начерченным карандашом цифрам.

И тут же я замер в изумлении, поскольку наш умирающий вдруг очнулся, сел и произнес очень отчетливо:

– Ли Чанг Йен.

Он выглядел как человек, внезапно пробудившийся от сна. Пуаро сделал предостерегающий жест, призывая меня к молчанию. Человек продолжал говорить. Он выговаривал слова медленно, высоким голосом, и что-то в его манере речи заставило меня подумать, что он цитирует на память некий письменный отчет или доклад.

– Ли Чанг Йен. Его можно считать мозгом Большой Четверки. Он направляющая и организующая сила. Поэтому я обозначил его как Номер

Первый. Номер Второй редко упоминается по имени. Он обозначается символом – латинская S, перечеркнутая вертикально двумя линиями, то есть знаком доллара, или же двумя полосками и звездой. Следовательно, предполагаем, что он американец и что он представляет собой силу денег. Похоже, можно не сомневаться в том, что Номер Третий – женщина и что она француженка. Вполне возможно, что она одна из сирен полусвета, но о ней ничего определенного не известно. Номер Четвертый...

Голос говорившего затих, больной замолчал. Пуаро наклонился вперед.

– Да-да, – энергично произнес он, – Номер Четвертый... что?

Его глаза впились в лицо незнакомца. А того словно вдруг охватил неопиcуемый ужас; его черты исказились.

– *Истребитель*, – выдохнул «гость». А потом, конвульсивно дернувшись, упал на спину в глубоком обмороке.

– Mon Dieu!^[4] – прошептал Пуаро. – Так я был прав! Я был прав!

– Вы думаете...

Он перебил меня:

– Давайте отнесем его на кровать в мою спальню. У меня не осталось ни одной лишней минуты, если я хочу успеть на поезд. Хотя и нельзя сказать, что я хочу на него успеть. Ох, если бы я мог опоздать на него, не мучаясь угрызениями совести! Но я дал слово. Идемте, Гастингс!

Оставив нашего загадочного посетителя на попечение миссис Пирсон, мы помчались на вокзал и едва успели вскочить в поезд. Пуаро то надолго замолкал, то становился уж слишком разговорчив. То он сидел, уставясь в окно, как погруженный в мечтания человек, и не слыша ни слова из того, что я ему говорил, – то вдруг оживлялся и начинал сыпать инструкциями и постоянно твердил, что я должен ежедневно посылать ему радиogramмы.

Проехав Уокинг, мы погрузились в долгое молчание. Поезд вообще-то шел без остановок до самого Саутхэмптона; но вдруг он остановился перед светофором.

– Ах! Sacre mille tonnerres!^[5] – неожиданно воскликнул Пуаро. – Я просто имбецил! Теперь я это вижу. Без сомнения, это святой охранитель остановил поезд! Прыгаем, Гастингс, прыгаем скорее, ну же!

И в то же мгновение он распахнул дверь купе и выпрыгнул на пути.

– Бросайте чемоданы и выскакивайте!

Я повиновался. И как раз вовремя. Как только я очутился рядом с Пуаро, поезд тронулся.

– Ну а теперь, Пуаро, – сказал я с изрядной долей раздражения, –

может быть, вы объясните, что все это значит?

– Это значит, друг мой, что я увидел свет.

– Мне это ни о чем не говорит, – заметил я.

– А должно бы, – ответил Пуаро. – Но я боюсь... я очень боюсь, что это не так. Если вы сумеете унести вот эти два чемодана, думаю, я как-нибудь справлюсь с остальным.

Глава 2

Человек из сумасшедшего дома

К счастью, поезд притормозил неподалеку от станции. В результате небольшой прогулки мы очутились у гаража, где смогли нанять автомобиль, и получасом позже уже неслись обратно в Лондон. Тогда, и только тогда, Пуаро соизволил удовлетворить мое любопытство.

– Вы все еще не понимаете? Я тоже не понимал. Но теперь понял. Гастингс, *меня пытались убрать с дороги!*

– Что?!

– Да! Это очевидно. Способ и время были выбраны с большим умом и проницательностью. Они боятся меня.

– Кто «они»?

– Те четыре гения, которые объединились, чтобы действовать вопреки закону. Китаец, американец, француженка и... и еще кто-то. Молите бога о том, чтобы мы вернулись вовремя, Гастингс!

– Вы думаете, наш посетитель в опасности?

– Я уверен в этом.

По прибытии нас встретила миссис Пирсон. Отмахнувшись от ее изумленных вопросов, которыми она разразилась при виде Пуаро, мы сами принялись ее расспрашивать. Ответы прозвучали утешительно. Никто не приходил, и наш гость не давал о себе знать.

Со вздохом облегчения мы поднялись наверх. Пуаро пересек гостиную и вошел в спальню. И тут же он позвал меня, причем в его голосе послышалось странное возбуждение:

– Гастингс! Гастингс... он мертв!

Я поспешил к Пуаро. Незнакомец лежал в той же позе, в какой мы оставили его, но он умер! Я помчался к доктору. Я знал, что Риджвэй еще не вернулся. Но я почти сразу нашел другого врача и привел его к Пуаро.

– Он умер совсем недавно, бедняга. Вы что, подобрали бродягу?

– Что-то в этом роде, – уклончиво ответил Пуаро. – Но от чего он умер, доктор?

– Трудно сказать. Возможно, какая-то лихорадка. Тут есть признаки асфиксии... У вас тут не газовое освещение?

– Нет, только электричество, больше ничего.

– И оба окна широко открыты, н-да... Пожалуй, он мертв уже часа два,

я так сказал бы. Вы сами известите кого положено?

Доктор удалился. Пуаро сделал несколько звонков. В конце, к моему удивлению, он позвонил нашему старому другу инспектору Джеппу и попросил его прийти поскорее, если можно.

Пуаро еще не закончил все разговоры, когда появилась миссис Пирсон с округлившимися глазами.

– Там пришел человек из Ханвелла... из сумасшедшего дома! Можете себе представить? Можно ему войти?

Мы изъявили согласие, и в гостиную вошел крупный, плотный человек в униформе.

– Доброе утро, джентльмены, – бодро произнес он. – У меня есть причины быть уверенным, что к вам залетела одна из моих пташек. Сбежал прошлой ночью, вот что он сделал.

– Он *был* здесь, – вежливо ответил Пуаро.

– Но не удрал же он снова, а? – спросил санитар с некоторым опасением.

– Он умер.

Санитар явно испытал облегчение и ничуть не расстроился.

– Ну, наверное, так даже лучше для всех.

– Он был... э-э... опасен?

– Вы имеете в виду, не был ли он одержим мыслью об убийстве? О, нет. Он был вполне безвреден. У него была острая мания преследования. Все тайные общества Китая стремились заставить его молчать! Да они все у нас такие.

Я вздрогнул.

– Как долго он находился в больнице взаперти? – спросил Пуаро.

– Да уже два года.

– Понятно, – тихо произнес Пуаро. – И никому не приходило в голову, что он может... может быть вполне разумен?

Санитар позволил себе рассмеяться.

– Если бы он был в своем уме, что бы он делал в доме для чокнутых лунатиков? Они все там утверждают, что они разумны, знаете ли.

Пуаро промолчал. Он провел санитару во вторую комнату, чтобы тот взглянул на тело. Оpozнание не заняло много времени.

– Да, это он... совершенно верно, – бездушно произнес санитар. – Чудной был парень, а? Ну, джентльмены, мне теперь лучше пойти и заняться необходимыми формальностями. Мы же не хотим оставлять вас надолго с трупом на руках. Если будет дознание, я надеюсь, вы на него придете. Всего доброго, сэр.

И, неуклюже поклонившись, он ушел.

Несколько минут спустя прибыл Джепп. Инспектор Скотленд-Ярда был бодр и энергичен, как всегда.

– А вот и я, мсье Пуаро. Чем могу быть вам полезен? Вообще-то я думал, что вы сегодня отправляетесь на коралловые острова или еще куда-то в этом роде!

– Дорогой Джепп, я хочу знать, приходилось ли вам когда-нибудь видеть этого человека.

И Пуаро провел Джеппа в спальню. Инспектор в полном изумлении уставился на тело, лежащее на кровати.

– Дайте-ка подумать... что-то в нем есть знакомое... а я горжусь своей памятью, вы знаете. Ох, господь милосердный, да это же Майерлинг!

– И кто он таков... или кем он был – этот Майерлинг?

– Парень из Секретной службы... не наш, не из Скотленд-Ярда. Пять лет назад отправился в Россию. Больше о нем ничего не слышали. Я вообще-то думал, что большевики его прихлопнули.

– Все сходится, – сказал Пуаро, когда инспектор Джепп отбыл восвояси, – кроме того, что его смерть выглядит естественной.

Он стоял, глядя на бездвижное тело, и недовольно хмурился. Порыв ветра взметнул оконные занавески, и Пуаро с внезапным вниманием посмотрел на них.

– Полагаю, это вы открыли окна, Гастингс, когда уложили нашего гостя на постель?

– Нет, я не открывал, – ответил я. – Насколько я помню, они были закрыты.

Пуаро резко вскинул голову.

– Закрыты... а теперь они распахнуты. Что это может означать?

– Кто-то влез в окно, – предположил я.

– Возможно, – согласился Пуаро, но он говорил с отсутствующим видом и без убеждения. Через минуту или две он сказал: – Вообще-то я думал не совсем об этом, Гастингс. Если бы открыли только одно окно, это не заинтриговало бы меня так сильно. Именно то, что открыты оба окна, поразило меня как нечто удивительное.

Он поспешил в другую комнату.

– Окна гостиной тоже открыты! А мы оставили их закрытыми. Ах!

Он вернулся к мертвецу и наклонился над ним, чтобы изучить как следует уголки его губ. Потом вдруг посмотрел на меня.

– Ему затыкали рот кляпом, Гастингс! Заткнули рот и отравили!

– Боже милостивый! – воскликнул я, потрясенный. – Ну, я полагаю,

при вскрытии это обнаружится.

– Ничего там не обнаружится. Его убили, заставив вдохнуть пары синильной кислоты. Ее прижали к его носу... Затем убийца ушел, но сначала открыл все окна. Синильная кислота очень быстро испаряется, но ее нетрудно обнаружить, поскольку она пахнет горьким миндалем. Однако если тщательно устранить запах, который может пробудить подозрения относительно причин гибели, то смерть может выглядеть вполне естественной в глазах врачей. А ведь этот человек был тайным агентом, Гастингс. И пять лет назад пропал в России.

– Последние два года он провел в сумасшедшем доме, – напомнил я. – Но где он был еще три года до этого?

Пуаро покачал головой и схватил меня за руку.

– Часы, Гастингс, посмотрите на часы!

Я проследил за его взглядом, устремленным к каминной полке. Часы остановились ровно в четыре.

– Mon ami, кто-то остановил их. Их завода должно было хватить еще на три дня. Это часы с восьмидневным заводом, улавливаете?

– Но зачем бы кто-то стал это делать? Неужели надеялись таким образом запутать врача, чтобы он установил неправильное время смерти?

– Нет-нет, подумайте хорошенько, друг мой. Тренируйте свои маленькие серые клеточки! Вы – Майерлинг. Возможно, вы что-то слышите... и вы отлично знаете, что ваше время подходит к концу. Вы успеваете только оставить какой-то знак. *Четыре часа, Гастингс! Номер Четвертый, Истребитель...* Ах! Идея!

Он бросился в другую комнату и схватил телефон. И потребовал соединить его с Ханвеллом.

– Психиатрическая больница? Я слышал, от вас сегодня сбежал один из больных? Что вы говорите? Погодите чуть-чуть, если вам нетрудно... Вы можете повторить? Ах! *Parfaitement.*

Он повесил трубку и повернулся ко мне:

– Вы слышали, Гастингс? *У них никто не убежал!*

– Но тот человек, который приходил... санитар? – сказал я.

– Сомневаюсь... очень в этом сомневаюсь.

– Вы имеете в виду...

– Это был Номер Четвертый – Истребитель.

Я недоверчиво и ошеломленно уставился на Пуаро. Через минуту-другую, когда ко мне вернулся голос, я сказал:

– Ну, во-первых, теперь вы узнаете его, где бы ни встретили. Это человек с запоминающейся внешностью.

– Так ли это, топ аті? Думаю, нет. Мы видели человека неуклюжего, неотесанного, с красным лицом, густыми усами и грубым голосом. К этому моменту у него может не остаться ни одного из этих признаков... а что касается остального – глаза у него неуловимые, уши рассмотреть было невозможно, и к тому же у него фальшивые зубы. Оpozнание – совсем не такое легкое дело, как может показаться. В следующий раз...

– Вы думаете, будет и следующий раз? – перебил я его.

Лицо Пуаро помрачнело.

– Это смертельная схватка, друг мой. Вы и я – с одной стороны, Большая Четверка – с другой. Они выиграли первый раунд; но их план – отправить меня подальше, чтобы убрать с дороги, – потерпел крах, и в будущем им придется считаться с Эркюлем Пуаро!

Глава 3

Мы узнаем кое-что о Ли Чанг Йене

Еще день или два после появления у нас фальшивого служителя психиатрической больницы я надеялся, что он может вернуться, и отказывался хотя бы на минуту выйти из квартиры. Насколько я понимал, у него не было причин заподозрить, что мы раскрыли его маскировку. Он мог, думал я, вернуться, чтобы попытаться похитить тело, но Пуаро лишь смеялся над моими доводами.

– Друг мой, – говорил он, – если вам хочется, вы можете ожидать – в надежде насыпать соли на хвост нашей маленькой птичке, но что до меня, я не стал бы тратить на это время.

– Но почему же, Пуаро, – возражал я, – почему бы ему не рискнуть и не вернуться? Если он вернулся один раз – то, в общем, понятно зачем. Он намеревался уничтожить какие-то улики против себя – но ему не удалось ничего сделать, мы уже вернулись!

Пуаро чисто по-галльски пожал плечами.

– Вы не хотите взглянуть на дело глазами Номера Четвертого, Гастингс, – сказал он. – Вы говорите об уликах, но разве у нас есть какие-то свидетельства против него? Да, конечно, у нас есть труп, но мы не имеем даже доказательств того, что этот человек убит... Синильная кислота, попавшая в дыхательные пути, не оставляет следов. Далее, мы не найдем никого, кто видел бы человека, входившего в квартиру во время нашего отсутствия, и мы ничего не узнаем о том, где бывал наш покойный друг Майерлинг... Нет, Гастингс, Номер Четвертый не оставил следов, и он это знает. Его визит мы можем назвать разведывательной вылазкой. Возможно, он хотел сам убедиться в том, что Майерлинг мертв, но я думаю, куда более вероятно то, что он пришел взглянуть на Эркюля Пуаро и перекинуться словечком с тем единственным из своих врагов, кого он действительно должен бояться.

Рассуждения Пуаро звучали, по обыкновению, самодовольно, однако я воздержался от возражений.

– А что насчет дознания? – спросил я. – Полагаю, вы там объясните все и дадите полиции полное описание Номера Четвертого?

– И к чему это приведет? Можем ли мы представить дознанию что-то такое, что произвело бы впечатление на коронера и жюри, состоящего из

этих ваших твердолобых британцев? Разве есть хоть что-то стоящее в нашем описании Номера Четвертого? Нет, пусть сочтут, что данный случай – «случайная смерть», и, может быть, хотя и не слишком надеюсь на это, наш умный убийца похвалит себя за то, что выиграл у Эркюля Пуаро первый раунд.

Пуаро был прав, как всегда. Мы больше не видели служителя сумасшедшего дома, а дознание, где показания давал я и куда Пуаро даже не явился, не вызвало интереса у публики.

Поскольку Пуаро, предполагая отправиться в Южную Америку, завершил все дела до моего приезда, сейчас он ничего не расследовал; но, хотя он и проводил большую часть времени дома, я мало чего мог от него добиться. Он сидел, погрузившись в кресло, и весьма холодно встречал все мои попытки завести беседу.

Но однажды утром, примерно через неделю после убийства, он спросил меня, не сочту ли я за труд сопровождать его во время одного необходимого для него визита. Я был только рад, потому что чувствовал: Пуаро совершает ошибку, пытаясь размышлять над происшедшим в одиночку, – и надеялся кое-что обсудить с ним. Но обнаружил, что он не склонен к разговору. Даже когда я спросил, куда мы отправляемся, он не ответил.

Эркюлю Пуаро очень нравилось выглядеть загадочным. Он никогда не делился ни каплей сведений до самого последнего из возможных моментов. В данном случае, лишь когда мы благополучно проехали на автобусе и на двух поездах поочередно и прибыли в один из самых унылых южных лондонских пригородов, он снизошел наконец до объяснений.

– Мы, Гастингс, намерены повидать того единственного в Англии человека, который действительно много знает о тайной жизни Китая.

– В самом деле? И кто же это?

– Человек, о котором вы никогда не слышали, – некий мистер Джон Инглз. Фактически он отставной государственный чиновник с весьма заурядным интеллектом, и его дом битком набит китайскими диковинами, которыми он утомляет своих друзей и родственников. Тем не менее меня заверили знающие люди, что предоставить те сведения, которые мне необходимы, способен лишь этот самый Джон Инглз.

Несколько минут спустя мы уже поднимались по ступеням «Лавров», как назвал свою резиденцию мистер Инглз. Лично я не заметил ни одного лаврового куста поблизости и потому решил, что название виллы было придумано в соответствии с обычаем пригородов – называть дома как можно бессмысленнее.

Нас встретил слуга-китаец с неподвижным лицом; он проводил нас к своему хозяину. Мистер Инглз оказался человеком плотного сложения, с желтоватой кожей и глубоко сидящими глазами, странно выглядевшими на его лице. Он встал поприветствовать нас, отложив при этом в сторону только что вскрытое письмо, которое держал в руке. На письмо он указал чуть позже, когда мы уже поздоровались.

– Садитесь, прошу вас. Хэлси сообщает мне, что вам нужны кое-какие сведения и что я могу оказаться полезным в этом деле.

– Это именно так, мсье. Я хочу спросить, знаете ли вы что-нибудь о человеке по имени Ли Чанг Йен?

– Это странно... в самом деле, очень странно. Как вы умудрились услышать о нем?

– Так вы его знаете?

– Я с ним встречался однажды. И я кое-что о нем знаю – хотя не так много, как хотелось бы. Но меня удивляет, что вообще хоть кто-то в Англии мог слышать о нем. Это в своем роде великий человек – крупный чиновник вроде мандарина, знаете ли, – но дело-то совсем не в этом. Есть серьезные основания предполагать, что именно он тот человек, кто стоит за всем этим.

– За чем – «всем»?

– Да за всем. Беспорядки по всему миру, волнения рабочих, которые не дают покоя государствам, революции. Нормальные люди, совсем не паникеры, отвечающие за свои слова, говорят, что за всеми этими случаями стоит некая сила и что цель ее – ни больше ни меньше, как разрушение мировой цивилизации. В России, как вы знаете, многие видят явные признаки того, что Ленин и Троцкий – всего лишь марионетки и их поступки (все до единого) диктуются чьим-то мозгом. У меня нет надежных доказательств, которые могли бы вас удовлетворить, но я совершенно уверен в том, что этот мозг принадлежит Ли Чанг Йену.

– Ох, оставьте, – возмутился я. – Не слишком ли далеко вы заходите? Как может китаец дотянуться до России?

Пуаро раздраженно глянул на меня и нахмурился.

– Для вас, Гастингс, – сказал он, – все кажется избыточным, если превышает возможности вашего собственного воображения; что касается меня, я согласен с этим джентльменом. Но прошу вас, мсье, продолжайте!

– Чего именно он надеется достичь посредством всех этих событий, я не могу сказать с уверенностью, – снова заговорил мистер Инглз. – Но я предполагаю, что его одолела та же болезнь, которой страдали величайшие умы от Акбара и Александра до Наполеона, – жажда власти и личного

верховенства. Вплоть до недавних времен для завоевания были необходимы армии, однако в этом веке беспокойные люди вроде Ли Чанг Йена могут использовать другие средства. У меня есть доказательства, что в его распоряжении имеются неограниченные суммы для подкупа и пропаганды, и есть признаки того, что он завладел некоей научной силой, куда более мощной, чем мог бы вообразить мир.

Пуаро слушал мистера Инглза с самым пристальным вниманием.

– А в Китае? – спросил он. – На Китай тоже распространяются его интересы?

Его собеседник энергично кивнул.

– Да, – сказал он. – Хотя у меня нет доказательств, которые признал бы суд, я могу говорить на основании собственных знаний. Я лично знаком с каждым, кто хоть что-то представляет собой в сегодняшнем Китае, и поэтому заявляю вам: те люди, которые постоянно появляются на глазах у публики, значат очень мало или не значат вовсе ничего. Они марионетки, танцующие на веревочках, а руководит ими рука искусного мастера, и это рука Ли Чанг Йена. Он сегодня – главный направляющий мозг Востока. Мы не понимаем Восток... мы никогда его не поймем; но Ли Чанг Йен – его животворящий дух. Это не значит, что он стоит в свете рампы – о нет, ничего подобного; он вообще никогда не покидает свой дворец в Пекине. Но он дергает за ниточки – да, именно так, дергает за ниточки, и что-то происходит вдали от него.

– Но неужели никто не пытается сразиться с ним? – спросил Пуаро.

Мистер Инглз наклонился вперед, крепко сжав подлокотники кресла.

– Четверо пытались за последние четыре года, – медленно проговорил он. – Люди сильные, честные, чрезвычайно умные. У каждого из них была возможность так или иначе нарушить планы китайца. – Он замолчал.

– Ну, и?.. – спросил я.

– Ну, они все умерли. Один из них написал статью, в которой упомянул имя Ли Чанг Йена в связи с беспорядками в Пекине, и через два дня его зарезали прямо на улице. Его убийцу так и не нашли. С двумя другими произошло нечто подобное. В речах или статьях, или просто в личной беседе каждый из них связал имя Ли Чанг Йена с бунтом или революцией, и в течение недели после столь неблагоразумных поступков они умерли. Одного отравили; второй умер от холеры, причем это был единственный случай, отнюдь не эпидемия. Еще одного якобы просто нашли мертвым в собственной постели. В последнем случае причины смерти вроде бы не были определены, однако врач, осматривавший тело, рассказал мне, что труп был обожжен и сморщен, как если бы сквозь него

пропустили электрический заряд огромной силы.

– А Ли Чанг Йен? – спросил Пуаро. – Само собой, к нему не вело никаких следов, но ведь должны быть какие-то признаки его связи с этими делами?

Мистер Инглз передернул плечами:

– Ох, признаки... Ну да, конечно. Мне в конце концов удалось отыскать человека, который согласился кое-что рассказать, – это был блестящий молодой химик, китаец, и он был из людей Ли Чанг Йена. Он пришел однажды ко мне, этот химик, и я увидел, что он находится на грани нервного срыва. Он намекнул мне на некие эксперименты, в которых он участвует и которые проводятся во дворце Ли Чанг Йена под руководством самого мандарина, – эксперименты на китайских кули, и в ходе этих экспериментов проявляется потрясающее равнодушие к жизни и страданиям людей. Нервы химика были до предела натянуты, он пребывал в состоянии хронического ужаса. Я уложил его в постель в комнате на верхнем этаже собственного дома, намереваясь расспросить как следует на другой день... и это, конечно, было глупостью с моей стороны.

– Но как они его достали? – резко спросил Пуаро.

– Этого я никогда не узнаю. Я проснулся в ту ночь и обнаружил, что дом охвачен огнем, и мне просто повезло, что я не погиб. Следствие установило, что огонь невиданной силы внезапно вспыхнул на верхнем этаже, и останки моего молодого химика превратились в пепел.

По той горячности, с которой говорил мистер Инглз, я без труда догадался, что он оседлал любимого конька, и он тоже это осознал, потому что виновато рассмеялся.

– Но, конечно же, – сказал он, – у меня нет никаких доказательств, и вы, как и все прочие, можете просто сказать, что я слегка свихнулся.

– Напротив, – тихо возразил Пуаро, – мы имеем все причины верить вашей истории. Мы немало заинтересованы в сведениях о Ли Чанг Йене.

– Очень странно, что вы знаете о нем. Я и вообразить не мог, что хотя бы одна душа в Англии о нем слышала. Мне бы очень хотелось узнать, как вы столкнулись с этим именем... если это не слишком нескромно с моей стороны.

– Ничуть, мсье. Некий человек пришел ко мне домой. Он пребывал в состоянии шока, но сумел сказать достаточно, чтобы заинтересовать нас Ли Чанг Йеном. Он описал четверых людей – Большую Четверку – как организацию, о какой до сих пор никто не мог бы и помыслить. Номер Первый – это Ли Чанг Йен, Номер Второй – некий неведомый американец, Номер Третий – в равной мере неведомая француженка, Номер Четвертый

может быть назван палачом организации – это *Истребитель*. Мой осведомитель умер. Скажите, мсье, вам вообще знакомо это выражение – Большая Четверка?

– Не в связи с Ли Чанг Йеном. Нет, не могу сказать так. Но я слышал это или читал... и совсем недавно... в каком-то неожиданном контексте. А, вот что...

Он встал и подошел к лаковому инкрустированному шкафчику для бумаг – то был самый изумительный экземпляр, какой мне когда-либо приходилось видеть. Вернулся он с письмом в руке.

– Вот оно. Его прислал один старый моряк, с которым я однажды столкнулся в Шанхае. Старый нечестивец, закосневший в грехе... но, должен сказать, во хмелю он очень сентиментален. Я вообще-то принял это за пьяный бред...

Он прочел вслух:

– «Уважаемый сэр,

Вы, возможно, и не помните меня, но Вы однажды помогли мне в Шанхае. Помогите мне еще раз! Мне необходимы деньги, чтобы покинуть эту страну. Я надеюсь, что хорошо спрятался здесь, но однажды они могут найти меня. Большая Четверка, я хочу сказать. Это вопрос жизни и смерти. У меня денег много, но я не осмеливаюсь взять их, поскольку боюсь навести их на свой след. Пришлите мне пару сотен в письме. Я верну их, не сомневайтесь, клянусь в этом. Ваш слуга, сэр,

Джонатан Уэлли».

Отправлено из бунгало Грантл, Хоппатон, Дартмур, – сказал мистер Инглз. – Боюсь, я воспринял это как примитивную попытку облегчить мой кошелек на пару сотен, только и всего. Если вам это может пригодиться... – Он протянул письмо Пуаро.

– Je vous remercie^[6], мсье, – ответил Пуаро. – Я немедленно отправляюсь в Хоппатон.

– Бог мой, как это интересно! А если я поеду с вами? Вы ничего не имеете против?

– Я буду очень рад вашему обществу, но мы должны выехать сейчас же. Иначе мы просто не доберемся в Дартмур до сумерек.

Джон Инглз задержал нас не больше чем на две минуты, и вскоре мы уже сидели в поезде, отправлявшемся с вокзала в Паддингтоне на запад

Англии. Хоппатон оказался маленькой деревушкой, приютившейся на самом краю вересковых пустошей. До него пришлось ехать на автомобиле – девять миль от Мортонхэмстеда. Было уже около восьми вечера, когда мы добрались туда; однако на дворе стоял июль, и света еще вполне хватало.

Мы въехали на узкую улочку деревни и остановились, чтобы расспросить о дороге какого-то старого крестьянина.

– «Гранитное бунгало», – задумчиво произнес старик, – то есть это вы ищете «Гранитное бунгало», так я понял?

Мы заверили его, что он все понял правильно и нам нужен именно этот дом.

Старый абориген показал на маленький серый коттедж в конце улицы.

– Вон оно, это бунгало. Вы хотите повидать инспектора?

– Какого инспектора? – резко спросил Пуаро. – Что вы имеете в виду?

– Вы что же, и не слыхали об убийстве, что ли? Жуткое дело, говорят. Лужи крови, так мне рассказывали.

– Mon Dieu! – пробормотал Пуаро. – Этот ваш инспектор... я должен немедленно его увидеть!

Пять минут спустя мы уже представлялись инспектору Мидоузу. Инспектор поначалу держался напряженно, однако волшебное имя инспектора Джеппа из Скотленд-Ярда произвело свое впечатление, и Мидоуз оттаял.

– Да, сэр, его убили сегодня утром. Ужасное дело! Они позвонили в Мортон, и я тут же приехал. Начать с того, что все выглядит уж очень загадочно. Старый человек – ему уже было около семидесяти, знаете ли... и любитель приложиться к бутылке, как я слышал... Он лежал на полу в гостиной. На голове у него была шишка, а горло перерезано от уха до уха. На полу море крови, как вы понимаете. Бетси Андрес, это женщина, которая ему готовила, сказала, что у ее хозяина было несколько маленьких китайских фигурок из нефрита, он ей объяснял, что они очень дорогие, – так вот, они исчезли. Так что все это выглядит как ограбление; но тут есть множество несоответствий и трудностей. У этого старика в доме жили два человека: эта самая Бетси Андрес, она из Хоппатона, и кто-то вроде лакея, Роберт Грант. Грант как раз ушел на ферму за молоком, он это делает каждый день, а Бетси вышла немножко поболтать с соседкой. Она отсутствовала всего около двадцати минут – между десятью и половиной одиннадцатого, – и преступление должно быть совершено именно в это время. Грант вернулся домой первым. Он вошел через заднюю дверь, та была открыта – в этих краях вообще никто не запирает двери... ну, во всяком случае днем, – и прошел в свою комнату, чтобы почитать газету и

покурить. Ему и в голову не пришло, что могло случиться нечто необычное – так он утверждает. Потом пришла Бетси, заглянула в гостиную, увидела хозяина и завопила так, что могла бы и мертвого разбудить. Вот и все. Кто-то вошел в дом, пока эти двое отсутствовали, и прикончил старого беднягу. Но что меня сразу поразило, так это то, что убийца должен быть невероятно хладнокровен и знать местность. Ему ведь нужно было пройти по деревенской улице или как-то подобраться к дому через сады. Вокруг «Гранитного бунгало» сплошь стоят дома, вы же видите. Как же получилось, что никто не заметил постороннего?

Инспектор демонстративно умолк.

– Ага, я улавливаю вашу мысль, – сказал Пуаро. – И что дальше?

– Ну, сэр, я сказал себе: подозрительно, это очень подозрительно. И начал рассуждать. Возьмем хоть эти нефритовые фигурки. Мог ли обычный грабитель вообще догадаться, что они дорого стоят? Да и в целом это же чистое безумие – совершать такое среди бела дня. Ну а представьте, старик позвал бы на помощь?

– Я думаю, инспектор, – сказал мистер Инглз, – удар по голове был нанесен погибшему до того, как он умер?

– Совершенно верно, сэр. Сначала его оглушили, то есть убийца оглушил, а уж потом перерезал ему горло. Это совершенно очевидно. Но как, черт побери, этот тип пришел и ушел? В таких маленьких деревушках чужаков замечают мгновенно. Это первым делом пришло мне в голову – никого постороннего тут не было! Уж это я проверил как следует. Накануне ночью шел дождь, и следы ног, ведущие в кухню и из нее, видны совершенно отчетливо. В гостиной нашлось только два типа следов (Бетси Андрес остановилась на пороге) – мистера Уэлли, который ходил в ковриках, и еще одного человека. Этот другой человек наступил на кровавое пятно, и я проследил за его кровавыми отпечатками... О, простите, сэр!

– Ничего, ничего, – откликнулся заметно побледневший мистер Инглз с кривой улыбкой. – Повторение прилагательных вполне допустимо в таком случае.

– Эти следы вели в кухню – но не выходили из нее. Это пункт первый. Далее. На дверном косяке комнаты Роберта Гранта было едва заметное пятно – пятно крови. Это пункт второй. Третий пункт появился, когда я взял ботинки Гранта – он их снял – и приложил к следам. Полное совпадение. Так что это – дело домашнее. Я сообщил Гранту о его правах и взял его под арест. И как вы думаете, что я нашел в его бумажнике? Крошечные нефритовые фигурки и справку о досрочном освобождении.

Роберт Грант оказался Абрахамом Биггзом, пять лет назад осужденным за ограбление дома.

Инспектор с торжествующим видом оглядел всех.

– Ну, что вы на это скажете, джентльмены?

– Думаю, – сказал Пуаро, – что все это выглядит довольно простым случаем... вообще-то просто удивительно простым. Этот Биггс, или Грант... он, должно быть, ужасно глуп и необразован, а?

– Да, он именно таков – грубый, примитивный парень. Никакого представления о том, что могут значить следы ног и отпечатки пальцев.

– Он явно не читает детективные романы! Ну что ж, инспектор, поздравляю вас. Мы можем взглянуть на место преступления, а?

– Я вас туда сам провожу, сейчас же. Мне бы хотелось, чтобы вы увидели те следы ног.

– Да, мне бы тоже хотелось на них посмотреть. Да-да, это очень интересно, очень остроумно...

Мы все вместе направились к дому. Мистер Инглз с инспектором возглавляли шествие, а я чуть придержал Пуаро, чтобы поговорить с ним вне досягаемости ушей инспектора.

– Что вы думаете на самом деле, Пуаро? Здесь есть что-то, чего не видно с первого взгляда?

– Это отличный вопрос, друг мой. Уэлли в своем письме совершенно недвусмысленно сообщил, что Большая Четверка идет по его следу, а мы, вы и я, знаем, что Большая Четверка – это не бука, которой пугают детишек. Вроде бы все обстоятельства говорят за то, что этот человек, Грант, действительно совершил преступление. Но зачем он это сделал? Неужели ради маленьких нефритовых фигурок? Или же он – агент Большой Четверки? На мой взгляд, последнее предположение выглядит более обоснованно. Как бы ни были дороги статуэтки, человек такого типа едва ли может это понимать по-настоящему – и в любом случае он не станет из-за них совершать убийство (хотя эта мысль ошеломила бы инспектора). Нет, такой человек просто украл бы фигурки, вместо того чтобы так жестоко и бессмысленно убивать хозяина. Да-да... Боюсь, наш девонширский друг не использует свои маленькие серые клеточки. Он измерил отпечатки ботинок, но не потрудился привести все свои идеи в надлежащий порядок, используя правильный метод.

Глава 4

Значение бараньей ноги

Инспектор достал из кармана ключ и отпер дверь «Гранитного бунгало». День стоял сухой и теплый, так что наши ноги едва ли могли оставить какие-то следы; тем не менее мы тщательно вытерли их, прежде чем войти в дом.

Из полутьмы выступила женщина и заговорила с инспектором, он повернулся к ней, а нам бросил через плечо:

– Вы пока осмотритесь тут, мсье Пуаро, вдруг увидите что-то интересное. Я приду минут через десять. Кстати, вот это – ботинок Гранта. Я принес его специально для вас, чтобы можно было все проверить на месте.

Мы прошли в гостиную, а звук шагов инспектора затих в другой стороне. Вниманием Инглза мгновенно завладели китайские безделушки, стоявшие в углу на столе, и он направился к ним, чтобы рассмотреть как следует. Он, похоже, ничуть не интересовался действиями Пуаро. Я же, напротив, следил за своим другом затаив дыхание. Пол гостиной был покрыт темно-зеленым линолеумом, идеальным для любых отпечатков. Дверь в дальнем конце гостиной вела в маленькую кухню, а уже из кухни можно было пройти в буфетную (и к черному ходу), а также к маленькой спальне, которую занимал Роберт Грант. Пуаро, исследуя пол, непрерывно бормотал себе под нос нечто вроде комментариев:

– Так, вот здесь лежало тело; это большое темное пятно и брызги вокруг хорошо отмечают место... Следы ковровых тапочек и ботинок девятого размера, как видите, но все перепутано. Затем две линии следов, ведущих к кухне и от нее; кем бы ни был убийца, он вошел с той стороны. Башмак у вас, Гастингс? Дайте-ка его мне... – Он тщательно сравнил ботинок со следами. – Да, это оставлено именно Робертом Грантом. Он вошел с кухни, убил старика и снова вышел в кухню. Он наступил на кровавое пятно: видите пятна, которые он оставил, когда выходил? В кухне, конечно, ничего не видно – туда уже успела заглянуть вся деревня. Он пошел в свою комнату... нет, сначала он еще раз вернулся на место преступления... Неужели затем, чтобы взять те маленькие нефритовые фигурки? Или он забыл что-то такое, что могло его выдать?

– Возможно, он убил старика, когда вошел во второй раз? –

предположил я.

– Mais поп^[7], вы не желаете наблюдать! Один из следов, помеченных кровью и ведущих наружу, перекрыт следом, ведущим внутрь, в гостиную. Хотел бы я знать, зачем он вернулся... только после подумал о нефритовых статуэтках? Это все ужасно глупо... по-дурацки.

– Ну, он мог просто растеряться.

– N'est-ce pas?^[8] Говорю же вам, Гастингс, все это противоречит рассудку. Это бросает вызов моим маленьким серым клеточкам. Давайте-ка заглянем в его спальню... ах, точно; здесь пятно крови на дверном косяке и тоже следы ног... кровавые следы. Следы Роберта Гранта, и только его – возле тела... Роберт Грант – единственный человек, который проходил мимо дома... Да, должно быть так.

– А как насчет той пожилой женщины? – вдруг сказал я. – Она была одна в доме после того, как Грант отправился за молоком. Она могла убить хозяина, а потом уйти. Ее ноги не оставили следов, если она до того не выходила на улицу.

– Отлично, Гастингс. Я рад, что эта идея посетила вас. Я как раз думал над этим и рассматривал такую возможность. Бетси Андрес – местная женщина, ее хорошо знают в округе. Она не может быть связана с Большой Четверкой; и, кроме того, старик Уэлли был крепким парнем, как ни посмотри. Это дело рук мужчины... да, мужчины, а не женщины.

– Ну, я полагаю, вряд ли у Большой Четверки оказалось под рукой какое-то дьявольское приспособление, встроенное в потолок этой гостиной... ну, что-то такое, что автоматически спустилось и перерезало старику горло, а потом снова исчезло.

– Вроде лестницы Иакова? Я знаю, Гастингс, что у вас чрезвычайно богатое воображение... но я умоляю вас держать его в рамках.

Я стушевался, немало смущенный. Пуаро продолжал бродить туда-сюда, заглядывая в разные комнаты и шкафы, его лицо по-прежнему хранило выражение недовольства и разочарования. Внезапно он как-то странно по-собачьи взвизгнул на манер шпица. Я бросился к нему. Он стоял в кладовой в драматической позе. И держал в поднятой руке баранью ногу!

– Дорогой Пуаро! – воскликнул я. – Что случилось? Уж не сошли ли вы вдруг с ума?

– Посмотрите на эту баранину, умоляю вас! Но посмотрите на нее внимательно!

Я рассмотрел ее так внимательно, как только мог, но ничего

необычного в ней не заметил. Она выглядела вполне обычной бараньей ногой. Именно это я и сказал. Пуаро бросил на меня уничижительный взгляд.

– Но разве вы не видите вот это... и это... и это...

Каждое «это» он иллюстрировал, тыча пальцем в совершенно безобидные крохотные льдинки на мясе.

Пуаро только что обвинил меня в избытке воображения, но теперь я почувствовал, что он в своих фантазиях зашел куда дальше, чем я. Неужели он и в самом деле решил, что эти крохотные серебряные льдинки – кристаллы смертельного яда? Ничем другим я не мог объяснить себе его непонятное возбуждение.

– Это мороженое мясо, – мягко объяснил я. – Импортное, вы же знаете. Из Новой Зеландии.

Он мгновение-другое таращился на меня, а потом вдруг разразился странным хохотом.

– Мой друг Гастингс просто великолепен! Он все знает... ну абсолютно все! Как это говорят... «ничего не пропустит и не упустит»! Это и есть мой друг Гастингс.

Он бросил баранью ногу на большое блюдо, где она и лежала прежде, и вышел из кладовки. Потом выглянул в окно.

– А, вон идет наш дорогой инспектор. Это кстати. Я уже увидел здесь все, что мне было нужно. – И он принялся с отсутствующим видом барабанить пальцами по столу, словно погрузившись в некие расчеты, а потом внезапно спросил: – Друг мой, какой сегодня день недели?

– Понедельник, – с немалым изумлением ответил я. – А что...

– Ах! Понедельник, вот как? Тяжелый день, верно? Совершать убийство в понедельник было большой ошибкой.

Вернувшись в гостиную, он стукнул пальцем по стеклу барометра и взглянул на термометр.

– Ясно, тихо, семьдесят градусов по Фаренгейту. Вполне обычный английский летний день.

Инглз все еще изучал различные китайские вещицы.

– Вас, похоже, не слишком интересует наше расследование, мсье? – сказал Пуаро.

Инглз спокойно улыбнулся.

– Видите ли, это не мое дело. Я во многом разбираюсь, но не в этом. А значит, я должен держаться в сторонке и не мешать. На Востоке я научился терпению.

В гостиную стремительно ворвался инспектор, извиняясь за свое

долгое отсутствие. Он настаивал на том, чтобы самому заново показать нам все следы, но нам удалось от этого отвертеться.

– Я благодарен вам за вашу бесконечную любезность, инспектор, – сказал Пуаро, когда мы снова шли по деревенской улице. – Но у меня будет к вам еще одна просьба.

– Вы, наверное, хотите взглянуть на труп, сэр?

– О, бог мой, нет! Меня совершенно не интересует труп. Я хочу повидать Роберта Гранта.

– Вы можете вернуться в Мортон со мной, сэр, и там поговорить с ним.

– Отлично, я так и сделаю. Но я должен встретиться и поговорить с ним наедине.

Инспектор задумчиво прикусил верхнюю губу.

– Ну, насчет этого я не знаю, сэр...

– Уверяю вас, если вы свяжетесь со Скотленд-Ярдом, вы получите полное одобрение.

– Я, конечно, слышал о вас, сэр, и я знаю, что вы время от времени помогаете полиции. Но это лишь отдельные случаи...

– И тем не менее это необходимо, – спокойно заявил Пуаро. – Это необходимо по той причине, что... что Грант – не убийца.

– Что?! Но тогда кто же?

– Убийца, как я представляю, был довольно молодым человеком. Он подъехал к «Гранитному бунгало» на двуколке, которую оставил прямо у двери. Он вошел в дом, совершил убийство, вышел и снова уехал. Он был без головного убора, а его одежда была сильно запачкана кровью.

– Но... но тогда его заметила бы вся деревня!

– Не при данных обстоятельствах.

– Ну, возможно, если бы стояла ночь... но ведь преступление было совершено при дневном свете!

Пуаро лишь улыбнулся в ответ.

– Да еще и лошадь, и двуколка, сэр... Как вы можете утверждать подобное? Здесь проезжает не так уж много экипажей. И никто не заметил чего-то такого...

– Обычными глазами, возможно, и не заметили; только внутренним взором.

Инспектор многозначительно коснулся пальцем своего лба и усмехнулся, посмотрев на меня. Я был совершенно сбит с толку, но я верил в Пуаро. Дальнейшего обсуждения не последовало, и мы отправились в Мортон вместе с инспектором. Пуаро и меня допустили к Гранту, но во

время беседы присутствовал констебль. Пуаро сразу приступил к делу.

– Грант, я знаю, что вы не совершали этого преступления. Расскажите мне точно обо всем, что произошло, своими словами, как сумеете.

Арестованный был человеком среднего роста с довольно неприятным выражением лица. С виду настоящий уголовник.

– Богом клянусь, сэр, не делал я этого! – начал жаловаться Грант. – Кто-то подсунул эти стеклянные фигурки ко мне в бумажник! Это подтасовка, вот что это такое! Я, когда вернулся, сразу прошел в свою комнату, как я и говорил. Я и не знал ни о чем, пока Бетси не завизжала. Бог свидетель, я тут ни при чем!

Пуаро встал.

– Если вы не в состоянии сказать правду, закончим на этом.

– Но послушайте...

– Вы заходили в ту комнату... и вы знали, что хозяин мертв; и для вас не было неожиданностью, что добрая Бетси подняла ужасный шум.

Грант смотрел на Пуаро, разинув рот.

– Ну что, разве все было не так? Я не шутя вам говорю – и говорю совершенно честно, – что искренность – ваш единственный шанс.

– Ну, тогда я рискну, пожалуй, – неожиданно сказал Грант. – Все так и было, как вы говорите. Я вошел в дом и направился прямо к хозяину – а он там лежал мертвый на полу, и кругом кровища... Ну, я и решил посмотреть оттуда. Они бы сразу разнюхали, кто я таков, и уж точно сказали бы, что это я сделал. Я только и думал о том, чтобы сбежать... поскорее, пока его не нашли.

– А нефритовые фигурки?

Грант заколебался.

– Ну, понимаете...

– Вы их схватили вроде бы машинально, так ведь? Вы слышали, как ваш хозяин говорил об их ценности, и вы подумали, что вполне можете прибрать их к рукам. Ну, это я понимаю. А теперь скажите мне вот что. Вы взяли фигурки тогда, когда вошли в комнату во второй раз?

– Не входил я туда второй раз! Мне и одного раза хватило!

– Вы в этом уверены?

– Уж конечно, уверен!

– Хорошо. Теперь вот что. Когда вы освободились из тюрьмы?

– Два месяца назад.

– Как вы получили эту работу?

– Да через одно из этих обществ помощи заключенным, знаете ведь про такие. Их парень встретил меня, когда я вышел.

– Как он выглядел?

– Ну, он не то чтобы был священником, но похож. Мягкая черная шляпа, и говорил так слащаво... У него еще один передний зуб сломан. Очкарик. Сандерсом его звали. Сказал, что надеется на мое исправление и что нашел мне хорошее место. Я и пошел по его рекомендации к старику Уэлли.

Пуаро снова встал.

– Благодарю вас. Теперь я все знаю. Наберитесь терпения. – Он задержался у выхода и добавил: – Сандерс подарил вам пару башмаков, верно?

На лице Гранта отразилось изумление.

– Ну да, подарил... А откуда вы-то об этом знаете?

– Это моя работа – все знать, – серьезно ответил Пуаро.

Обменявшись словом-другим с инспектором, мы втроем отправились в кабачок «Нежное сердце» и заказали яичницу с беконом и девонширский сидр.

– Что-нибудь объясните нам? – с улыбкой спросил Инглз.

– Да, теперь все вполне разъяснилось. Но, видите ли, мне было бы трудно доказать свою точку зрения. Уэлли был убит по приказу Большой Четверки – и не Грантом. Некий очень умный человек устроил Гранта на это место, заранее планируя сделать из него козла отпущения, – и это было бы совсем нетрудно, учитывая прошлое Гранта. Этот человек подарил Гранту пару башмаков – одну из двух совершенно одинаковых пар. А другую пару оставил себе. Совершить задуманное было чрезвычайно просто. Когда Гранта не было в доме, а Бетси болтала с кем-то в деревне (а она, видимо, каждый день этим занималась), убийца подъехал к дому, предварительно надев копию ботинок Гранта, вошел в кухню, сразу прошел в гостиную, оглушил старого Уэлли и перерезал ему горло. Потом он вернулся в кухню, снял ботинки, надел другую пару, которая была у него с собой, и, забрав с собой те башмаки, в которых было совершено преступление, спокойно вышел из дома и уехал.

Инглз внимательно посмотрел на Пуаро.

– В этом что-то есть, безусловно. Вот только почему его никто не заметил?

– А! Вот тут-то и проявился большой ум Номера Четвертого, я убежден. Все его видели – и никто не заметил. Видите ли, он явился в тележке мясника!

Я невольно вскрикнул:

– Баранья нога?!

– Совершенно верно, Гастингс, баранья нога. Все клянутся, что в это утро к «Гранитному бунгалю» никто не подходил, и тем не менее я обнаружил в кладовке баранью ногу, еще не растаявшую. Был понедельник, следовательно, мясо должно было быть доставлено в то утро; ведь если бы его привезли в субботу, при нынешней теплой погоде льдинки не пережили бы воскресенье. А значит, кто-то *подходил* к бунгалю, и это был такой человек, на чьей одежде пятна крови выглядели совершенно естественно и не привлекли внимания.

– Черт побери, да он гений! – одобрительно воскликнул Инглз.

– Да, он умен, этот Номер Четвертый.

– Так же умен, как Эркюль Пуаро? – пробормотал я.

Мой друг удостоил меня негодующего взгляда.

– Есть вещи, которые вы не должны были бы себе позволять, Гастингс, – наставительно произнес он. – Разве я не спас уже невинного человека от виселицы? Для одного дня этого вполне достаточно.

Глава 5

Исчезнувший ученый

Я вообще-то не думаю, что инспектор Мидоуз полностью поверил в невиновность Гранта, или Биггза, несмотря на то что суд признал его непричастным к убийству Джонатана Уэлли. Обвинение, которое он выстроил против Гранта: справка из тюрьмы, украденные нефритовые фигурки, ботинки, которые совершенно точно совпадали со следами в гостинной убитого, – было, на его прямолинейный взгляд, слишком хорошо, чтобы его можно было опровергнуть; однако Пуаро, преодолев свою неприязнь к даче показаний, сумел убедить присяжных. Были вызваны двое свидетелей, видевших в тот понедельник возле бунгало Уэлли тележку мясника, а местный мясник показал, что сам он бывает в этой деревне лишь по вторникам и пятницам.

Нашли также женщину, которая при расспросах вспомнила, что видела выходящего из бунгало мясника, но не смогла дать описания его внешности. У нее лишь сохранилось смутное впечатление, что тот был среднего роста, чисто выбрит и выглядел точь-в-точь как положено выглядеть мяснику. Услышав это рассуждение, Пуаро лишь с философским видом пожал плечами.

– Именно это я и говорил вам, Гастингс, – сказал он мне после суда. – Он артист, этот человек. Он маскируется вовсе не при помощи фальшивой бороды и темных очков. Он изменяет свое лицо, да; но это лишь малая часть дела. Он на время *становится* другим человеком. Он живет в своей роли.

Да, действительно, я вынужден был признать, что тот человек, который приходил к нам домой, выглядел в точности так, как я представлял себе служителя психиатрической больницы. Мне и в голову не пришло бы усомниться в его, так сказать, подлинности.

Все это несколько обескураживало, и наши открытия в Дартмуре, похоже, ничем нам не помогли. Я сказал об этом Пуаро, однако он не соглашался признать, что мы ничуть не продвинулись вперед.

– Мы продвинулись, – сказал он, – мы продвинулись. При каждом столкновении с этим человеком мы чуть-чуть больше узнаем об особенностях его ума и его методах. А он ничего не знает о нас и о наших планах.

– Но тогда, Пуаро, – возразил я, – мы с ним в одинаковом положении! Я тоже не знаю, есть ли у вас какие-то планы, мне кажется, вы просто сидите на месте и ждете, чтобы он предпринял что-нибудь!

Пуаро улыбнулся.

– Mon ami, вы не меняетесь. Вы всегда остаетесь все тем же Гастингсом, настроенным по-боевому. Возможно, – добавил он, так как в эту минуту послышался стук в дверь, – у вас сейчас будет шанс. – И он рассмеялся, увидев мое разочарование: в гостиную вошел инспектор Джепп с каким-то человеком.

– Добрый вечер, мсье, – сказал инспектор. – Позвольте представить вам капитана Кента из американской Секретной службы.

Капитан Кент оказался высоким худым американцем со странно неподвижным лицом, выглядевшим так, словно его вырезали из дерева.

– Рад познакомиться с вами, джентльмены, – пробормотал он, коротко пожимая нам руки.

Пуаро подбросил в камин еще одно полено и придвинул ближе кресла для гостей. Я принес стаканы, виски и содовую. Капитан сделал большой глоток и одобрительно хмыкнул.

– Законодательство вашей страны мне по душе, – заметил он.

– Ну, перейдем к делу, – сказал Джепп. – Мсье Пуаро просил меня разузнать кое-что. Он по каким-то причинам интересовался, что кроется под названием «Большая Четверка», и просил в любое время дать ему знать, если я в своих служебных делах встречу с этими словами. Я не обратил на это особенного внимания, но запомнил его слова, и когда присутствующий здесь капитан явился ко мне и изложил любопытную историю, я тут же сказал: «Нам нужно зайти к мсье Пуаро».

Пуаро перевел взгляд на капитана Кента, и американец заговорил:

– Возможно, мсье Пуаро, вам приходилось читать о том, что несколько торпедных лодок и миноносцев затонули, налетев на скалы у берегов Америки. Это случилось вскоре после японского землетрясения, и их гибель приписали шторму и сильной приливной волне. Ну, а совсем недавно в наши руки попались кое-какие люди... и с ними – кое-какие документы, проливающие совершенно новый свет на этот случай. В бумагах упоминается некая организация, именуемая «Большая Четверка», и дается весьма неполное описание некоего аппарата... Этот прибор или аппарат якобы способен накапливать огромное количество энергии и в виде узкого луча невероятной разрушительной силы посылать ее в любую заданную точку. Все это на первый взгляд казалось полным абсурдом, однако я переслал бумаги в штаб, чтобы там сами решили, чего они стоят, и

один из наших высоколобых профессоров вроде бы ими заинтересовался. А потом до нас дошло известие, что один из ваших британских ученых выступил в научном обществе с докладом на сходную тему. Его коллеги по многим причинам не приняли доклад всерьез, тем более что звучало все слишком самоуверенно и фантастично, однако ваш ученый стоял на своем и заявил, что он накануне успеха в своих экспериментах.

– Вот как? – воскликнул Пуаро, проявляя явный интерес.

– Было решено, что мне следует приехать сюда и поговорить с этим джентльменом. Он весьма молод, этот Холлидей. Он один из ведущих ученых в данной области, и я должен был узнать у него, возможно ли вообще то, о чем он говорил.

– Ну и как, это возможно? – не удержавшись, спросил я.

– Вот как раз этого я и не знаю. Я не видел мистера Холлидея... и вряд ли мне удастся его увидеть, если учесть все обстоятельства.

– По правде говоря, – коротко сказал инспектор Джепп, – Холлидей исчез.

– Когда? – спросил Пуаро.

– Два месяца назад.

– О его исчезновении было заявлено?

– Да, разумеется. Его жена, чрезвычайно взволнованная, пришла к нам. Мы сделали, что могли, но я заранее знал, что толку не будет.

– Почему же?

– Да потому, что в таких случаях всегда так... когда мужчина исчезает подобным образом, – и Джепп подмигнул.

– Каким образом?

– В Париже.

– Так Холлидей исчез в Париже?

– Да. Отправился туда по каким-то научным делам... ну, так он сказал. Конечно, он и должен был сказать что-то в этом роде. Но вы же знаете, что значит, когда мужчина пропадает в этом городе. То ли это дело рук местных головорезов, и тогда ему конец, то ли добровольное исчезновение... Ну, могу сказать, что искать его бесполезно. Веселый Париж и все такое, сами понимаете. Надоела ему семейная жизнь, к тому же повздорил с женой перед отъездом, – в общем, дело ясное.

– Сомневаюсь, – задумчиво произнес Пуаро.

Американец удивленно посмотрел на него.

– Скажите, мистер, – протяжно произнес он, – что это за Большая Четверка?

– Большая Четверка, – ответил Пуаро, – это международная

организация, возглавляемая неким китайцем. Он известен как Номер Первый. Номер Второй – американец, Номер Третий – француженка. Номер Четвертый, Истребитель, – англичанин.

– Француженка, вот как? – Американец присвистнул. – А Холлидей исчез в Париже. Возможно, тут и вправду что-то кроется. Как ее зовут?

– Я не знаю. Я вообще ничего не знаю о ней.

– Но у вас есть кое-какие предположения? – спросил его собеседник.

Пуаро кивнул, выстраивая стаканы в аккуратный ряд на подносе. Он был большим любителем порядка.

– А что насчет гибели тех кораблей? Может быть, Большая Четверка – это фокусы немцев?

– Большая Четверка существует и действует сама по себе... и только для себя, мсье капитан. Их цель – мировое господство.

Американец расхохотался во все горло, но вдруг умолк, глянув на мрачное и серьезное лицо Пуаро.

– Вы смеетесь, мсье, – сказал Пуаро, грозя капитану пальцем. – Вы не понимаете... вы совсем не пользуетесь своими маленькими серыми клеточками, не заставляете свой мозг работать. Кто те люди, которые уничтожили часть вашего военно-морского флота, просто испытывая свою силу? Ведь это, мсье, было лишь испытанием нового энергетического оружия, которым они владеют.

– Продолжайте, мсье, – весело и добродушно сказал Джепп. – Я прочел немало боевиков, но ни разу не встречал в них ничего подобного. Итак, вы слышали историю капитана Кента. Я могу быть еще чем-то вам полезен?

– Да, дорогой друг. Вы можете дать мне адрес миссис Холлидей... а также помочь мне встретиться с ней.

И следующий день застал нас в Четвинд-Лодж, неподалеку от деревеньки Чопхэм в Суррее.

Миссис Холлидей приняла нас сразу. Это была высокая светловолосая женщина, нервная и подвижная. Рядом с ней в гостиной находилась очаровательная девочка лет пяти.

Пуаро объяснил причину нашего визита.

– О! Мсье Пуаро, я так рада, так признательна! Конечно же, я слышала о вас. Вы совсем не такой, как эти люди из Скотленд-Ярда, которые и не слушают, и не пытаются понять. И французская полиция такая же... даже хуже, я думаю. Они все совершенно уверены, что мой муж просто сбежал с какой-то женщиной. Но он не мог сделать ничего подобного! Его только

одно интересует в жизни – работа! Половина наших ссор из-за этого и случалась. Он думает о работе гораздо больше, чем обо мне.

– Ну, англичане все такие, – умиротворяющим тоном произнес Пуаро. – А если они не работают, они занимаются спортом. И ко всему этому относятся чрезвычайно серьезно. Но я прошу вас, мадам, припомнить настолько точно, насколько вы сумеете, и по порядку, все обстоятельства исчезновения вашего супруга.

– Мой муж отправился в Париж во вторник, двадцатого июля. Он должен был встретиться и навестить нескольких человек в связи со своей работой, и среди них – мадам Оливер.

Пуаро кивнул при упоминании знаменитой француженки, прославившейся в области химии, – своими блестящими достижениями она затмила славу мадам Кюри. Французское правительство удостоило ее немалого количества наград, и она была одной из наиболее известных личностей современности.

– Он прибыл туда вечером и сразу же отправился в отель «Кастильон», на Рю де Кастильон. На следующее утро у него была назначена встреча с профессором Буржоне, и на эту встречу он явился. Он был таким же, как обычно. Они поговорили о своих делах и условились, что муж на следующий день приедет в лабораторию профессора, чтобы присутствовать при каком-то эксперименте. Муж пообедал в одиночестве в кафе «Роял», прогулялся, затем отправился с визитом к мадам Оливер в ее дом в Пасси. Там он тоже выглядел и держался как обычно. Он ушел оттуда около шести часов. Неизвестно, где и когда он ужинал – возможно, зашел в какой-нибудь ресторан. В гостиницу он вернулся около одиннадцати и сразу же прошел в свой номер, забрав пришедшие на его имя письма. На следующее утро он вышел из отеля и – больше его не видели.

– Во сколько он ушел в тот день? У него ведь была назначена встреча в лаборатории профессора Буржоне, так? Он вышел вовремя?

– Не знаю. Дело в том, что никто не видел, когда он покинул гостиницу. Но горничная, обслуживавшая номер, полагает, что он должен был уйти довольно рано.

– Или же он мог выйти накануне вечером, сразу после того, как вернулся?

– Не думаю. Его постель была разобрана, в ней явно спали, и ночной портье заметил бы, если бы кто-то вышел так поздно.

– Очень верное замечание, мадам. Итак, мы можем принять, что он вышел из гостиницы ранним утром на следующий день – и это уже утешительно в определенном отношении. В такой час он едва ли мог стать

жертвой нападения. А его багаж? Остался в гостинице?

Миссис Холлидей, похоже, не хотелось отвечать на этот вопрос, но в конце концов она сказала:

– Ну... он, должно быть, взял с собой только один маленький чемоданчик...

– Хм, – задумчиво произнес Пуаро. – Хотел бы я знать, где он был тем вечером. Если мы узнаем это, мы можем узнать очень много. С кем он встречался – вот в чем загадка. Мадам, у меня нет необходимости вставать на точку зрения полиции; они всегда твердят только одно: «Cherchez la femme». Однако совершенно очевидно: тем вечером произошло нечто, изменившее планы вашего супруга. Вы говорите, он спросил о письмах, когда вернулся в отель. Он получил что-то?

– Только одно, и, должно быть, то самое, которое я написала в день его отъезда из Англии.

Пуаро еще с минуту пребывал в глубоких размышлениях, затем живо вскочил на ноги.

– Хорошо, мадам, разгадка этой тайны лежит в Париже, и чтобы отыскать ее, я сам немедленно отправляюсь в этот город.

– Но это произошло уже так давно, мсье!

– Да-да. И тем не менее мы должны искать именно там.

Он повернулся, чтобы выйти из комнаты, но замер, положив ладонь на дверную ручку.

– Скажите мне, мадам, ваш муж никогда не произносил слов «Большая Четверка»?

– Большая Четверка? – задумчиво повторила женщина. – Нет, я такого не слышала.

Глава 6

Женщина на ступенях

Итак, это было все, что могла сказать миссис Холлидей. Мы поспешили обратно в Лондон и на следующее утро уже плыли на континент. Пуаро сказал с унылой улыбкой:

– Друг мой, эта Большая Четверка заставила меня сняться с места! Я бегаю туда и сюда, совершенно так же, как наш старый друг, «человек-ищейка»!

– Ну, возможно, вы встретитесь с ним в Париже, – заметил я, зная, что Пуаро имеет в виду некоего Жиро, одного из наиболее опытных парижских детективов, с которым он встречался в ходе предыдущих расследований.

Пуаро скривил губы:

– Искренне надеюсь, что нет. Он меня не любит, этот тип.

– Похоже, нам предстоит довольно сложная задача? – спросил я. – Выяснить, что делал неизвестный англичанин в один из вечеров два месяца назад?

– Очень сложная, *mon ami*. Но, как вы хорошо знаете, трудности лишь радуют сердце Эркюля Пуаро.

– Вы думаете, его похитила Большая Четверка?

Пуаро кивнул.

Наше расследование поневоле вело нас по остывшим следам, и мы мало что узнали, кроме того, что уже рассказала нам миссис Холлидей. Пуаро долго беседовал с профессором Буржоне, и в течение этой беседы всячески пытался выяснить, упоминал ли Холлидей о своих планах на тот вечер, – но так ничего и не узнал.

Следующей в нашем списке стояла прославленная мадам Оливер. Я ощущал сильное волнение, когда мы поднимались по ступеням ее виллы в Пасси. Мне всегда казалось весьма необычным и потрясающим, что женщина способна продвинуться так далеко в научном мире. Я привык думать, что для такой работы непременно необходим мужской мозг.

Нам открыл дверь молодой парнишка, лет семнадцати или около того, смутно напомнивший мне псаломщика, столь чопорными и церемонными были его манеры. Пуаро заранее условился о встрече, поскольку мы знали, что мадам Оливер никого не принимает без предварительной договоренности – ведь практически все ее дни были заняты научными

трудами.

Нас провели в небольшой салон, и вскоре туда вошла хозяйка дома. Мадам Оливер оказалась очень высокой женщиной, и ее рост еще более подчеркивался длинным белым платьем и похожей на монашескую шапочкой, красовавшейся на голове. Лицо мадам было длинным и бледным, а прекрасные темные глаза сверкали почти фанатическим огнем. Вообще она куда больше напоминала древнюю жрицу, нежели современную француженку. На одной щеке у нее виднелся шрам, и я вспомнил, что ее муж и соратник погиб при взрыве в лаборатории три года назад и что сама она была ужасно обожжена. С тех пор она удалилась от света и с яростной энергией погрузилась в научные исследования. Нас она встретила с холодной вежливостью.

– Меня уже неоднократно расспрашивала полиция, мсье. Я думаю, что едва ли могу чем-то вам помочь, поскольку полиции я помочь не смогла.

– Мадам, я по возможности постараюсь не задавать вам лишних вопросов. Начнем с того, о чем вы беседовали с Холлидеем.

Она посмотрела на Пуаро с веселым недоумением.

– Ну разумеется, о работе! О его работе... а также о моей.

– Он упоминал при вас о теории, которую недавно изложил в докладе, прочитанном в Британском научном обществе?

– Конечно, упоминал. Он только о ней и говорил.

– Его идеи были несколько фантастичны, не так ли? – небрежно спросил Пуаро.

– Кое-кто так и подумал. Но я с этим не согласна.

– Вы рассматривали их с практической стороны?

– Только с практической. Направление моих собственных исследований в чем-то сходно с этими идеями, хотя и подразумевает другие результаты. Я занимаюсь гамма-лучами, излучаемыми веществом, известным под названием радий-С, – и при этом я натолкнулась на некоторые весьма интересные магнетические феномены. На деле у меня есть теория о подлинной природе сил, которые мы называем магнетизмом, но пока еще не пришло время познакомить мир с моими открытиями. Эксперименты и идеи мистера Холлидея чрезвычайно заинтересовали меня.

Пуаро кивнул. Потом он задал вопрос, который меня удивил:

– Мадам, где вы обсуждали все эти вопросы? Здесь, в гостиной?

– Нет, мсье. В лаборатории.

– Могу я взглянуть на нее?

– Разумеется.

Мадам Оливер направилась к двери, через которую вошла в салон. За дверью оказался небольшой коридор. Мы миновали еще две двери и очутились в большой лаборатории, сплошь заставленной лабораторной посудой и тиглями, а также сотнями приборов, о названии которых я не имел ни малейшего представления. Двое сотрудников были заняты какими-то опытами. Мадам Оливер представила их:

– Мадемуазель Клауд, одна из моих ассистентов. – Высокая серьезная девушка поклонилась нам. – Мсье Генри, старый испытанный друг.

Молодой человек, низкорослый и смуглый, коротко кивнул.

Пуаро осмотрелся по сторонам. В лаборатории оказалось еще две двери, кроме той, через которую мы вошли. Одна из них, как объяснила мадам, вела в сад, другая – в меньшее помещение, также предназначенное для исследований. Пуаро выслушал все это, а затем изъясил готовность покинуть лабораторию.

– Мадам, во время вашей беседы с мистером Холлидеем кто-нибудь присутствовал здесь?

– Да, мсье. Оба мои ассистента находились в той комнате, за дверью.

– Мог ли кто-нибудь подслушать ваш разговор... кто-нибудь посторонний?

– Не думаю. Я почти уверена, что не мог. Все эти двери были заперты.

– А мог кто-нибудь спрятаться в этом помещении?

– Там в углу есть большой шкаф... Да нет, ваше предположение абсурдно!

– Pas tout à fait^[9], мадам. Еще одно: Холлидей упоминал о своих планах на вечер?

– Он ничего такого не говорил, мсье.

– Благодарю вас, мадам, и извините за то, что потревожили вас. Умоляю, не беспокойтесь – мы сами найдем дорогу к выходу.

Мы добрались до холла. Через парадную дверь только что вошла с улицы какая-то леди. Она быстро взбежала по ступеням вверх, и я успел заметить лишь плотную вуаль, какую носили обычно французские вдовы.

– Весьма необычный тип женщины, – заметил Пуаро, когда мы вышли.

– Мадам Оливер? Да, она...

– Mais non^[10], не мадам Оливер! Cela va sans dire!^[11] Это совсем другое дело. Подобных гениев немного в мире. Нет, я имел в виду другую леди – ту, что так красиво пробежала по ступеням вверх.

– Я не видел ее лица, – удивленно сказал я. – И не понимаю, как вы могли его рассмотреть. Да и она на нас не взглянула.

– Потому я и говорю, что это весьма необычный тип женщины, – благодушно ответил Пуаро. – Женщина, которая входит в свой дом... а я уверен, что это ее дом, поскольку она отперла дверь своим ключом, – и бежит вверх по лестнице, даже не бросив взгляда на двух незнакомцев в холле и не пожелав выяснить, кто они такие, это *весьма* необычная женщина... это даже неестественное поведение! Черт побери! Что это?

Он резко толкнул меня назад – и как раз вовремя. Прямо на дорожку грохнулось дерево, едва не задев нас. Пуаро уставился на него, бледный и ошеломленный.

– Да ведь мы едва не погибли! Но это грубо, безусловно, слишком грубо... ведь у меня не было подозрений... до этого момента – ни малейших подозрений! Да, если бы не мой острый взгляд, если бы не моя кошачья реакция – мир мог лишиться Эркюля Пуаро! И вас тоже, друг мой... хотя это и не стало бы национальной катастрофой.

– Спасибо, – холодно произнес я. – И что мы будем теперь делать?

– Что делать? – воскликнул Пуаро. – Думать! Да, прямо сейчас и здесь мы начнем упражнять свои маленькие серые клеточки. Начнем с этого мистера Холлидея – а был ли он вообще в Париже? Да, был, профессор Буржоне, который знаком с ним лично, видел его и говорил с ним...

– К чему, черт побери, вы ведете?! – воскликнул я.

– Было утро пятницы. В последний раз его видели в пятницу вечером... но *видели* ли его?

– Но портье...

– Ночной портье – до того он не видел Холлидея. Вошел какой-то человек, скорее всего даже похожий на Холлидея – уж в этом мы можем довериться нашему Номеру Четвертому, – спросил письма, поднялся наверх, уложил маленький чемоданчик и наутро ускользнул. В течение всего вечера никто не видел Холлидея – да, никто, потому что он уже попал в руки своих врагов. Кто приходил к мадам Оливер, был ли он Холлидеем? Да, был, потому что, хотя она и не знала его в лицо, вряд ли кто-нибудь смог бы обмануть ее с профессиональной точки зрения. Он вошел сюда, поговорил с мадам, вышел. И что случилось потом?

Схватив меня за руку, Пуаро буквально поволок меня назад.

– Теперь, друг мой, вообразите, что сейчас день его исчезновения, и мы ищем следы. Вы ведь любите всякие следы, правда? Смотрите: вот они, следы мужчины, следы Холлидея... он идет быстро, и вдруг – ах! Мы видим другие следы позади, и этот человек тоже спешит... но это маленькие следы, женские... Смотрите, они перекрывают следы Холлидея – следы гибкой молодой женщины под вдовой вуалью. Простите, мсье,

говорит она, мадам Оливер послала меня... Он останавливается, поворачивается. И что дальше делает молодая женщина? Она не хочет, чтобы кто-нибудь заметил их вместе. Конечно, это просто случайность – что она догнала его как раз возле вон того прохода между домами, разделяющего два сада. Она ведет его по этой аллее. Справа – сад виллы мадам Оливер, слева – сад другой виллы... и именно из этого сада, отметьте для себя, упало дерево, чуть-чуть не на нас. Обе калитки – того и другого сада – ведут на аллею. И здесь – засада. Выскакивают люди, хватают Холлидея и тащат в тот странный дом.

– Боже милостивый, Пуаро! – воскликнул я. – Вы воображаете, что видите все это?

– Я вижу это в уме, друг мой. Так, и только так все могло произойти. Идемте, вернемся в дом.

– Вы хотите снова увидеть мадам Оливер?

Пуаро загадочно улыбнулся:

– Нет, Гастингс, я хочу увидеть лицо той леди, что поднялась по ступеням наверх.

– И что вы думаете, кто она? Родственница мадам Оливер?

– Куда более вероятно, что она секретарь... и к тому же нанятый не слишком давно.

Дверь открыл все тот же вежливый псаломщик.

– Вы не могли бы сказать мне имя той леди, – спросил Пуаро, – леди в вуали вдовы, она вошла совсем недавно?

– Мадам Вероне? Секретарь хозяйки?

– Именно. Вы не могли бы оказать нам любезность и спросить ее, не уделит ли она нам минутку?

Молодой человек исчез, но очень скоро вернулся.

– Мне очень жаль. Мадам Вероне уже снова ушла.

– Думаю, это не так, – негромко сказал Пуаро. – Назовите ей мое имя, а я мсье Эркюль Пуаро, и скажите, что для меня очень важно увидеть ее сию минуту, – или я прямою отправлюсь в префектуру.

Наш посланник снова исчез. На этот раз леди спустилась вниз. Она направилась в салон. Мы последовали за ней. Она повернулась и подняла вуаль. К немалому моему изумлению, я узнал в ней нашу старую противницу, графиню Русакову – русскую графиню, организовавшую одно из самых остроумных похищений драгоценностей в Лондоне.

– Как только я заметила вас в холле, я сразу стала ожидать самого худшего, – горестным тоном произнесла графиня.

– Дорогая графиня Русакова...

Она покачала головой.

– Инесса Вероне, так меня зовут теперь, – пробормотала она. – Испанка, вышедшая замуж за француза. Что вам от меня нужно, мсье Пуаро? Вы ужасный человек. Выжили меня из Лондона. Полагаю, вы расскажете великой мадам Оливер все обо мне и изгоните меня из Парижа? Мы, бедные русские, тоже должны как-то жить, знаете ли!

– Нет, мадам, дело куда серьезнее, – сказал Пуаро, рассматривая ее. – Я предлагаю пойти на соседнюю виллу и освободить мистера Холлидея, если он еще жив. Я знаю все, как видите.

Я увидел, как она внезапно побледнела. И закусила губу. А потом заговорила со своей обычной решительностью:

– Он еще жив... но он не на той вилле. Идемте, мсье. Я заключаю с вами сделку. Свобода для меня – и жизнь для мистера Холлидея, а заодно для вас.

– Принимаю, – кивнул Пуаро. – Я и сам хотел предложить то же самое. Кстати, вы работаете на Большую Четверку, мадам?

И снова смертельная бледность залила ее лицо, но она не ответила на вопрос моего друга.

Вместо этого она спросила:

– Вы позволите мне позвонить? – и, подойдя к телефону, назвала номер. – Это номер той виллы, – пояснила она, – где находится в плену ваш друг. Вы можете сообщить его полиции – но гнездышко опустеет к тому моменту, как они туда явятся. Это вы, Андре? Да, это я, Инесса. Маленький бельгиец все знает. Отправьте Холлидея в отель и сматывайтесь.

Она повесила трубку и с улыбкой повернулась к нам.

– Вы поедете с нами в гостиницу, мадам.

– Разумеется, именно этого я и ожидала.

Я поймал такси, и мы все вместе поехали в отель. По лицу Пуаро я видел, что он сбит с толку. Все выглядело уж слишком просто. Наконец мы добрались до отеля. Нам навстречу вышел портье.

– Там приехал какой-то джентльмен... он в вашем номере. Он выглядит очень больным. С ним приехала сиделка, но она уже ушла.

– Все в порядке, – сказал Пуаро. – Этот человек – мой друг.

Мы вместе поднялись по лестнице. В кресле у окна сидел изможденный молодой человек, выглядевший просто ужасно. Пуаро подошел к нему.

– Вы – Джон Холлидей? – Человек кивнул. – Покажите мне вашу левую руку. У Джона Холлидея есть родинка под левым локтем.

Человек засучил рукав. Родинка была на месте. Пуаро поклонился

графине. Она повернулась и вышла из комнаты.

Стакан бренди отчасти оживил Холлидея.

– Бог мой... – прошептал молодой человек. – Я прошел через ад... через ад... Это просто демоны и дьяволы в человеческом облике... Моя жена... где она? Что она думает? Они твердили мне, что она поверит... поверит...

– Она не поверила, – твердо сказал Пуаро. – Ее вера в вас ничуть не поколебалась. Она ждет вас... она и ваше дитя.

– Слава богу... Я с трудом верю, что снова свободен.

– Теперь, когда вы немного пришли в себя, мсье, я хотел бы выслушать вашу историю с самого начала.

Холлидей посмотрел на него с каким-то странным выражением.

– Я... ничего не помню, – сказал он.

– Что?!

– Вы когда-нибудь слышали о Большой Четверке?

– Кое-что слышал, – сухо ответил Пуаро.

– Вы не знаете того, что известно мне. Они обладают безграничной силой. Если я буду хранить молчание, я буду в безопасности... а если я скажу хоть слово – не только я сам, но и все, кто мне дорог, подвергнутся невыразимым страданиям. И это не предположения. Я знаю. И я... я ничего не помню.

И, с трудом поднявшись, он вышел из комнаты.

На лице Пуаро отразилась озадаченность.

– Так, значит, вот оно как? – пробормотал он. – Большая Четверка снова выиграла. Что это у вас в руке, Гастингс?

Я протянул ему.

– Графиня написала перед уходом, – пояснил я.

Пуаро развернул записку. Там было написано: «Au revoir^[12] – I.V.».

– Она подписалась своими инициалами... I.V. Возможно, это и случайность, но ее инициалы как раз и обозначают римскую четверку... Хотел бы я знать, Гастингс, хотел бы я знать...

Глава 7

Похитители радия

В ночь своего освобождения Холлидей ночевал в отеле, в номере рядом с нашим, и всю ночь напролет я слышал, как он стонет и вскрикивает во сне. Без сомнения, то, что Холлидею пришлось испытать в плену, сильно повлияло на его нервы, и утром мы снова не смогли ничего от него добиться. Он лишь повторял свое заявление о безграничной силе, находящейся в распоряжении Большой Четверки, и говорил, что они обязательно страшно отомстят ему, если он скажет хоть слово.

После ленча он отправился к своей жене в Англию, но мы с Пуаро остались в Париже. Я рвался действовать так или иначе, и благодушная неподвижность Пуаро раздражала меня.

– Ради всего святого, Пуаро, – требовал я, – давайте же чем-нибудь займемся!

– Блестяще, *mon ami*, блестяще! «Займемся чем-нибудь»! Чем именно? Умоляю, выражайтесь точнее!

– Ну, разумеется, Большой Четверкой!

– *Cela va sans dire* ^[13]. Но как вы намерены расправиться с ней?

– Ну, с помощью полиции, – рискнул предположить я.

Пуаро улыбнулся.

– Полиция примет нас за фантазеров. Мы ничего не можем ей представить... ничего существенного. Мы должны ждать.

– Ждать чего?

– Ждать, пока они что-нибудь предпримут. Ну, например, вы, англичане, поголовно увлекаетесь и восхищаетесь боксом. Там как? Если один человек не двигается, это должен делать другой... и, позволяя противнику атаковать себя, боксер узнает кое-что о нем. Такова и наша игра – позволить другой стороне действовать и предпринимать атаки. А я не сомневаюсь в том, что атака последует. Начать с того, что они попытались удалить меня из Англии. Но потерпели неудачу. Затем в Дартмуре мы вмешались и спасли их жертву от виселицы. А вчера мы снова нарушили их планы. Можете быть уверены, они этого так не оставят.

Пока я размышлял над его словами, раздался стук в дверь. Не ожидая ответа, в комнату вошел какой-то человек и закрыл дверь за собой. Человек был высоким, со слегка искривленным носом и желтоватым цветом лица.

На нем было застегнутое до подбородка пальто и мягкая шляпа, надвинутая до самых глаз.

– Извините меня, джентльмены, за несколько бесцеремонное вторжение, – произнес он мягким голосом, – но мое дело носит совершенно необычный характер.

Улыбаясь, он подошел к столу и сел. Я готов был вскочить и вышвырнуть нахала, но Пуаро жестом остановил меня.

– Как вы и сами сказали, мсье, ваше вторжение несколько бесцеремонно. Не будете ли вы любезны объяснить причину?

– Мой дорогой мсье Пуаро, причина весьма проста. Вы раздражаете моих друзей.

– Чем именно?

– Да полно, полно, мсье Пуаро! Вы же это не всерьез спрашиваете? Вы это знаете так же хорошо, как и я.

– Это, мсье, зависит от того, кто именно ваши друзья.

Не говоря ни слова, посетитель достал из кармана пачку сигарет, открыл ее, вытряхнул четыре сигареты и бросил их на стол. Потом собрал их и снова сложил в пачку, а пачку спрятал в карман.

– Ага! – сказал Пуаро. – Так вот оно как? И что ваши друзья предлагают?

– Они предлагают, мсье, что вам следует применить ваши способности – весьма выдающиеся способности – к привычным для вас расследованиям и что вам следует вернуться в Лондон, чтобы решать проблемы дам высшего света.

– Вполне мирная программа, – сказал Пуаро. – Но предположим, что я не соглашусь?

Мужчина сделал красноречивый жест.

– Нам будет чрезвычайно жаль, – сказал он. – Так же, как всем друзьям и поклонникам великого мсье Эркюля Пуаро. Но сожаления, даже самые искренние, не могут вернуть человека к жизни.

– Весьма деликатно изложено, – сказал Пуаро, кивая. – А предположим, что я... соглашаюсь?

– В таком случае я уполномочен предложить вам... некую компенсацию.

Он вынул из кармана бумажник, достал десять банкнот и выложил их на стол. Каждая банкнота достоинством в десять тысяч франков.

– Это всего лишь подтверждение наших добрых намерений, – произнес визитер. – Вы получите в десять раз больше.

– Боже мой! – воскликнул я, вскакивая. – Вы осмеливаетесь думать...

– Сядьте, Гастингс, – резко произнес Пуаро. – Совладайте со своей прекрасной и честной натурой и сядьте. Вам же, мсье, я скажу следующее. Что может помешать мне позвонить в полицию и передать вас в руки закона, пока мой друг придержит вас, чтобы вы не сбежали?

– Ну, если вы считаете это разумным поступком – попробуйте, – холодно откликнулся наш визитер.

– О! Вы только послушайте, Пуаро! – закричал я. – Нет, я этого не выдержу! Звоните в полицию, и покончим со всем этим!

Вскочив, я бросился к двери и встал спиной к ней.

– Это выглядит слишком очевидным, – пробормотал Пуаро, словно обсуждая что-то сам с собой.

– Но вам не нравится очевидность, а? – сказал наш посетитель, улыбаясь.

– Ну же, Пуаро! – настойчиво произнес я.

– На вашу ответственность, друг мой.

Как только он снял с телефона трубку, мужчина неожиданно совершенно по-кошачьи прыгнул на меня. Я был готов к схватке. В следующую секунду мы сцепились и начали топтаться по комнате. Вдруг я почувствовал, как он ослабел и покачнулся. Я поднажал. Он отступил. А потом случилось нечто совершенно неожиданное. Я вдруг почувствовал, что лечу вперед. Я врезался головой в стену и мешком свалился на пол. В следующую минуту я уже был на ногах, однако дверь успела захлопнуться за моим противником. Я бросился к ней – дверь была заперта снаружи на ключ. Я выхватил у Пуаро телефон.

– Контора? Остановите человека, который сейчас выйдет! Высокий мужчина, в темном пальто, застегнутом наглухо, в мягкой шляпе. Его необходимо передать полиции!

Через считанные минуты после бегства нашего визитера мы слышали шум в коридоре снаружи. Ключ повернулся, и дверь распахнулась настежь. Мы увидели управляющего гостиницы.

– Тот человек... вы его схватили? – закричал я.

– Нет, мсье. Никто не спускался вниз.

– Вы упустили его!

– Мы никого не упускали, мсье. Он просто не мог ускользнуть.

– Ну, я думаю, кого-то вы все-таки видели, – сказал Пуаро обычным своим мягким тоном. – Возможно, мимо вас проходил кто-то из персонала гостиницы?

– Только официант с подносом, мсье.

– А! – сказал Пуаро, и в его голосе прозвучало удовлетворение.

– Так вот почему он застегнул пальто до самого верха, – продолжил он задумчиво, когда взволнованные работники отеля наконец ушли.

– Мне ужасно неловко, Пуаро, – пробормотал я, все еще переживая свою неудачу. – Я думал, я с ним справлюсь.

– Ну, он применил трюк, который используется в японской борьбе, я так думаю. Не стоит огорчаться, топ ами. Все прошло по плану – по его плану. А я именно этого и хотел.

– Что это? – вскрикнул я, заметив на полу что-то коричневое.

Это оказался мягкий бумажник из коричневой кожи, и он явно вывалился из кармана нашего посетителя в тот момент, когда мы дрались. В бумажнике оказались два счета на имя мсье Феликса Лаона и сложенный листок бумаги, который заставил мое сердце забиться быстрее. Это была половина обычного листа для записок, на котором кто-то нацарапал карандашом несколько слов, но слова эти показались мне необычайно важными!

Я прочитал:

– «Следующее совещание – в пятницу, в 11 утра, на Рю де Эшеле, 34».

Внизу же стояла большая цифра 4.

А ведь сегодня была пятница, и часы на каминной полке показывали 10.30.

– Бог мой, какой шанс! – воскликнул я. – Судьба играет нам на руку! Мы должны отправиться сейчас же, немедленно! Надо же, какая удача!

– Так вот зачем он приходил, – проворчал Пуаро. – Теперь понятно.

– Что понятно? Идемте, Пуаро, нечего грезить наяву!

Пуаро посмотрел на меня и медленно покачал головой, улыбаясь так, как это умел только он.

– «Не зайдешь ли на чаек, молвил мухе паучок...» Это ведь ваша английская песенка, не так ли? Нет-нет... они, конечно, хитры, но не так, как Эркюль Пуаро.

– Черт побери, к чему вы ведете, Пуаро?

– Друг мой, я спрашивал себя о причинах этого утреннего визита. Неужели наш странный гость действительно рассчитывал подкупить меня? Или же, наоборот, он хотел напугать меня, чтобы я забыл о своем долге? Вряд ли. Но тогда зачем он явился? Теперь же мне ясен весь их план – очень хорошо рассчитанный, очень умный... Человек пришел якобы для того, чтобы предложить взятку или испугать... Затем следует неизбежная драка, которой он даже не пытается избежать, и это дает ему возможность совершенно естественным образом уронить на пол бумажник... И наконец

– вот она, ловушка! Рю де Эшеле, в одиннадцать? Думаю, нет, друг мой. Никто не сможет с такой легкостью заманить в западню Эркюля Пуаро!

– Бог ты мой... – выдохнул я.

Пуаро нахмурился:

– Но есть тут кое-что, чего я не понимаю.

– И что же это такое?

– Время, Гастингс... время. Если они хотели поймать меня, не лучше ли было сделать это попозже вечером? Почему такой ранний час? Не должно ли этим утром что-нибудь случиться? Нечто такое, о чем, по их мнению, Эркюлю Пуаро лучше не знать?

Он покачал головой:

– Посмотрим, посмотрим. Я буду сидеть вот здесь, друг мой. Мы не двинемся с места этим утром. Мы будем ждать событий.

Ровно в половине двенадцатого нам принесли «голубой листок» местной почты. Пуаро вскрыл его, а затем протянул мне. Это была записка от мадам Оливер, всемирно прославленного ученого, у которой мы побывали вчера в связи с делом Холлидея. Она просила нас сейчас же прибыть в Пасси.

Мы отправились, не задерживаясь ни минуты. Мадам Оливер пригласила нас все в тот же маленький салон. Я снова был поражен красотой и внутренней силой этой женщины с длинным монашеским лицом и горящими глазами – она была блестящей наследницей Кюри. Мадам сразу приступила к делу.

– Мсье, вы вчера расспрашивали меня об исчезновении мистера Холлидея. Потом я узнала, что вы возвращались в мой дом и говорили с моим секретарем, Инессой Вероне. Она вышла из дома вместе с вами и до сих пор не вернулась.

– И это все, мадам?

– Нет, мсье, не все. Прошлой ночью в лабораторию проникли воры, они похитили некоторые очень важные бумаги. Возможно, грабители искали нечто куда более ценное, но, к счастью, им не удалось открыть большой сейф.

– Мадам, позвольте изложить вам некоторые факты. Ваш исчезнувший секретарь, мадам Вероне, на самом деле графиня Русакова, опытная воровка, и именно она виновата в исчезновении мистера Холлидея. Как давно она у вас?

– Пять месяцев, мсье. Ваши слова меня удивляют.

– И тем не менее это правда. Те бумаги... их легко было отыскать? Или же вы предполагаете, что их местонахождение было указано похитителям

кем-то домашним?

– Как раз то и удивительно, что воры знали, где искать. Вы думаете, Инесса...

– Да, я не сомневаюсь, они действовали по ее указаниям. Но что это за дорогая вещь, которую ворам не удалось добыть? Драгоценности?

Мадам Оливер со слабой улыбкой покачала головой:

– Нет, мсье, это нечто куда более ценное. – Она оглянулась, потом наклонилась вперед и, понизив голос, сказала: – Это радий, мсье.

– Радий?

– Да, мсье. Я сейчас зашла в некий тупик в своих экспериментах. У меня есть небольшое количество радия, моего собственного, – мне ссужали и куда большие количества для работы. Но хотя его количество и невелико, он стоит очень дорого, около миллиона франков.

– И где он?

– В свинцовом ящике в большом сейфе – этот сейф намеренно изготовлен так, что выглядит старым и ненадежным, однако это вершина искусства изготовления подобных хранилищ. Возможно, именно поэтому ворам не удалось вскрыть его.

– Как давно вы владеете этим радием?

– Всего несколько дней, мсье. И вскоре мои эксперименты будут завершены. Еще два дня – и все. Радий будет увезен отсюда.

Глаза Пуаро вспыхнули.

– И Инесса Вероне знает об этом? Бог мой... Тогда наши друзья-грабители вернутся! Ни слова обо мне никому, мадам! Но могу вас заверить, я сохраню для вас ваш радий. У вас есть ключ от той двери, что ведет из лаборатории в сад?

– Да, мсье. Вот он. У меня есть дубликат. А вот этот ключ – от калитки в садовой стене, через нее можно выйти в проход между этой виллой и соседней.

– Благодарю вас, мадам. Сегодня вечером отправляйтесь спать как обычно, ничего не бойтесь и положитесь на меня. Но ни слова никому – даже вашим ассистентам – мадемуазель Клауд и мсье Генри, так? Да, им в особенности – ни слова!

Выходя из дома, Пуаро потирал руки, явно очень довольный.

– Что мы теперь будем делать? – спросил я.

– Теперь, Гастингс, мы покинем Париж... и отправимся в Англию!

– Что?!

– Мы уложим наши вещи, пообедаем и поедем на вокзал.

– Но как же радий?

– Я сказал, мы собираемся отправиться в Англию – но я не говорил, что мы туда прибудем. Подумайте немножко, Гастингс. Почти наверняка за нами следят, не отставая ни на шаг. Наши враги должны быть уверены, что мы возвращаемся в Англию, но они не поверят в это, пока не увидят собственными глазами, как мы вошли в поезд и как поезд тронулся с места.

– Вы хотите сказать, мы спрыгнем с поезда в последнюю минуту?

– Нет, Гастингс. Наши враги удовлетворятся лишь тогда, когда поезд уйдет.

– Но он не остановится до самого Кале!

– Он остановится, если за остановку заплатить.

– Ох, будет вам, Пуаро... вы не можете оплатить остановку экспресса! Они просто откажутся!

– Мой дорогой друг, вы никогда не замечали в поездах такие маленькие рукоятки... для экстренной остановки поезда? И над ними написано: «За ложное использование – штраф сто франков»?

– О! Так вы собираетесь сорвать стоп-кран?

– Или это сделает мой друг, Пьер Комб, а? А потом, пока он будет спорить с проводником и шумно скандалить, пока весь поезд будет с интересом за этим наблюдать, – мы с вами тихонечко исчезнем.

Мы в точности выполнили план Пуаро. Пьер Комб, закадычный приятель Пуаро, прекрасно знавший методы моего маленького друга, все сделал как надо. Он сорвал стоп-кран сразу после того, как поезд миновал пригороды Парижа. Комб устроил спектакль в наилучшем французском стиле, а мы с Пуаро смогли покинуть поезд, и никто ничуть не заинтересовался этим. Затем нам нужно было основательно изменить нашу внешность. Пуаро имел все необходимое для этого в маленьком чемоданчике. В результате на свет появились два бродяги в грязных синих блузах. Мы пообедали в какой-то мрачной столовой и после того отправились обратно в Париж.

Было уже почти одиннадцать вечера, когда мы снова очутились неподалеку от виллы мадам Оливер. Прежде чем скользнуть в проход между виллами, мы хорошенько осмотрелись по сторонам. Вокруг не было ни души. И мы могли быть совершенно уверены в том, что за нами никто не следил.

– Я не думаю, что они уже там, – прошептал Пуаро, придвинувшись ко мне. – Возможно, они появятся только следующей ночью, – но они отлично знают, что радий будет здесь еще двое суток, не более того.

С предельной осторожностью мы повернули ключ в замке садовой калитки. Она распахнулась совершенно бесшумно, и мы шагнули внутрь.

А затем последовал абсолютно неожиданный удар. В одну минуту мы были окружены и связаны, а наши рты оказались заткнуты кляпами. Должно быть, нас ожидали по меньшей мере десять человек. Сопротивление было совершенно бесполезно. Нас, словно два узла с тряпьем, потащили куда-то. К моему огромному изумлению, тащили нас к дому, а не от него. Похитители своим ключом отперли дверь лаборатории и внесли нас туда. Один из мужчин остановился возле большого сейфа. Тот был распахнут настежь. Я почувствовал, как у меня по спине пробежали мурашки. Неужели они собираются затолкать нас в сейф и оставить медленно умирать от удушья?

Однако, к моему удивлению, я увидел, что внутри сейфа находятся ступени, ведущие вниз, под пол. Нас протащили по узкой лестнице, и в конце концов мы очутились в большом подземном помещении. Там стояла женщина, высокая и импозантная. Ее лицо закрывала черная бархатная маска. Она отдавала приказы молча, жестами. Мужчины бросили нас на пол и ушли, оставив меня и Пуаро наедине с загадочной особой в маске. Но я не сомневался в том, кто она такова. Это была та самая неизвестная француженка – Номер Третий из Большой Четверки.

Она опустилась рядом с нами на колени и вынула кляпы из наших ртов, но оставила нас связанными; потом выпрямилась и, глядя на нас в упор, внезапным быстрым жестом сняла маску.

Это была мадам Оливер!

– Мсье Пуаро, – сказала она низким насмешливым голосом. – Великий, удивительный, уникальный мсье Пуаро. Я вчера утром послала вам предостережение. Вы решили проигнорировать его... вы решили, что можете противостоять нам. И вот вы здесь!

Ледяная злоба, прозвучавшая в ее словах, пробрала меня до мозга костей. Что-то было такое в ее пылающих огнем глазах... Она была сумасшедшей, да, сумасшедшей! Такое случается с гениями...

Пуаро промолчал. Он просто смотрел на нее разинув рот.

– Ну что ж, – мягко продолжила она, – это конец. Мы не можем допустить, чтобы в наши планы вмешивались. Возможно, у вас есть последнее желание?

Ни разу в жизни, ни до того, ни после, я не ощущал себя так близко к смерти. Пуаро был великолепен. Он даже не моргнул и не побледнел, он просто смотрел на мадам Оливер с неослабевающим интересом.

– Меня невероятно интересует ваша психология, мадам, – тихо произнес он. – Как жаль, что у меня мало времени на ее изучение! Да, у меня есть некое желание. Осужденные, насколько я знаю, всегда просят

дать им возможность выкурить последнюю сигарету. Портсигар у меня с собой. Если вы позволите... – Он указал взглядом на веревки, стягивающие его руки.

– О, конечно! – расхохоталась мадам Оливер. – Вы надеетесь, что я развяжу вам руки, не так ли? Вы умны, мсье Пуаро, я это знаю. Я не стану развязывать вас, нет... я сама найду ваши сигареты.

Она встала на колени рядом с Пуаро, вытащила из его внутреннего кармана портсигар, взяла одну сигарету и вставила в рот моему другу.

– А теперь – спичку, – произнесла она, вставая.

– В этом нет необходимости, мадам.

Что-то в его голосе заставило меня вздрогнуть. Мадам остановилась.

– Не двигайтесь, мадам, умоляю вас. Вы пожалеете, если ослушаетесь. Вы хорошо знакомы со свойствами яда кураре? Южноамериканские индейцы постоянно пользуются им, они отравляют кураре свои стрелы. Одна маленькая царапинка означает смерть. Некоторые племена используют крохотные воздушные трубки – и я тоже обзавелся такими, их изготовили специально для меня, и с виду они ничуть не отличаются от обычных сигарет. Мне стоит только дунуть... Ах! Вы пытаетесь шагнуть! Не двигайтесь, мадам. Механизм этой сигареты чрезвычайно искусен. Один выдох – и крошечная стрелка, похожая на рыбью косточку, взлетает в воздух – чтобы найти свою цель. Вы ведь не хотите умереть, мадам. А потому я умоляю вас освободить моего друга Гастингса от пут. Я не могу пользоваться руками, но я могу повернуть голову... вот так... и вы в зоне обстрела. Не ошибитесь, прошу вас!

Очень медленно, с трясущимися руками и с бешеной яростью в глазах, мадам Оливер наклонилась и выполнила приказ Пуаро. Я был свободен. Голос Пуаро отдавал приказания:

– Теперь, Гастингс, вы свяжете эту леди. Вот так, хорошо. Надежно скрутили? Так, теперь освободите меня, пожалуйста. Очень удачно, что она отослала своих прихвостней. Если нам немножко повезет, мы сможем удрать отсюда незаметно.

В следующую минуту Пуаро стоял рядом со мной. Он наклонился к леди:

– Эркюль Пуаро не убивает просто так, мадам. Желаю вам доброй ночи.

Поскольку рот мадам Оливер был заткнут кляпом, ответить она не смогла. Но бешеная, убийственная ненависть, исказившая ее лицо, испугала меня. Я искренне понадеялся, что нам никогда больше не придется встретиться с этой особой.

Три минуты спустя мы уже вышли из виллы и торопливо пересекли сад. Снаружи за стеной никого не оказалось, и вскоре мы были уже далеко.

И тут Пуаро взорвался:

– Я заслужил все то, что эта женщина сделала со мной! Я просто тупой имбецил, жалкое животное, тридцать раз идиот! Я решил, что не попаду в их ловушку! А это была не просто ловушка... это была именно такая ловушка, в какую я только и мог угодить! Они знали, что я увижу подвох... и именно на это и рассчитывали! Этим все объясняется... та легкость, с какой они отпустили Холлидея... вообще все. Мадам Оливер – направляющий дух, а Вера Русакова всего лишь исполнитель, простой лейтенант. Мадам нуждалась в идеях Холлидея – а для того, чтобы заполнить смущавшие Холлидея бреши в его расчетах, у нее своего ума хватает. Да, Гастингс, теперь мы знаем, кто таков Номер Третий, – это женщина, являющаяся, возможно, величайшим ученым современного мира! Подумайте об этом. Великий ум на Востоке, наука на Западе... и еще некто, до сих пор нами не опознанный. Но мы должны это выяснить! Завтра мы вернемся в Лондон и займемся этим как следует.

– Вы разве не собираетесь передать мадам Оливер в руки полиции?

– Мне просто не поверят, Гастингс. Эта женщина – идол всей Франции. А мы не можем ничего доказать. Нам крупно повезет, если она не вздумает сдать в полицию *нас*.

– Что?!

– Подумайте хорошенько. Нас обнаружили ночью во владениях мадам, с ключом, который, как она поклянется, она нам не давала. Она застала нас возле сейфа, а мы связали ее и заткнули ей рот кляпом, после чего сбежали. Не обольщайтесь, Гастингс. Как это говорите вы, англичане... «не на ту ногу ботинок», да?

Глава 8

В доме врага

После нашего приключения на вилле в Пасси мы поспешно вернулись в Лондон. Пуаро ожидали несколько писем. Он прочел одно из них с удивленной улыбкой, а затем протянул мне.

– Прочтите это, mon ami!

Я прежде всего посмотрел на подпись «Эйб Райланд» и вспомнил слова Пуаро: «самый богатый человек в мире». Письмо мистера Райланда было коротким и язвительным. Он выражал глубокое разочарование причинами, по которым Пуаро в последний момент отказался ехать в Южную Америку.

– Это заставляет здорово подумать, а? – сказал Пуаро.

– Ну, полагаю, вполне естественно, что он несколько раздражен.

– Нет-нет, вы не понимаете. Вспомните слова Майерлинга, того человека, который пытался укрыться здесь у нас... но все же пал от руки врага: «Номер Второй изображается латинской буквой S с двумя вертикальными чертами – знаком доллара, а также двумя полосками со звездой. Это может означать, что он американец, а также, что он представляет собой силу денег». Добавьте к этим словам то, что Райланд предложил гигантскую сумму, искушая меня покинуть Англию, и... И что тогда, Гастингс?

– Вы хотите сказать, – изумленно произнес я, – что подозреваете Эйба Райланда, мультимиллионера, в том, что он – Номер Второй в Большой Четверке?

– Ваш блестящий ум ухватил идею, Гастингс. Да, я подозреваю его. Вы весьма выразительно произнесли слово «мультимиллионер»... но позвольте сказать вам вот что. Все это дело затеял человек, стоящий на вершине социальной пирамиды. А мистер Райланд обладает репутацией человека, не всегда чисто плотного в делах. То есть мы имеем в его лице человека даровитого и не слишком обремененного совестью, человека, у которого есть столько денег, сколько ему нужно, и есть вся та власть, которую они дают.

В словах Пуаро, безусловно, что-то было... Я спросил, когда он проникся уверенностью относительно мистера Райланда.

– Это не уверенность. Я не уверен. Я не могу быть уверенным. Друг

мой, я бы отдал все за то, чтобы действительно *знать*. Если я докажу, что Эйб Райланд – действительно Номер Второй, мы сразу же намного приблизимся к цели.

– Как я понял из этого, – сказал я, постучав пальцем по письму, – он как раз приезжает в Лондон. Вы не собираетесь явиться к нему с визитом и лично принести извинения?

– Я просто обязан это сделать.

Два дня спустя Пуаро вернулся домой невероятно возбужденным. Он схватил меня за руки, как делал только в минуты чрезвычайно сильного волнения.

– Друг мой, изумительная возможность, беспрецедентно, такое никогда не повторится, само идет в руки! Но опасно, смертельно опасно. Я не вправе даже просить вас об этой попытке...

Если Пуаро пытался напугать меня, он выбрал неверный путь, именно это я ему и сказал. Немного успокоившись, он изложил мне свой план.

Похоже, этот самый Райланд вознамерился нанять секретаря-англичанина, человека с хорошими манерами, прилично выглядящего и знающего свет. Пуаро подумал, что я вполне могу занять этот пост.

– Я бы предпочел сделать это сам, друг мой, – виновато объяснил он, – однако, видите ли, практически невозможно загримировать меня так, как это необходимо. Конечно, я очень хорошо говорю по-английски, кроме тех случаев, когда очень взволнован, – но едва ли настолько хорошо, чтобы обмануть тренированное ухо; и даже если я пожертвую своими усами, сомневаюсь, что во мне перестанут видеть Эркюля Пуаро.

Я тоже в этом сомневался и заявил, что готов и весьма желаю принять участие в деле и проникнуть в дом Райланда.

– Впрочем, могу поставить десять к одному, что он просто не наймет меня, – заметил я.

– О, непременно наймет! Я устрою вам такие рекомендации, что он просто пальчики оближет! Вас порекомендует сам министр внутренних дел!

Мне показалось, что это уж чересчур, однако Пуаро отмел все мои возражения.

– Он это сделает, вот и все. Я расследовал для него одно небольшое дельце, которое вообще-то могло стать причиной очень большого скандала. Все было решено, к удовлетворению обеих сторон, и теперь, как у вас говорят, он просто клюет у меня с ладошки!

Нашим первым шагом в этой аванюре стало приглашение гримера. Это был невысокий человечек с причудливой, несколько птичьей манерой

держат голову склоненной набок – почти так же, как делал это сам Пуаро. Мастер некоторое время молча изучал меня, а затем приступил к работе. Когда через полчаса я посмотрел на себя в зеркало, то был ошеломлен. Ботинки особого фасона сделали меня по меньшей мере на два дюйма выше ростом, а пиджак, сшитый без моего ведома, заставлял меня выглядеть тощим, нескладным и худосочным. Мои брови каким-то волшебным образом изменились, придав лицу совершенно новое выражение, и еще мне за щеки были засунуты особые подушечки, изменившие очертания лица, а загар стал намного гуще. Мои усы исчезли, зато во рту сбоку появился золотой зуб.

– Вас зовут Артур Невилл, – сообщил мне Пуаро. – Да храни вас господь, друг мой... потому что, боюсь, я посылаю вас в слишком опасное место.

С сильно бьющимся сердцем я вошел в отель «Савой» в час, назначенный мистером Райландом, и спросил, как мне увидеть этого великого человека.

Я подождал минуту-другую, после чего меня проводили наверх в его апартаменты.

Райланд сидел за столом. Перед ним лежало развернутое письмо, которое, как я заметил краем глаза, пришло из канцелярии министра внутренних дел и было подписано лично министром. Я впервые в жизни видел американского миллионера, и, надо сказать, он произвел на меня впечатление. Райланд был высок и худощав, с выступающим вперед подбородком и слегка искривленным носом. Серые глаза под нависшими бровями сверкали холодом. У него были густые встрепанные волосы, в углу рта небрежно торчала длинная черная сигара (без которой, как я узнал позже, его вообще никогда не видели).

– Садитесь, – рыкнул он.

Я сел. Он постучал пальцами по лежавшему перед ним письму.

– Если верить вот этому письмецу, вы в полном порядке, так что мне незачем искать кого-то еще. Скажите, вы хорошо разбираетесь в светских обычаях?

Я ответил, что вполне.

– Я хочу сказать, если я созову герцогов, графов и виконтов, ну, например, в загородном доме, который я тут недавно купил, вы сумеете рассадить их как полагается за обеденным столом?

– О! Это совсем легко, – с улыбкой ответил я.

Мы обменялись еще несколькими фразами, а затем я узнал, что принят

на службу. Все, что было нужно мистеру Райланду, – так это секретарь, хорошо знакомый с английским обществом и его обычаями, а для других дел с ним приехали американский секретарь и стенографистка.

Два дня спустя я отправился в Хэттон-Чейз, имение герцога Ломширского, – американский миллионер арендовал поместье на полгода.

Мои обязанности оказались совсем несложными. В моей жизни был период, когда я работал личным секретарем весьма занятого делами члена парламента, так что я не мог сказать, будто роль мне незнакома. Мистер Райланд обычно приглашал на выходные множество гостей, но остальная часть недели проходила сравнительно спокойно. Я редко видел мистера Эпплбэя, секретаря-американца, но он показался мне симпатичным человеком и вполне обыкновенным американцем, очень квалифицированным работником. Зато мисс Мартин, стенографистку, я видел гораздо чаще. Это была хорошенькая девушка лет двадцати трех – двадцати четырех, с золотисто-каштановыми волосами и карими глазами, которые при каждом подходящем случае вспыхивали озорством, но обычно она опускала их с притворной скромностью. Мне показалось, что она не слишком-то любит своего нанимателя, хотя, конечно, она никогда не позволяла себе даже намека на что-то в этом роде; однако пришло время, когда я неожиданно завоевал ее доверие.

Я, само собой, осторожно изучал всех, кто жил в доме. Пара человек из прислуги были наняты недавно, как я понял, еще один лакей и несколько горничных. Дворецкий, экономка и повар принадлежали к штату самого герцога, который позволил им остаться в имении на время аренды. Горничных я сразу выбросил из поля зрения как фигуры незначительные; зато я очень внимательно наблюдал за Джеймсом, вторым лакеем. Однако было совершенно очевидно, что он всего лишь лакей, и ничего кроме лакея. Его вообще-то нанял дворецкий. Вот кто показался мне куда более подозрительным, так это Дейвс, личный слуга Райланда, которого он привез с собой из Нью-Йорка. Дейвс был по рождению англичанином и обладал безукоризненными манерами, но я все равно подозревал его.

Я провел в Хэттон-Чейз уже три недели, но за это время не случилось ничего такого, что я мог бы счесть подтверждением своей теории. Я не видел никаких следов деятельности Большой Четверки. Мистер Райланд был человеком бьющей через край силы и энергии, яркой личностью, но я все более склонялся к мысли, что Пуаро ошибся, когда в своих предположениях связал этого миллионера с чудовищной организацией. Как-то вечером за обедом я даже услышал, как мистер Райланд упомянул

Пуаро.

– Великолепный маленький человечек, так о нем говорят. Но он лодырь. Откуда я это знаю? Я предложил ему выгодное дельце, а он отказался в последнюю минуту. Я больше не желаю слышать об этом мсье Эркюле Пуаро.

В такие моменты я особенно ощущал надоевшие прокладки за щеками.

А потом мисс Мартин рассказала мне весьма удивительную историю. Райланд в тот день уехал в Лондон, забрав с собой мистера Эпплбая. Мы с мисс Мартин после чая отправились погулять по саду. Мне очень нравилась эта девушка, она была так безыскусна, так естественна! Но я видел, что-то гнетет ее, и в конце концов ее прорвало.

– Знаете что, майор Невилл, – сказала она, – я всерьез подумываю уволиться отсюда.

Я, наверное, выглядел немало удивленным, потому что она торопливо продолжила:

– О! Я знаю, это прекрасное место во всех отношениях. Большинство людей сочли бы меня душой, раз я так поступаю. Но я не желаю выносить оскорбления, майор Невилл. Если кто-то обрушивается на меня с руганью, как извозчик, – это нестерпимо. Ни один джентльмен не должен так поступать.

– Неужели Райланд ругается при вас?

Она кивнула:

– Конечно. Он всегда довольно раздражителен и легко выходит из себя. Ну, это естественно. Он работает дни напролет. Но впадать в такую ярость... и, собственно, совершенно без причины! Он выглядел так, словно готов был убить меня! И, как я уже сказала, без какой-либо причины!

– Расскажите мне об этом? – спросил я, искренне заинтересованный.

– Ну, как вы знаете, я вскрываю все письма мистера Райланда. Некоторые из них я передаю мистеру Эпплбаю, с другими разбираюсь самостоятельно, но все-таки предварительная сортировка лежит на мне. И еще время от времени приходят письма на голубой бумаге, помеченные в углу крошечной цифрой 4... Прошу прощения, вы что-то сказали?

Я не сумел удержаться от приглушенного восклицания, но тут же поспешил покачать головой и попросил ее продолжить.

– Ну, как я и говорю, время от времени приходят эти письма, и у меня строгий приказ: ни в коем случае не вскрывать их, а просто передавать мистеру Райланду. Конечно, я всегда именно так и делала. Но вчера утром пришло необычно большое количество разной почты, и я вскрывала письма

в ужасной спешке. И по ошибке вскрыла одно из таких писем. Как только я обнаружила это, я тут же с извинениями передала его мистеру Райланду. К моему крайнему изумлению, он вдруг разъярился и разразился руганью. Я ужасно испугалась, я уже говорила вам об этом.

– Любопытно, что же такого было в том письме? Из-за чего он взбесился?

– Абсолютно ничего особенного... это и есть самое странное во всей истории. Я же прочла его, прежде чем поняла свою ошибку. Письмо было совсем коротким. Я запомнила его от слова до слова, и там не было совершенно ничего такого, что могло бы расстроить кого бы то ни было!

– Неужели можете повторить целиком? – поддел я.

– Да. – Девушка на мгновение замолчала, потом медленно заговорила, а я потихоньку записывал в это время: – «Дорогой сэр... Мне необходимо сказать, что недвижимость – самое важное сейчас. Если вы настаиваете на каменоломне, тогда семнадцать тысяч – разумная цена. Но все равно одиннадцать процентов комиссионных – лишнее, четырех будет вполне достаточно... Искренне ваш – Артур Левершем».

Мисс Мартин продолжила:

– Понятно, что речь идет о некоей недвижимости, которую мистер Райланд подумывает купить. Но, видите ли, я чувствую, что человек, способный впасть в такую ярость из-за пустяка, просто-напросто опасен. Мне бы хотелось знать, что вы об этом думаете, майор Невилл? Вы куда лучше меня знаете жизнь.

Я постарался успокоить девушку, сказав ей, что мистер Райланд, возможно, страдает сильным расстройством желудка и оттого так вспыльчив. В конце концов она ушла, в общем, уже не такая огорченная. Но сам я вовсе не удовлетворился собственными объяснениями. Когда девушка скрылась из виду и я остался один, я раскрыл свою записную книжку и просмотрел записанное письмо. Что оно могло значить, это совершенно невинное с виду послание? Касалось ли оно финансовых дел Райланда, и миллионер попросту встревожился из-за того, что предполагаемая сделка могла сорваться? Такое объяснение было вполне возможно. Но я помнил о маленькой цифре 4, которой помечались конверты, и чувствовал, что наконец-то попал на нужный след.

Весь тот вечер я ломал голову над письмом и большую часть следующего дня тоже – а потом вдруг пришла разгадка. Она оказалась совсем простой. Цифра 4 была ключом. Если прочитать в письме каждое четвертое слово, получается совершенно другое послание. «Чрезвычайно важно видеть вас каменоломня семнадцать одиннадцать четыре».

Семнадцать должно было означать семнадцатое октября – то есть завтра; одиннадцать – это время; а четверка, видимо, служила подписью или же напоминала о загадочном Номере Четвертом, а может быть, служила, так сказать, фирменным знаком Большой Четверки вообще. Слово «каменоломня» также поддавалось разгадке. На территории поместья как раз имелась большая заброшенная каменоломня – примерно в полумиле от дома; это было весьма уединенное местечко, идеальное для тайных встреч.

Несколько мгновений я боролся с искушением самому устроить там представление. То была бы особая честь для меня, как говорится, перо на шляпу, к тому же чего стоило удовольствие обыграть самого Пуаро!

Но в конце концов я взял себя в руки. Дело было слишком серьезным, и я не имел права играть в одиночку, чтобы тем самым, возможно, снизить шансы на успех. Мы ведь впервые в этой гонке обошли врага. Мы должны сделать все наилучшим образом... И, как ни прискорбно было это признавать, я все же понимал, что у Пуаро голова соображает за двоих, даже лучше.

Я написал Пуаро письмо, подробно изложив все факты и объяснив, насколько это важно для нас – подслушать то, что будет говориться на предполагаемой встрече. Если он желает предоставить все мне, я буду только рад, но все же я включил в письмо подробнейшие инструкции – как добраться со станции до каменоломни, на случай, если он сочтет необходимым присутствовать там лично.

Я отнес письмо в деревню и лично отправил его. Живя в поместье, я мог связаться с Пуаро, написав ему, но мы решили, что ему не следует писать мне – на тот случай, если здесь кто-нибудь сует нос в письма.

Весь вечер я пребывал в возбуждении. В доме в этот день не было ни единого гостя, и я работал с мистером Райландом в его кабинете. Я предвидел такую ситуацию, и именно поэтому не мог надеяться на то, что сумею встретить Пуаро на станции. Но я был совершенно уверен в том, что меня отпустят до одиннадцати часов.

И в самом деле, в десять тридцать мистер Райланд посмотрел на часы и заявил, что «на сегодня довольно». Я понял намек и неторопливо удалился. Я поднялся наверх, словно направляясь в свою спальню, но тут же тихо спустился по другой лестнице, боковой, и выбрался в сад, не забыв накинуть темное пальто, чтобы скрыть свою белую рубашку.

Я прошел по саду уже довольно далеко, когда случайно оглянулся через плечо. Мистер Райланд как раз в этот момент тоже выходил в сад – через окно своего кабинета. Он явно направлялся на свидание, назначенное ему в письме. Я тут же помчался во всю прыть. К каменоломне я прибежал,

едва дыша. Вокруг вроде бы никого не было, и я спрятался в густых зарослях кустов, дожидаясь развития событий.

Через десять минут, ровно в одиннадцать, появился Райланд – в надвинутой на глаза шляпе и с вечной сигарой, торчавшей изо рта. Он быстро огляделся по сторонам и спустился в каменоломню. Потом до меня донеслись голоса. Очевидно, другой человек – или люди, кто бы там ни был, пришли на встречу заранее. Я выполз из кустов и осторожно, дюйм за дюймом, изо всех сил стараясь не шуметь, начал спускаться вниз по крутой тропинке. Наконец между мной и говорившими остался только один большой валун. Скрываясь в темноте, я крадучись обогнул его – и обнаружил, что прямо мне в лоб смотрит черное дуло пистолета!

– Руки вверх! – сдержанно произнес мистер Райланд. – Я вас жду.

Он сидел в тени скалы, так что я не мог видеть его лица, но угроза, прозвучавшая в его голосе, не предвещала ничего хорошего. Потом я ощутил, как холодная сталь коснулась сзади моей шеи, и Райланд опустил свой пистолет.

– Все в порядке, Джордж, – лениво протянул он. – Веди его сюда.

Внутренне пылая гневом, я тем не менее вынужден был проследовать в тень, где невидимый Джордж (который, как я подозревал, был не кем иным, как безупречным Дейвсом), тщательно связал меня и заткнул мне рот кляпом.

Райланд снова заговорил, и я едва узнал его голос, настолько холодно и злобно он прозвучал:

– Похоже, вам двоим пришел конец. Вы слишком уж часто стали попадаться на пути Большой Четверки. Слышали когда-нибудь об оползнях? Тут был один около двух лет назад. А сегодня ночью случится второй. Я уже все подготовил. Что-то этот ваш друг не слишком пунктуален сегодня, а?

Меня окатила волна ужаса. Пуаро! Через минуту он попадет в ловушку! А я бессилен предупредить его! Я могу лишь молиться о том, чтобы он решил предоставить это дело мне, а сам остался в Лондоне. Впрочем, если бы он решил приехать, он уже был бы здесь...

С каждой минутой надежда возрастала.

А потом разбилась вдребезги. Я услышал шаги – осторожные шаги, но можно было не сомневаться в том, что сюда кто-то идет. Я скорчился в невыразимой муке. Кто-то прошел по тропинке, остановился – и вот уже появился Пуаро собственной персоной; он чуть склонил голову набок и всматривался в темноту.

Я услышал удовлетворенный рык, который испустил Райланд,

поднимая свой пистолет. Он крикнул: «Руки вверх!» Дейвс прыгнул из тени и напал на Пуаро сзади. Западня захлопнулась.

– Рады видеть вас, мистер Эркюль Пуаро, – злобно бросил американец.

Самообладание Пуаро было выше всяких похвал. Он даже не вздрогнул. Но я видел, что он продолжает всматриваться в темноту.

– Где мой друг? Он здесь?

– Да, вы оба здесь, в ловушке... в руках Большой Четверки! – И Райланд расхохотался.

– Ловушка? – переспросил Пуаро.

– А что, до вас еще не дошло?

– Я согласен с тем, что это ловушка... да, согласен, – мягко произнес Пуаро. – Но вы ошибаетесь, мсье. Это *вы* попали в нее, а не мы с моим другом.

– Что? – Райланд поднял свой огромный пистолет, но я заметил его замешательство.

– Если вы выстрелите, то совершите убийство при добром десятке свидетелей и будете за это повешены. Это местечко окружено, причем уже несколько часов назад, людьми из Скотленд-Ярда. Вам шах и мат, мистер Эйб Райланд.

Он как-то странно свистнул, и вдруг, словно по волшебству, все вокруг ожило и наполнилось людьми. Они схватили Райланда и его лакея и разоружили их. Пуаро, обменявшись со старшим офицером несколькими словами, схватил меня за руки и увел прочь.

Когда мы выбрались из каменоломни, он вдруг пылко обнял меня.

– Вы живы!.. Вы не пострадали! Это чудесно. Как часто я проклинал себя за то, что позволил вам приехать сюда!

– Я в полном порядке, – сообщил я, высвобождаясь из его рук. – Но я в некотором недоумении. Вы проникли в их планы, так?

– Но я ждал чего-то подобного! Иначе зачем же я разрешил вам жить здесь? Ваше новое имя, ваша маскировка ни на минуту их не обманули, да у меня и цели такой не было.

– Что?! – воскликнул я. – Вы мне этого не говорили!

– Ах, Гастингс, я не раз повторял вам, ваша природа так прекрасна и так честна, что вас обмануть нетрудно, но вы никогда не сумеете обмануть других. Ну конечно же, они сразу вас разгадали и стали поступать именно так, как я и рассчитывал, – с математической точностью! А рассчитать это было бы нетрудно любому, кто должным образом использует свои маленькие серые клеточки... то есть вы были просто приманкой. Они

подсунули вам девушку... Кстати, mon ami, это интересный психологический вопрос... волосы у нее рыжие?

– Если вы имеете в виду мисс Мартин, – холодно произнес я, – то ее волосы изумительного золотисто-каштанового цвета, но...

– Да, они épatant^[14], эти люди! Они хорошо изучили вас. О! Да, друг мой, как ни жаль, но мисс Мартин – участница заговора... активная участница. Она повторила для вас письмо вместе со сказочкой о вспышке гнева мистера Райланда, вы записали текст, вы хорошенько подумали – а шифр был просто отличным, трудным, но не слишком, и у вас не возникло никаких подозрений, вы решили задачу и написали обо всем мне. Но чего они не знали – так это того, что я как раз и ждал подобного поворота событий. Я поспешил к Джеппу и все организовал. И теперь, как видите, победа за нами!

Я был не слишком доволен поведением Пуаро и прямо так ему и сказал. Мы вернулись в Лондон на «молочном» поезде в самый ранний час утра, и то была самая неудобная поездка в моей жизни.

Я только что вышел из ванны и предавался приятным мечтам о завтраке, когда услышал в гостиной голос инспектора Джеппа. Я поспешно накинул халат и направился туда.

– Ну и подсунули вы нам на этот раз штучку! – говорил Джепп, когда я вошел. – Это уж слишком, мсье Пуаро, даже для вас. В первый раз за все время, что я вас знаю, вы так промахнулись.

На лицо Пуаро стоило посмотреть. Джепп продолжал:

– Мы устроили засаду, чтобы схватить эту вашу Черную Руку, – а это оказался всего лишь лакей!

– Лакей? – изумленно выдохнул я.

– Да, Джеймс, или как там его зовут. Он, похоже, поспорил у себя в лакейской... заявил, что проучит его милость – то есть вас, капитан Гастингс, – чтобы не шпионил в доме и не искал разных бандитов из Большой Четверки.

– Это невозможно! – воскликнул я.

– Вы не верите? Я притащил этого типа прямиком в Хэттон-Чейз и нашел настоящего Райланда в постели, мирно спящим, а дворецкий, и повар, и черт их знает кто там еще у них есть – все клянутся, что был такой спор. Довольно глупая шутка, должен сказать... ну да, и еще один лакей с ним был.

– Так вот почему он держался в тени, – пробормотал Пуаро.

Когда Джепп ушел, мы уставились друг на друга.

– Мы знаем, Гастингс, – сказал наконец Пуаро. – Номер Второй из Большой Четверки – Эйб Райланд. Весь этот маскарад с лакеем был предпринят на случай возможного отступления. А сам этот лакей...

– Ну? – шепнул я.

– *Номер Четвертый*, – мрачно произнес Пуаро.

Глава 9

Тайна желтого жасмина

В этом весь Пуаро – он заявил, что мы за это время раздобыли достаточно информации, чтобы проникнуть в умы наших противников, – но я-то предпочел, чтобы мы добились несколько более ощутимых результатов.

С того момента, как мы впервые столкнулись с Большой Четверкой, она совершила уже два убийства, похитила Холлидея и чуть было не прикончила Пуаро и меня самого; поэтому едва ли можно было сказать, что мы ведем счет в этой игре.

Пуаро весьма беспечно отнесся к моим жалобам.

– Пока что, Гастингс, – сказал он, – смеются они. Это верно, но ведь это ваша пословица, не так ли: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним»? Так что мы еще посмотрим, друг мой, мы посмотрим. Вы должны также помнить, – добавил он, – что мы имеем дело не с обычными преступниками, но со вторым по счету величайшим умом в мире.

Я не стал доставлять ему удовольствие и спрашивать, кто же является первым. Я знал ответ, по крайней мере, я знал, что ответит Пуаро, а вместо этого я – вполне безуспешно – попытался вытянуть из него, какие шаги он намерен предпринять, чтобы выследить врага. Как обычно, он держал меня в полном неведении относительно своих планов, но я догадался, что он связался с кое-какими секретными агентами в Индии, Китае и России, и по некоторым его обмолвкам и похвальбам я понял, что он по крайней мере продвинулся в исследовании хода мысли противника.

Пуаро почти полностью оставил свою практику, и я знаю, что в этот период он отказался от нескольких совершенно исключительных предложений. Вообще-то он время от времени начинал расследовать случаи, которые вызывали в нем интерес, но обычно бросал расследование в тот момент, когда выяснял, что данное дело никак не связано с Большой Четверкой.

Занятая Эркюлем Пуаро позиция принесла немалую выгоду нашему другу инспектору Джеппу. Несомненно, он завоевал славу, раскрыв несколько случаев, которые он едва ли смог бы распутать самостоятельно, не получив от Пуаро доведенные до половины расследования.

В ответ на это Джепп представлял нам во всех подробностях любое

дело, которое, как он думал, могло бы заинтересовать маленького бельгийца, и когда ему в руки попал случай, который газеты называли «Тайной Желтого Жасмина», он позвонил Пуаро и спросил, не хочет ли тот вникнуть в новую загадку.

Именно в результате этого звонка через месяц после моих приключений в доме Эйба Райланда мы с Пуаро сидели вдвоем в купе поезда, уносящего нас от дымного и пыльного Лондона в маленький городок Маркет-Хэндфорд в Вустершире – именно там произошла трагедия.

Пуаро сидел, забившись в угол купе.

– И что же вы думаете об этом деле, Гастингс?

Я не сразу ответил на его вопрос; я чувствовал, что тут следует проявить осторожность.

– Ну, оно выглядит довольно запутанным, – я не спешил с выводами.

– Да, верно, – довольным тоном бросил Пуаро.

– Мне кажется, что наша поездка совершенно явственно обозначает то, что вы считаете смерть мистера Пэйнтера убийством... а не самоубийством и не результатом несчастного случая.

– Нет-нет, вы неверно меня поняли, Гастингс. Даже если принять, что смерть мистера Пэйнтера наступила в результате несчастного случая, все равно остается слишком много непонятных обстоятельств, требующих объяснения.

– Ну, я именно это и имел в виду, когда сказал, что дело запутанное.

– Давайте рассмотрим все основные факты, методически и не спеша. Напомните их мне, Гастингс, в хронологическом порядке.

Я сосредоточился, стараясь быть как можно более методичным и хронологичным.

– Начнем с самого мистера Пэйнтера, – сказал я. – Человек пятидесяти пяти лет, богатый, можно сказать, любитель попутешествовать. За последние двенадцать лет он мало бывал в Англии, но вдруг устал от постоянных путешествий, купил небольшое имение в Вустершире, неподалеку от Маркет-Хэндфорда, и приготовился осесть там надолго. И первым делом он написал своему единственному родственнику, племяннику Джеральду Пэйнтеру, сыну его младшего брата, – и предложил тому приехать и поселиться в его доме в Крофтланде (именно так называлось то местечко), чтобы пожить рядом с дядей. Джеральд Пэйнтер, нищий молодой художник, с удовольствием принял приглашение и к тому моменту, когда произошла трагедия, жил с дядей уже около семи месяцев.

– Ваш стиль изложения великолепен, – пробормотал Пуаро. – Мне все

время казалось, что это говорит ожившая книга, а не мой друг Гастингс.

Не обратив внимания на выпад Пуаро, я продолжил, стараясь оживить историю:

– Мистер Пэйнтер держал в Крофтланде немалый штат – шесть слуг, да еще его личный слуга-китаец А Линг.

– Слуга-китаец А Линг... – прошептал Пуаро.

– В последний вторник мистер Пэйнтер после обеда пожаловался, что чувствует себя плохо, и одного из слуг отправили за врачом. Мистер Пэйнтер принял доктора в своем кабинете, отказавшись лечь в постель. Что произошло между ними, никто не знает, однако доктор Квентин, прежде чем уйти, повидал экономку, сказал, что сделал мистеру Пэйнтеру подкожный укол, поскольку сердце его пациента работало слишком плохо, и посоветовал не беспокоить хозяина, а потом задал несколько довольно странных вопросов о слугах – как давно они здесь, откуда прибыли и так далее.

Экономка ответила на вопросы доктора, как сумела, хотя и была весьма ими озадачена. Ужасное открытие было сделано на следующее утро. Одна из горничных, спустившись вниз, почувствовала тошнотворный запах горячей плоти, и этот запах, похоже, исходил из кабинета хозяина. Горничная попыталась открыть дверь, но та оказалась заперта изнутри. С помощью Джеральда Пэйнтера и китайца дверь быстро взломали – и вошедших ожидало жуткое зрелище. Мистер Пэйнтер упал в газовый камин, и его лицо и голова обгорели до полной неузнаваемости.

Конечно, в тот момент не возникло никаких подозрений, поскольку случившееся восприняли как несчастный случай. Если кого-то и следовало винить, то лишь доктора Квентина, давшего своему пациенту наркотическое средство и оставившего его в таком состоянии одного. Но потом последовало удивительное открытие.

На полу нашли газету – она явно соскользнула с колен старого джентльмена. Когда ее рассмотрели как следует, увидели, что на ней что-то начерчено, это был слабый чернильный след. Письменный стол располагался рядом с креслом, в котором обычно сидел мистер Пэйнтер, а указательный палец погибшего оказался испачкан чернилами вплоть до второго сустава. Стало совершенно ясно, что мистер Пэйнтер, не в состоянии уже удерживать перо, обмакнул в чернильницу палец и умудрился нацарапать два слова на газете, которая лежала у него на коленях, – но сами по себе эти слова выглядели совершенно бессмысленно и фантастично: *«Желтый Жасмин»* – вот и все.

В Крофтланде растет множество кустов желтого жасмина вдоль стен

дома, и потому все подумали, что умирающий, уже плохо соображая, почему-то вспомнил об этих цветах. Конечно же, газеты, вопреки здравому смыслу, раздули эту историю, окрестив ее «Тайной Желтого Жасмина», – несмотря на то, что эти слова явно не имели никакого смысла и значения.

– Не имели значения, говорите? – сказал Пуаро. – Ну, без сомнения, если вы так считаете, так оно и должно быть.

Я с сомнением посмотрел на него, но не увидел насмешки в его глазах.

– А потом, – продолжил я, – произошло взволновавшее всех дознание.

– Чувствую, как вы мысленно облизываетесь, – заметил Пуаро.

– Нашлось кое-что, свидетельствующее против доктора Квентина. Начать с того, что он не был здешним постоянным врачом, он лишь временно замещал доктора Болито, который уехал на месяц в более чем заслуженный отпуск. Возникло предположение, что небрежность врача стала прямой причиной несчастного случая. Но показания врача вызвали нечто вроде сенсации. Оказалось, что мистер Пэйнтер жаловался на здоровье с самого момента своего приезда в Крофтланд. Доктор Болито навещал его время от времени, но когда доктор Квентин впервые увидел его пациента, он был озадачен некоторыми симптомами. Квентин лишь однажды видел мистера Пэйнтера до того самого вечера, когда за ним прислали сразу после обеда. Как только врач остался наедине с больным, тот рассказал ему удивительную историю. Прежде всего, объяснил он, он вовсе не чувствует себя плохо, но вкус поданного к обеду мяса с соусом карри показался ему странным и необычным. Отослав А Линга за какой-то мелочью, мистер Пэйнтер быстро сложил содержимое своей тарелки в чашку и теперь просит врача забрать эту еду и выяснить, все ли с ней в порядке.

Вопреки заявлению мистера Пэйнтера, что он чувствует себя нормально, доктор отметил, что потрясение, вызванное мыслью о возможном присутствии яда, сильно повлияло на него и что сердце пациента работает с трудом. Поэтому врач предложил сделать укол – но не наркотического средства, а всего лишь сердечного.

На этом, похоже, история и закончилась – если, конечно, не считать того странного факта, что в карри с тарелки мистера Пэйнтера, подвергнутом анализу, нашлось такое количество опиума в порошке, что его хватило бы на убийство двоих здоровых мужчин!

Я замолчал.

– И каковы ваши выводы, Гастингс? – негромко спросил Пуаро.

– Ну, трудно сказать... Это *может быть* несчастным случаем... а то, что именно тем вечером кто-то пытался отравить Пэйнтера, вполне может

оказаться простым совпадением.

– Но вы так не думаете? Вы предпочитаете верить, что это – убийство?

– А вы разве нет?

– Друг мой, я вообще не рассуждаю подобным образом. Я не пытаюсь примирить свой ум с двумя противоположными ответами – убийство или несчастный случай; ответ найдется тогда, когда мы разрешим другую проблему... да, тайну «Желтого Жасмина». Кстати, вы тут кое-что пропустили.

– Вы имеете в виду две линии, начерченные под прямым углом друг к другу, – едва заметные линии сразу под словами на газете? Я не думал, что они могут иметь какое-то значение.

– Ваши мысли всегда уходят в сторону, Гастингс. Но давайте оставим загадку «Желтого Жасмина» и займемся загадкой карри.

– Да, понимаю. Кто отравил соус? Почему? Тут возникает сразу сотня вопросов. Само собой, готовил карри А Линг. Но зачем ему убивать своего хозяина? Может быть, он член *какого-то влиятельного* китайского клана? О таких вещах пишут иногда. Клан Желтый Жасмин, возможно. Потом еще есть Джеральд Пэйнтер.

И тут я замолчал.

– Да, – произнес Пуаро, кивая. – Еще есть Джеральд Пэйнтер, как вы справедливо заметили. Он наследник своего дяди. Но в тот вечер он не обедал дома.

– Он мог подложить яд в какие-то ингредиенты карри, – предположил я. – А потом позаботился о том, чтобы отсутствовать в нужный момент, ведь иначе и ему пришлось бы попробовать этот соус.

Думаю, мои доводы произвели немалое впечатление на Пуаро. Он посмотрел на меня с куда большим вниманием, чем во время рассказа.

– Он вернулся поздно, – продолжил я, развивая гипотетическую линию событий. – Увидел свет в кабинете своего дяди, вошел и, обнаружив, что план отравления не сработал, сунул старика в огонь.

– Но мистер Пэйнтер, вовсе не дряхлый мужчина пятидесяти пяти лет, едва ли позволил бы сжечь себя, он стал бы сопротивляться, Гастингс. Ваша реконструкция неправдоподобна.

– Ну хорошо, Пуаро! – воскликнул я. – У нас есть еще время, так что скажите, как вы все это себе представляете!

Пуаро одарил меня улыбкой, выпятил грудь и торжественно начал:

– Если мы рассматриваем данный случай как убийство, то сразу возникает вопрос: почему избран именно такой способ? Я лично вижу только одну причину: спутать опознание, сделать лицо жертвы совершенно

неузнаваемым.

– Что? – вскрикнул я. – Вы полагаете...

– Минутку терпения, Гастингс. Я хотел лишь сказать, что я исследовал это предположение. Есть ли какие-нибудь основания думать, что тело принадлежит не мистеру Пэйнттеру? Может ли оно принадлежать кому-нибудь другому? Я исследовал два эти вопроса и в результате на оба ответил отрицательно.

– Ох! – разочарованно произнес я. – А потом?

Пуаро чуть прикрыл глаза.

– А потом я сказал себе: поскольку тут есть что-то такое, чего я не понимаю, будет лучше, если я рассмотрю все подробности. Я не должен позволять себе слишком концентрировать мысли на Большой Четверке. А! Мы подъезжаем. Моя маленькая одежная щетка, куда же она задевалась? А, вот она... умоляю, друг мой, помогите мне почистить костюм, а потом я окажу вам такую же услугу.

Да, – задумчиво произнес Пуаро, когда наконец оставил в покое одежную щетку. – Нельзя допускать, чтобы умом овладевала одна идея. А мне грозит именно эта опасность. Вообразите себе, друг мой, что даже сейчас, рассматривая данное дело, я подвергаюсь этой опасности! Те две линии, о которых вы упомянули, две линии под прямым углом друг к другу, – чем они могут быть, кроме незаконченной цифры 4?

– О боже! Пуаро! – воскликнул я и расхохотался.

– Да, разве это не абсурдно? Я везде вижу руку Большой Четверки. А! Вон и Джепп идет нас встречать!

Глава 10

Расследование в Крофтланде

Инспектор Скотленд-Ярда и в самом деле ожидал нас на платформе и тепло приветствовал.

– Ну, мсье Пуаро, хорошо, что вы приехали. Думаю, вам это дельце понравится. Вот уж загадка так загадка, верно?

Я сразу понял, что Джепп полностью и окончательно запутался в деле и надеется на помощь Пуаро.

Джепп ожидал нас с автомобилем, и мы поехали в Крофтланд. Там мы увидели приземистый белый дом, совершенно не претенциозный, весь опутанный вьющимися растениями, среди которых был и желтый жасмин, усыпанный похожими на яркие звездочки цветами. Джепп посмотрел на жасмин, и мы тоже.

– Должно быть, чувствовал запах цветов, когда писал те слова, бедный малый, – сказал инспектор. – Галлюцинации, возможно... подумал, что он в саду.

Пуаро улыбнулся Джеппу.

– Так что же это было, дорогой Джепп? – спросил он. – Несчастный случай или убийство?

Похоже было, что вопрос немного смутил инспектора.

– Ну, если бы не этот фокус с карри, я бы голосовал за несчастный случай, без сомнения. Тут нет никакого смысла... совать живого человека головой в огонь... да он заорал бы на всю округу!

– Ах! – вдруг вполголоса воскликнул Пуаро. – Какой же я дурак! Полный имбецил! Вы куда умнее меня, Джепп.

Инспектор был явно ошарашен комплиментом – ведь обычно Пуаро хвалил только самого себя. Джепп покраснел и пробормотал что-то в том смысле, что лично он в этом очень сомневается.

Он проводил нас через дом к той комнате, в которой произошла трагедия, – к кабинету мистера Пэйнтера. Кабинет оказался просторным, с низким потолком, с книжными стеллажами вдоль стен и большими кожаными креслами.

Пуаро сразу же посмотрел на окно.

– А что окно, оно было открыто? – спросил мой друг.

– Вот тут тоже загвоздка, честно говоря, – ответил Джепп. – Когда

доктор вышел из этой комнаты, он просто притворил дверь за собой. Но на следующее утро она оказалась запертой на ключ. Кто ее запер? Мистер Пэйнтер? А Линг утверждает, что окно было закрыто и заперто на задвижку. Доктор Квентин, наоборот, считает, что окно было лишь прикрыто, но поклясться в этом не может. Если бы мог – это было бы совсем другое дело. Если хозяин дома действительно был убит, то кто-то должен был войти в кабинет через дверь или через окно. Если через дверь – это дело рук кого-то из домашних; если через окно – это мог быть кто угодно. Когда слуги ворвались в кабинет, они первым делом открыли окно, и горничная, сделавшая это, считает, что оно не было заперто, но она очень плохой свидетель – вспомнит все что угодно, только намекни!

– А что с ключом?

– И тут тоже никакой ясности. Ключ нашли на полу среди обломков двери. Он мог вылететь из замочной скважины, мог быть подброшен любым из вошедших в кабинет людей, мог быть подсунут под дверь снаружи.

– То есть по существу могло быть все, что угодно.

– Попали в точку, мсье Пуаро. Так оно и есть.

Пуаро с несчастным видом оглядывался по сторонам и хмурился.

– Я не вижу никакого проблеска, – пробормотал он. – Вот только что... да, я уловил лучик, но тут же снова наступила тьма. Я не вижу главного... я не вижу мотива.

– У молодого Джеральда Пэйнтера есть отличный мотивчик, – мрачно заметил Джепп. – Он был довольно диким существом в юности, могу вам сказать. И экстравагантным. Ну, вы знаете, каковы эти художники... никаких моральных устоев.

– Мой дорогой Джепп, возможно ли, чтобы вы нарочно пускали мне пыль в глаза? Я отлично знаю, что вы подозреваете китайца. Но вы слишком хитры. Вы хотите, чтобы я помог вам, – и все равно ставите палки в колеса.

Джепп взорвался хохотом.

– В этом весь вы, мсье Пуаро. Да, я ставлю на китайца. Признаюсь. Похоже на то, что именно он нахимичил с карри, а уж если он раз попытался избавиться от своего хозяина, то почему бы ему не взяться за дело и во второй раз, сразу, в ту же ночь?

– Я бы удивился, если бы он это сделал, – мягко сказал Пуаро.

– Но меня все равно смущает мотив. Может быть, хотел отомстить за какую-то обиду?

– Я бы удивился, – повторил Пуаро. – Ограбления не было? Ничего не

пропало? Драгоценности, деньги, документы?

– Нет... ну, то есть в буквальном смысле – нет.

Я насторожился, Пуаро тоже.

– Это, я полагаю, вряд ли было пропажей, – пояснил Джепп. – Но погибший старина вроде бы писал книгу. Мы узнали об этом только сегодня утром, когда пришло письмо от издателя с просьбой прислать рукопись. Похоже, она должна быть закончена к этому времени. Молодой Пэйнтер и я обыскали тут все, но ни следа рукописи не обнаружили, – наверное, он спрятал ее где-то в другом месте.

Глаза Пуаро загорелись зеленым огнем, который я так хорошо знал...

– Как она называлась, эта книга? – спросил он.

– «Тайная Рука Китая», так было написано в письме издателя.

– Ага! – воскликнул Пуаро, судорожно вздохнув. Потом быстро сказал:

– Мне нужно увидеть этого китайца, А Линга.

За китайцем послали, и через несколько минут он шаркающей походкой вошел в кабинет и устался в пол, только покачивалась косичка на затылке. На бесстрастном лице не отражалось никаких чувств.

– А Линг, – спросил Пуаро, – тебе жаль, что твой хозяин умер?

– Моя очень жалеет. Он хороший хозяин.

– Ты знаешь, кто его убил?

– Мой не знает. Мой говорил бы полиси, если знает.

Последовали новые вопросы и ответы. А Линг, все с тем же бесстрастным выражением лица, описал, как он готовил карри. Повар не прикасался к этому соусу, заявил китаец, ни одна рука не притрагивалась к нему, только его собственная. Я не знал, понимает ли китаец, что его слова служат ему не на пользу. Но он настаивал также на том, что окно в сад было в тот вечер заперто на задвижку. Если оно оказалось открыто утром, тогда, должно быть, хозяин сам его открыл. Наконец Пуаро отпустил А Линга.

– Да, вот еще что, А Линг, – окликнул Пуаро китайца, когда тот уже шагнул за порог. – Ты сказал, ты ничего не знаешь о желтом жасмине?

– Нет, что моя может знать?

– И ты ничего не знаешь о том, что было начерчено под этими словами?

Пуаро, уже подошедший к двери, быстро наклонился и что-то начертил на пыльной поверхности маленького столика. Я оказался достаточно близко, чтобы рассмотреть, прежде чем Пуаро все стер. Вертикальная черта, потом линия под прямым углом к ней и наконец еще одна вертикальная, завершившая изображение большой четверки. Китайца

словно током ударило. На одно краткое мгновение его лицо исказилось ужасом. А потом столь же внезапно снова обрело бесстрастность, и, повторив, что он ничего не знает, А Линг ушел.

Джепп отправился на поиски молодого Пэйнтера, и мы с Пуаро остались одни.

– Большая Четверка, Гастингс! – воскликнул Пуаро. – Снова Большая Четверка! Пэйнтер был вечным путешественником. В своей книге он, без сомнения, излагал чрезвычайно важные сведения, касающиеся Номера Первого, Ли Чанг Йена, руководителя и направляющего ума Большой Четверки!

– Но кто... как...

– Тише, сюда идут.

Джеральд Пэйнтер оказался вежливым молодым человеком несколько сублильной внешности. Он носил мягкую каштановую бороду и оригинальный шелковый галстук. На вопросы Пуаро он отвечал с полной готовностью.

– Я обедал у одних наших знакомых, по соседству, это семья Уичерли, – пояснил он. – Когда я вернулся домой? О, около одиннадцати. У меня свой ключ, видите ли. Все слуги уже отправились спать, и я, естественно, подумал, что дядя тоже лег. Вообще-то мне показалось, что я заметил этого бесшумного китайского плута А Линга – вроде он как раз выскользнул из холла, но думаю, что я, скорее всего, ошибся.

– Когда вы в последний раз видели своего дядю, мистер Пэйнтер? Я имею в виду, до того, как переехали к нему жить.

– О! Мне было тогда лет десять, не больше. Видите ли, он постоянно ссорился со своим братом, моим отцом.

– Однако он без особого труда отыскал вас, так? Несмотря на то, что прошло довольно много лет?

– Да, тут мне просто повезло, я увидел в газете объявление адвоката.

Больше у Пуаро вопросов к племяннику не было.

Следующим нашим действием стал визит к доктору Квентину. Рассказанная им история в основном была той же самой, что он излагал на дознании, и ему почти нечего было к ней добавить. Он принял нас в своем хирургическом кабинете, поскольку как раз закончил прием пациентов. Доктор выглядел интеллигентным человеком. Некоторая чопорность манер вполне сочеталась с его пенсне, но мне показалось, что он должен использовать только современные методы лечения.

– Мне бы очень хотелось вспомнить, что там было с окном, – искренне сказал он. – Но это очень опасно – пытаться вникнуть в прошедшее, может

появиться уверенность в том, чего никогда не бывало. Это вопрос психологии, не так ли, мсье Пуаро? Видите ли, я много читал о ваших методах и могу сказать, что бесконечно восхищаюсь вами. Да, полагаю, что почти наверняка именно китаец подсыпал опиум в карри, но ведь он никогда в этом не признается, и мы никогда не узнаем, зачем он это сделал. Но сунуть человека в огонь – нет, это не в характере нашего китайского приятеля, мне так кажется.

Я вернулся к этому последнему пункту, когда мы с Пуаро, возвращаясь обратно, шли по главной улице Маркет-Хэндфорда.

– Вы думаете, он в этом замешан? – спросил я. – Кстати, надеюсь, Джепп не забыл установить наблюдение за ним? (Инспектор как раз проследовал в полицейский участок по какому-то своему делу.) Эмиссары Большой Четверки обычно чрезвычайно увертливы.

– Джепп не спускает глаз с них обоих, – мрачно ответил Пуаро. – Причем с того самого момента, как был обнаружен труп.

– Ну, в любом случае *мы* знаем, что Джеральд Пэйнтер к этому не имеет никакого отношения.

– Вы всегда знаете гораздо больше, чем я, Гастингс, и это становится утомительным.

– Ах вы, старая лиса! – рассмеялся я. – Уж вы-то никогда лишнего слова не скажете!

– Если быть честным, Гастингс, это дело в целом мне уже ясно во всех деталях, кроме слов «Желтый Жасмин», – и я начинаю думать, что вы, пожалуй, правы, утверждая, будто они вообще не имеют отношения к преступлению. Но если это так, вам следует подумать, кто в этой истории лжет. Я уже подумал. И еще...

Внезапно он бросился в сторону и исчез в книжной лавке. Несколько минут спустя он вышел, прижимая к себе какой-то сверток. Потом к нам присоединился Джепп, и мы отправились в гостиницу.

На следующее утро я проснулся поздно. Когда я спустился в предоставленную нам гостиную, то обнаружил, что Пуаро уже там, – он шагал взад-вперед, и его лицо искажала боль.

– Не пытайтесь заговорить со мной! – возбужденно воскликнул он, взмахивая рукой. – Нет, до тех пор, пока я не буду знать, что все в порядке... что арест произведен. Ах! Дурной я психолог! Гастингс, если человек пишет предсмертную записку, то лишь потому, что это очень важно! Но все, что он сказал, – это «Желтый Жасмин». Да, возле дома растет желтый жасмин... но это ровным счетом ничего не значит! Однако что же могут означать эти слова? Именно то, что означают. Слушайте! – Он

раскрыл небольшую книгу, которую держал в руке. – Друг мой, мне вдруг пришло в голову, что надо бы получше вникнуть в предмет. Что такое в точности желтый жасмин? И эта маленькая книжица объяснила мне все! Слушайте!

Он прочел:

– «*Gelsemini Radix*, желтый жасмин. Составные части: алкалоиды *gelseminine* $C_{22}H_{26}N_2O_3$, сильный яд, действующий на манер кониина; *gelsemine* $C_{12}H_{14}NO_2$, действующий как стрихнин; *gelsemic acid* и так далее. Сильный депрессант, действующий на центральную нервную систему. В итоге парализует двигательные нервные окончания, в больших дозах вызывает головокружение и мышечную слабость. Может наступить смерть в результате паралича дыхательных центров».

Вы понимаете, Гастингс? Я подозревал это с самого начала, когда Джепп заметил что-то насчет живого человека, которого сунули бы в огонь. Потом я осознал, что сожгли уже мертвого человека.

– Но зачем? Какой в этом смысл?

– Друг мой, если вы выстрелите в человека или ударите его ножом, когда он уже умер, или даже просто стукнете его по голове, следствие быстро установит, что повреждения нанесены после смерти. Но если голова человека превратилась в уголь, никто просто не станет искать других причин смерти, и решат, что человек, чудом избежавший отравления за обедом, едва ли будет отравлен позже. Так *кто же* лжет, спрашиваем мы снова. Я решил, что А Лингу следует верить...

– Что?! – вскрикнул я.

– Вы удивлены, Гастингс? А Линг знает о существовании Большой Четверки, это слишком очевидно, и также очевидно, что до того момента он никак не связывал эту банду с убийством своего хозяина. Если бы китаец был убийцей, его лицо не утратило бы привычного выражения, ведь он был бы готов к вопросу. Поэтому я решил, что А Линг говорит правду, и сосредоточил свое внимание на Джеральде Пэйнтере. Мне казалось, что Номер Четвертый мог бы с легкостью играть роль племянника.

– Что?! – снова воскликнул я. – Номер Четвертый?

– Нет, Гастингс, он *не* Номер Четвертый. Как только я прочитал в этой книге о желтом жасмине, я увидел правду. На самом-то деле она сама бросается в глаза.

– Как обычно, – холодно заметил я, – в мои глаза она почему-то не бросается.

– Потому что вы не пользуетесь своими маленькими серыми

клеточками. У кого была возможность отравить карри?

– У А Линга, конечно. Больше ни у кого.

– Ни у кого? А как насчет врача?

– Но это было бы *после того*.

– Разумеется, после. В том карри, который был приготовлен для мистера Пэйнтера, не содержалось ни крошки опиума, но, поскольку врач пробудил в старом джентльмене подозрения, Пэйнтер не дотронулся до соуса и передал его доктору для исследования – что и входило в план Квентина. Доктор Квентин явился, забрал карри и *сделал мистеру Пэйнтеру инъекцию* – сердечного средства, как он утверждает, однако на самом деле это был желтый жасмин в смертельной дозе. Когда яд начал действовать, он ушел, предварительно открыв окно. Затем ночью он вернулся – через окно – и сунул мистера Пэйнтера в огонь. Он не обратил внимания на газету, упавшую на пол и прикрытую телом старого джентльмена. Пэйнтер знал, каким ядом его отравили, и приложил все усилия к тому, чтобы обвинить в своей смерти Большую Четверку. Для Квентина не составило труда насыпать порошок опиума в переданный ему карри, а уж потом передать его в лабораторию на исследование. Он изложил нам собственную версию его беседы со старым джентльменом и как бы случайно упомянул об инъекции сердечного средства – на случай, если кто-то заметит на коже убитого след укола. Так что поначалу возникли две версии: несчастный случай и возможное отравление карри А Лингом.

– Но доктор Квентин не может ведь быть Номером Четвертым?

– Полагаю, может. Можно не сомневаться в том, что настоящий доктор Квентин сейчас находится где-нибудь за границей. Номер Четвертый просто стал им на небольшое время. С доктором Болито он договорился в письмах, так что проблем не возникло.

В эту минуту в нашу гостиную ворвался инспектор Джепп, красный как рак.

– Вы его схватили? – тревожно спросил Пуаро.

Джепп покачал головой, переводя дыхание.

– Доктор Болито сегодня утром вернулся из отпуска – его вызвали телеграммой. Никто, правда, не знает, кто эту телеграмму отправил. А тот человек удрал еще ночью. Но мы его поймаем.

Пуаро печально покачал головой.

– Думаю, не поймаете, – сказал он и рассеянно начертил вилкой на столе большую четверку.

Глава 11

Шахматная задача

Мы с Пуаро частенько обедали в одном маленьком ресторанчике в Сохо. И однажды вечером мы заметили за соседним столом одного нашего друга. Это был не кто иной, как инспектор Джепп, и, поскольку за нашим столом имелось свободное место, он присоединился к нам. Мы уже довольно давно его не видели.

– Вы совсем не заходили к нам в последнее время, – сказал Пуаро с легкой укоризной в голосе. – Ни разу с тех пор, как мы занимались делом Желтого Жасмина, а это было почти месяц назад.

– Я был на севере... потому и не заходил. Как ваши дела? Большая Четверка все еще сильна, а?

Пуаро погрозил ему пальцем:

– А! Вы насмехаетесь надо мной... но Большая Четверка существует, да.

– О, я и не сомневаюсь в этом, только они не представляют собой пуп Вселенной, как вы это видите.

– Друг мой, вы сильно заблуждаетесь. Эта самая Большая Четверка – это величайшая сила зла в мире на сегодняшний день. К чему они стремятся, никто не знает, но подобной преступной организации никогда не существовало. Сильнейший мозг Китая стоит во главе ее, и в ее составе – некий американский миллионер и некая французская ученая дама, а что касается четвертого...

Джепп перебил его:

– Я знаю... знаю. Вы на этом совсем свихнулись. Это становится вашей небольшой манией, мсье Пуаро. Давайте для разнообразия поговорим о чем-нибудь еще. Вы интересуетесь шахматами?

– Я играю, да.

– Вы знаете о вчерашнем происшествии? Матч между двумя игроками с мировым именем, и один из них умирает во время игры!

– Да, мне попадалось упоминание об этом в газетах. Одним участником встречи был доктор Саваронов, русский чемпион; вторым – тем, что скончался от сердечной недостаточности, – блестящий молодой американец Гилмор Уилсон.

– Совершенно верно. Саваронов несколько лет назад обыграл

Рубинштейна и стал русским чемпионом. Об Уилсоне говорили, что он станет вторым Капабланкой.

– Весьма любопытное происшествие, – пробормотал Пуаро. – Если я не ошибаюсь, вы как-то заинтересованы в этом случае?

Джепп смущенно засмеялся.

– Вы угадали, мсье Пуаро. Я озадачен. Уилсон был здоров как бык – никаких признаков сердечной болезни. Его смерть совершенно необъяснима.

– Вы подозреваете, что доктор Саваронов просто устранил его? – воскликнул я.

– Едва ли, – сухо ответил Джепп. – Я не думаю, что даже русский стал бы убивать другого человека лишь для того, чтобы не оказаться побежденным в шахматной игре... Да и вообще, насколько я сумел разобраться, тут вовсе не может быть речи о чем-то в этом роде. О докторе говорят, что он очень сильный игрок, его даже называют вторым Ласкером.

Пуаро задумчиво кивнул.

– Так какие у вас идеи? – спросил он. – Почему Уилсон был отравлен? Ведь вы, конечно, предполагаете отравление?

– Само собой. Сердечная недостаточность означает, что ваше сердце вдруг перестает биться, – и так оно и было. Именно это заявил врач в тот момент, но затем в разговоре намекнул нам, что не слишком удовлетворен таким объяснением.

– Когда состоится вскрытие?

– Сегодня вечером. Смерть Уилсона была слишком внезапной. Он выглядел совершенно нормально и как раз собрался сделать ход – и вдруг упал замертво!

– Существует слишком мало ядов, действующих подобным образом, – возразил Пуаро.

– Я знаю. Надеюсь, вскрытие поможет нам разобраться. Но почему кому-то захотелось убрать Гилмора Уилсона, вот что мне хотелось бы знать! Он был совершенно безобидным и скромным молодым парнем. Он только что прибыл из Штатов и явно не мог иметь врагов в этой части мира.

– Это выглядит просто невероятным, – проворчал я.

– Ничуть, – с улыбкой сказал Пуаро. – Я вижу, Джепп уже выстроил свою теорию.

– Да, мсье Пуаро. Я не верю, что яд предназначался для Уилсона... он предназначался для другого человека.

– Для Саваронова?

– Да. Саваронов сильно пострадал от большевиков во время этой их революции. Сообщали даже, что он убит. На самом же деле он бежал и в течение трех лет испытывал невообразимые страдания в самых диких районах Сибири. От пережитого он стал совершенно другим человеком, к тому же он очень болен. Его друзья и знакомые заявили, что с трудом узнали его. Волосы у него совершенно белые, он редко выходит из дома, живет один, с племянницей Соней Давиловой и русским слугой. Он снимает квартиру неподалеку от Вестминстера. Возможно, он до сих пор считает, что за ним следят. И он очень неохотно согласился на участие в матче. Несколько раз отказывался, и лишь когда газеты подняли шум вокруг его «неспортивного поведения», решился играть. Гилмор Уилсон несколько раз бросал ему вызов с упрямством истинного янки и в итоге добился своего. И теперь я спрашиваю вас, мсье Пуаро, почему Саваронов не хотел играть? Да потому, что не хотел привлекать к себе внимание. Не хотел, чтобы кто-то вышел на его след. Таково мое предположение – Гилмор Уилсон пострадал по ошибке.

– А есть ли кто-нибудь такой, кто лично выигрывает от смерти Саваронова?

– Ну, его племянница, наверное. Он недавно получил огромное состояние. Наследство от мадам Господжевой, чей муж был сахарным воротилой при старом режиме. Полагаю, они были когда-то близки, она упорно отказывалась верить слухам о его смерти и завещания не изменила.

– Где проходил матч?

– В квартире Саваронова. Он инвалид, как я вам уже говорил.

– Много людей присутствовало?

– По меньшей мере дюжина... или даже больше.

Пуаро выразительно поморщился:

– Мой бедный Джепп, ваша задача нелегка.

– Если я буду точно знать, что Уилсон отравлен, я смогу ее решить.

– А не приходило ли вам в голову, что если подлинной жертвой является Саваронов, то убийца может повторить попытку?

– Конечно, приходило. Двое моих людей находятся в квартире Саваронова.

– Они пригодятся, если кто-нибудь явится с бомбой под мышкой, – сухо заметил Пуаро.

– А вы заинтересовались, мсье Пуаро, – сказал Джепп, подмигивая. – Хотите поехать в морг и взглянуть на тело Уилсона, пока врачи не занялись им? Кто знает, может быть, его галстучная булавка окажется сидящей косо и это даст вам ключ к разгадке тайны?

– Мой дорогой Джепп, в течение всего обеда у меня просто пальцы чешутся, так хочется мне поправить булавку в вашем собственном галстуке. Вы позволите, да? О! Вот так гораздо приятнее для глаз. Да, пожалуй, съездим в морг.

Я видел, что внимание Пуаро полностью поглощено этой новой проблемой. А поскольку он уже давным-давно не проявлял интереса к каким-либо происшествиям, я порадовался тому, что он снова вернулся в обычное состояние.

Что касается меня самого, я испытывал глубокое сожаление, глядя на неподвижное тело и искаженное лицо незадачливого молодого американца, нашедшего смерть столь странным образом. Пуаро внимательно исследовал труп. Но на нем не было никаких отметин, кроме крошечного шрама на левой руке.

– Врач сказал, это ожог, а не порез, – пояснил Джепп.

Внимание Пуаро обратилось к содержимому карманов погибшего – констебль разложил все на столе специально для нас. Но там было совсем немного вещей: носовой платок, ключи, записная книжка, заполненная заметками, несколько незначительных писем. Но один предмет, стоявший особняком, вызвал у Пуаро горячий интерес.

– Шахматная фигурка! – воскликнул он. – Белый слон! Он тоже был в кармане?

– Нет, фигура была зажата в ладони. Нам пришлось потрудиться, чтобы высвободить слона из пальцев умершего. Нужно будет после вернуть фигурку доктору Саваронову. Она из его прекрасного набора – резная кость!

– Позвольте мне возратить фигуру. Это объяснит мой визит к нему.

– Ага! – воскликнул Джепп. – Так вы хотите заняться этим случаем?

– Не скрою, хочу. Вы весьма ловко возбудили мое любопытство.

– Это замечательно. Выведет вас из задумчивости. Я вижу, капитан Гастингс тоже доволен.

– Вполне, – рассмеялся я.

Пуаро повернулся к трупу спиной.

– Вы ничего не можете сказать мне еще о... о нем? – спросил он.

– Вряд ли, – ответил Джепп.

– И даже не скажете, что он был левшой?

– Да вы чародей, мсье Пуаро! Как вы узнали? Он действительно был левшой. Но это не имеет никакого отношения к делу!

– Безусловно, не имеет, – поспешил согласиться Пуаро, видя, что Джепп слегка раздражен. – Это просто маленькая шутка, ничего более.

Видите ли, мне нравится подшучивать над вами.

Мы ушли, достигнув полного взаимопонимания с инспектором.

На следующее утро мы отправились к доктору Саваронову в Вестминстер.

– Соня Давилова, – размышлял я вслух. – Симпатичное имя.

Пуаро остановился и с отчаянием в глазах уставился на меня.

– Вечно вы ищете романтику! Вы неисправимы. По заслугам вам будет, если Соня Давилова окажется нашим старым другом-врагом графиней Верой Русаковой!

При упоминании о графине я нахмурился.

– Да будет вам, Пуаро, вы же не подозреваете...

– Нет, нет! Я пошутил! Большая Четверка совсем не так сильно заполонила мой мозг, как это кажется инспектору Джеппу.

Дверь квартиры открыл для нас слуга со странным, совершенно неподвижным лицом. При взгляде на него невозможно было представить, что такая физиономия способна выразить хоть какое-нибудь чувство.

Пуаро подал ему свою визитную карточку, на которой Джепп написал несколько слов, и нас провели в низкую длинную комнату, богато обставленную и полную всяческих диковин. На стенах висело несколько прекрасных икон, на полу лежал редкостный персидский ковер. На столе стоял самовар.

Я как раз рассматривал одну из икон, которая, насколько я мог судить, представляла собой немалую ценность, когда краем глаза случайно заметил: Пуаро стоит на полу на четвереньках. Как ни великолепен был ковер в комнате, вряд ли он мог привлечь к себе такое пристальное внимание.

– Не правда ли, исключительно прекрасный экземпляр? – спросил я.

– А? О! Ковер? Нет, я смотрю не на ковер. Но ковер и в самом деле прекрасен, слишком хорош для того, чтобы глупейшим образом вбивать гвоздь в пол прямо сквозь него. Нет, Гастингс, – сказал он, поскольку я шагнул вперед, – сейчас гвоздя уже нет. Но дырка осталась.

Неожиданно сзади послышался шум, заставивший меня обернуться, а Пуаро – резво вскочить на ноги. В дверях стояла девушка. Ее глаза, устремленные на нас, потемнели от подозрения. Девушка была среднего роста, с красивым, несколько угрюмым лицом, синими глазами и совершенно черными, коротко подстриженными волосами. Когда она заговорила, оказалось, что она обладает богатым, звучным голосом, совершенно не английским.

– Боюсь, мой дядя не сможет увидеться с вами. Он очень болен.

– Очень жаль, но, возможно, вы будете так добры и замените его. Вы ведь мадемуазель Давилова, не так ли?

– Да, я Соня Давилова. Что вы хотите узнать?

– Я провожу небольшое расследование того печального происшествия, что случилось прошлым вечером, – я имею в виду смерть мистера Гилмора Уилсона. Вы можете что-нибудь рассказать об этом?

Глаза девушки широко раскрылись.

– Он умер от сердечной недостаточности... во время игры в шахматы.

– Полиция не слишком в этом уверена... в сердечной недостаточности, мадемуазель.

Девушка испуганно вздрогнула.

– Так, значит, это правда! – воскликнула она. – Иван был прав!

– Кто такой Иван и почему вы говорите, что он был прав?

– Иван – это тот человек, который встретил вас... и он уже говорил мне, что, по его мнению, Гилмор Уилсон умер не своей смертью... что его отравили по ошибке.

– По ошибке?

– Да, что яд был предназначен для моего дяди.

Она уже забыла о вспыхнувшем было недоверии к нам и говорила горячо и пылко.

– Но почему вы так считаете, мадемуазель? Кому могло понадобиться отравить доктора Саваронова?

Они покачала головой:

– Я не знаю. Я в совершенном недоумении. А мой дядя не доверяет мне. Возможно, это и естественно... Видите ли, он меня едва знает. Он видел меня, когда я была совсем ребенком, и больше мы не встречались до того момента, как я приехала к нему сюда, в Лондон. Но, насколько я знаю, он чего-то боится. У нас в России множество разных тайных организаций, и я однажды подслушала кое-что такое, что заставило меня думать – он боится одной из них. Скажите мне, мсье... – Она подошла поближе, ее голос упал до шепота: – Вы когда-нибудь слышали об организации, которая называется «Большая Четверка»?

Пуаро едва не выскочил из собственного костюма. Его глаза от изумления округлились и выпучились.

– Почему вы... что вы знаете о Большой Четверке, мадемуазель?

– Это какая-то организация. Я слышала упоминание о ней и позже спросила дядю. Я никогда не видела, чтобы человек был так испуган. Он побелел и задрожал. Он боится их, мсье, чрезвычайно боится, я уверена! А они по ошибке убили этого американца Уилсона.

– Большая Четверка, – пробормотал Пуаро. – Вечно эта Большая Четверка! Удивительное совпадение... Да, мадемуазель, ваш дядя в опасности. Я должен спасти его. А сейчас расскажите мне все в подробностях о трагическом вечере. Покажите мне шахматную доску, стол, как сидели игроки, – в общем, все покажите.

Она отошла в глубь комнаты и выдвинула маленький столик. Его столешница представляла собой шахматную доску, составленную из серебряных и черных квадратов.

– Этот столик был прислан моему дяде несколько недель назад в качестве подарка, с просьбой, чтобы он использовал его в ближайшем матче, в котором будет участвовать. Столик стоял в центре комнаты... вот так.

Пуаро осмотрел столик со вниманием, которое показалось мне совершенно излишним. Он вообще, на мой взгляд, не вел никакого расследования. Многие из его вопросов были, по-моему, совершенно бесцельными, а о том, что действительно имело значение, он, похоже, и не собирался спрашивать. Я пришел к выводу, что внезапное упоминание о Большой Четверке полностью вывело его из равновесия.

После минутного изучения самого столика и места, которое он занимал во время матча, Пуаро попросил показать ему шахматные фигуры. Соня Давилова принесла их в коробке. Пуаро небрежно глянул на них.

– Красивый комплект, – пробормотал он с отсутствующим видом.

И снова он не задал вопроса о том, какие во время матча подавались закуски или кто здесь присутствовал в тот момент!

Я многозначительно кашлянул:

– Вам не кажется, Пуаро, что...

Он безапелляционно перебил меня:

– Не кажется, друг мой. Предоставьте дело мне. Мадемуазель, в самом ли деле невозможно повидаться с вашим дядей?

Слабая улыбка проскользнула по ее губам.

– Он поговорит с вами, конечно же. Понимаете, это моя работа – первой разговаривать с незнакомыми.

Она ушла. Я услышал тихие голоса в соседней комнате, а через минуту девушка вернулась и пригласила нас войти.

Человек, лежавший в той комнате на кушетке, являл собой впечатляющую фигуру. Высокий, изможденный, с кустистыми бровями и белой бородой, с лицом, осунувшимся в результате перенесенных страданий, доктор Саваронов был, безусловно, яркой личностью. Я отметил особую форму его головы, ее необычайные размеры. Я, впрочем,

знал, что великий шахматист и должен иметь большой по объему мозг. Я с легкостью понял, почему доктор Саваронов является вторым из величайших мастеров шахмат в мире.

Пуаро поклонился.

– Мсье доктор, могу я поговорить с вами наедине?

Саваронов повернулся к племяннице:

– Оставь нас, Соня.

Девушка послушно исчезла.

– Итак, сэр, в чем дело?

– Доктор Саваронов, совсем недавно вам невероятно повезло. Но если бы вы... если бы вы внезапно умерли, кто наследует вам?

– Я написал завещание в пользу моей племянницы, Сони Давиловой. Но вы же не предполагаете...

– Я ничего не предполагаю, однако вы не видались со своей племянницей со времен ее раннего детства. Кто угодно мог бы сыграть ее роль.

Похоже, предположение Пуаро поразило Саваронова. А Пуаро безмятежно продолжал:

– Довольно об этом. Я просто предостерег вас, и все. А сейчас я хочу попросить вас описать мне игру, что состоялась в тот трагический вечер.

– Что вы имеете в виду... как это – описать?

– Ну, я сам не играю в шахматы, но понимаю, что есть различные варианты начала игры... Гамбит, так это называется?

Доктор Саваронов едва заметно улыбнулся.

– А! Теперь я вас понял. Уилсон начал дебютом Лопеца – это один из известнейших дебютов, он часто используется во время подобных соревнований.

– И как долго вы играли до того, как произошла трагедия?

– Должно быть, это был третий или четвертый ход, когда Уилсон вдруг упал на стол, абсолютно мертвый!

Пуаро встал, собираясь уходить. Последний свой вопрос он задал небрежно, как будто это не имело никакого значения, – но я-то знал, что это не так:

– Он что-нибудь ел или пил?

– Виски с содовой, полагаю.

– Благодарю вас, доктор Саваронов. Больше я не стану вас беспокоить. Иван ждал нас в холле, чтобы проводить. Пуаро задержался на пороге:

– Квартира под вами... вы знаете, кто в ней живет?

– Сэр Чарльз Кингуэлл, член парламента, сэр. Там недавно делали

ремонт.

– Спасибо.

Мы вышли на улицу, залитую ярким зимним солнцем.

– Ну, знаете ли, Пуаро, – взорвался я, – не думаю, что в этот раз вы были на высоте. Ваши вопросы были уж слишком не по делу.

– Вы так думаете, Гастингс? – жалобно глянул на меня Пуаро. – Я был bouleversé^[15], верно. А о чем бы вы спросили?

Я тщательно обдумал вопрос, а потом изложил Пуаро свои соображения. Он выслушал меня вроде бы с большим интересом. Мой монолог длился, пока мы не добрались до дома.

– Блестяще, весьма рассудительно, Гастингс, – сказал Пуаро, отпирая дверь и поднимаясь по лестнице впереди меня. – Но все это совершенно не нужно.

– Не нужно! – ошеломленно закричал я. – Если этот человек был отравлен...

– Ага! – воскликнул Пуаро, бросаясь к записке, которую он увидел на столе. – Это от Джеппа. Как я и думал. – Он бросил листок мне. Записка была короткой и деловой. Никаких следов яда не обнаружено, ничто не указывает на причину смерти.

– Вот видите, – сказал Пуаро, – ваши вопросы не имели бы смысла.

– Вы догадались об этом прежде?

– «Предугадать задачу – значит почти решить ее», – озвучил Пуаро одну из актуальных проблем бриджа, которой я уделял немало времени. – *Моп амі*, если вы поступаете так, вам нет необходимости гадать.

– Не отвлекайтесь на пустяки, – нетерпеливо сказал я. – Вы это предвидели?

– Да.

– Почему?

Пуаро сунул руку в карман и выудил оттуда... белого слона!

– Как! – воскликнул я. – Вы забыли вернуть фигуру доктору Саваронову?

– Вы ошибаетесь, друг мой. *Тот* слон по-прежнему лежит у меня в левом кармане. Я прихватил его двойника из ящика с шахматным набором, который мадемуазель Давилова столь любезно позволила мне осмотреть. Множественное число от слова «слон» – «слоны-ы».

Он протянул конечное «ы» с каким-то подвыванием. Я ничего не понимал.

– Но зачем вы его взяли?

– Я хотел выяснить, являются ли они абсолютно одинаковыми.

Он поставил две фигурки на стол рядом.

– Ну конечно же, они одинаковые, – сказал я. – Совершенно одинаковые.

Пуаро, склонив голову набок, посмотрел на фигуры.

– Выглядят они именно так, признаю. Но нельзя признавать за факт то, что не проверено. Прошу вас, принесите мои маленькие весы.

С невероятной осторожностью он взвесил две шахматные фигурки, а потом повернулся ко мне, и его лицо торжествующе сияло.

– Я был прав! Видите, я был прав! Невозможно обмануть Эркюля Пуаро!

Он бросился к телефону и с нетерпением ждал, когда его соединят.

– Джепп? А! Джепп, это вы... Говорит Эркюль Пуаро. Присмотрите за слугой, Иваном. Ни в коем случае не дайте ему ускользнуть. Да, да, именно это я и говорю.

Он бросил трубку и повернулся ко мне.

– Вы еще не понимаете, Гастингс? Я объясню. Уилсон не был отравлен, он был убит электрическим разрядом. Сквозь одну из этих шахматных фигур пропустили тонкую металлическую проволоку. Стол был подготовлен заранее и установлен на строго определенном месте. Когда слон очутился на одной из серебряных клеток, сквозь тело Уилсона прошел разряд, мгновенно убивший его. Единственным следом оказался электрический ожог на его руке... на левой руке, поскольку он был левшой. Стол был частью хитроумного устройства. Тот стол, который показали мне, был его копией, совершенно безобидным предметом. Им заменили оригинал сразу после убийства. Управлялся смертельный механизм из нижней квартиры, в которой, если вы помните, только что сделали ремонт. Но по крайней мере один из преступников должен был находиться в квартире Саваронова. Девушка – агент Большой Четверки, она хочет получить деньги Саваронова.

– А Иван?

– Я сильно подозреваю, что Иван – не кто иной, как прославленный Номер Четвертый.

– Что?!

– Да. Этот человек – непревзойденный актер. Он может принять любой облик, какой ему вздумается.

Я обдумал происшествия последнего времени, вспоминая санитара из сумасшедшего дома, молодого мясника, фальшивого доктора – все они были одним и тем же человеком и ничуть не походили друг на друга.

– Это изумительно, – сказал я наконец. – Все сходится. Саваронов

подозревал заговор, именно поэтому он так не хотел участвовать в матче...

Пуаро молча посмотрел на меня. Потом вдруг резко отвернулся и принялся шагать по комнате.

– У вас случайно нет какой-нибудь книги по шахматам, друг мой? – внезапно спросил он.

– Полагаю, найдется.

Мне понадобилось некоторое время на поиски нужного томика, но в конце концов я его нашел и принес Пуаро, и тот сразу же уселся в кресло и принялся читать с неподдельным интересом.

Примерно через четверть часа зазвонил телефон. Я снял трубку. Это был Джепп. Иван вышел из квартиры, неся большой узел. Он прыгнул в ожидавшее его такси – и началась охота. Иван явно старался оторваться от своих преследователей. Наконец ему показалось, что это удалось, и он поехал к большому пустующему дому в Хэмпстеде. Дом тут же окружили.

Я пересказал все это Пуаро. Он лишь посмотрел на меня, как будто едва слыша, что я говорю. Он держал перед собой открытую книгу.

– Послушайте-ка, друг мой... Вот это – дебют Лопеса. 1. e4 – e5; 2. Kf3 – Kc6; 3. Sb5... Далее возникает вопрос, какой ход лучше для черных. Здесь уже несколько вариантов. И именно третий ход белых убил Гилмора Уилсона, Sb5. Именно третий ход... Вам это о чем-нибудь говорит?

Я не имел ни малейшего представления, о чем это он рассуждает, и так ему и сказал.

– Представьте, Гастингс, вы сидите вот тут в кресле и слышите, что дверь внизу открылась и захлопнулась. Что вы подумаете?

– Наверное, что кто-то вошел или вышел.

– Да... но у вас всегда будут два возможных ответа: кто-то *вышел* – или кто-то *вошел*... А ведь это полностью противоположные вещи, Гастингс! Но если вы избираете неправильный ответ, вскоре появится небольшое логическое несоответствие и покажет вам, что вы взяли неверный след.

– Что все это значит, Пуаро?

Пуаро, преисполнившись энергии, вскочил на ноги.

– Это значит, что я был полным идиотом. Быстрее, быстрее, в Вестминстер! Мы еще можем успеть!

Мы поймали такси. Пуаро ничего не отвечал на мои взволнованные вопросы. Затем мы бегом взбежали по ступеням... На звонки и стук никто не отвечал, но, прижавшись ухом к двери, я услышал звучащие в квартире доктора Саваронова приглушенные стоны.

Портье в холле имел запасной ключ и после небольшой заминки согласился дать его нам.

Пуаро сразу бросился в дальнюю комнату. Пахнуло хлороформом. На полу лежала Соня Давилова, связанная, с кляпом во рту и куском ваты, накрывшим часть лица. Пуаро отшвырнул его и попытался привести девушку в чувство. Вскоре прибыл врач, и Пуаро передал пострадавшую под его опеку, а сам отошел в сторону вместе со мной. Никаких следов доктора Саваронова в квартире не обнаружилось.

– Что здесь произошло? – в полном недоумении спросил я.

– Произошло как раз то, о чем мы с вами говорили: из двух возможных выводов я сделал неверный. Вы ведь слышали: я говорил, что любой девушке нетрудно было бы изобразить Соню Давиллову, потому что они с дядей не виделись много лет?

– Ну, и?..

– Ну, и противоположное точно так же верно. Кому угодно нетрудно было бы притвориться ее дядей.

– Что?!

– Саваронов действительно погиб во время революции. Человек, делавший вид, что он сбежал из горнила революционных страстей, человек, изменившийся настолько, что «старые друзья с трудом его узнавали», человек, так удачно получивший в наследство огромное состояние...

– Ну, ну... кто же он?

– *Номер Четвертый*. Можно не сомневаться в том, что он испугался, когда Соня рассказала ему, как она подслушала его слова о Большой Четверке. Снова он проскользнул у меня сквозь пальцы! Он догадался, что в конце концов я выйду на правильный путь, так что отправил честного Ивана с узлом, чтобы отвлечь наше внимание, усыпил девушку – и сбежал, и теперь, без сомнения, уже успел превратить в наличные основную часть наследства русской благодетельницы.

– Но... но тогда кто пытался его убить?

– Никто не пытался убить его. Уилсон и был назначенной жертвой.

– Но почему?

– Друг мой, Саваронов был вторым по силе шахматистом мира. А *Номер Четвертый*, скорее всего, едва смог выучить несколько дебютов. Конечно, он не мог допустить, чтобы его разоблачили. Он сделал все для того, чтобы избежать встречи. Когда его попытки потерпели неудачу, судьба Уилсона была решена. Любой ценой нужно было скрыть то, что великий Саваронов вообще не умеет играть в шахматы. Уилсон обычно начинал дебютом Лопеса, и можно было почти с полной уверенностью сказать, что и в этот раз он использует именно его. *Номер Четвертый* подготовил смерть

противника на третьем ходу, в тот момент, когда лишь начинается настоящая игра.

– Но, мой дорогой Пуаро, – настойчиво продолжил я расспросы, – разве мы имеем дело с сумасшедшим? Я внимательно следил за вашими рассуждениями и признаю, что вы должны быть правы, однако убить человека лишь ради того, чтобы не выйти из роли? Уж наверное были куда более простые пути, зачем такие сложности? Он мог просто сказать, что врач запретил ему напрягаться!

Пуаро наморщил лоб.

– Certainement^[16], Гастингс, – сказал он, – другие пути были, но не такие убедительные. Кроме того, вы исходите из предположения, что убийства всегда следует избегать, не так ли? Ну, а мысль Номера Четвертого работает иначе. Я поставил себя на его место, вы на это не способны. Я ощутил его мысли. Он наслаждался ролью гроссмейстера, начиная этот матч. Не сомневаюсь, он даже посещал шахматные турниры, чтобы изучить свою роль. Он сидел и хмурился, изображая работу мысли; он создавал впечатление, что строит великие планы, и все это время внутренне умирал со смеху. Он-то знал, что ему известны только два хода... и что ему просто *нет надобности* знать больше. И ему нравилось предвидеть ход событий и заставить человека стать своим собственным палачом в тот самый момент, когда того хотелось Номеру Четвертому... О да, Гастингс, я начинаю понимать нашего друга и его психологические особенности.

Я вздрогнул.

– Ну, предположим, вы правы, но я не понимаю, почему кто-то рискует, когда этого можно с легкостью избежать.

– Риск! – фыркнул Пуаро. – Да где же тут риск? Разве Джепп разобрался в загадке? Нет, и если бы Номер Четвертый не совершил одну маленькую ошибку, он мог бы совершенно избежать риска.

– Какую ошибку? – спросил я, хотя и подозревал уже, каким будет ответ.

– Mon ami, он не учел серые клеточки Эркюля Пуаро.

Пуаро обладает множеством достоинств, но скромность в их число не входит.

Глава 12

Западня с наживкой

Была середина января, над Лондоном повис типичный английский день, сырой и грязный. Мы с Пуаро сидели в креслах, придвинутых к камину. Я заметил, что мой друг поглядывает на меня с лукавой улыбкой, в значении которой я ничуть не усомнился.

– Пенни за ваши мысли, – весело сказал я.

– Я думаю, друг мой, о том, что в середине лета, когда вы приехали, вы сказали, что намерены задержаться в этой стране на пару месяцев, не больше.

– Разве я так говорил? – немножко фальшиво удивился я. – Не помню.

Улыбка Пуаро стала шире.

– Говорили, *top at it*. С тех пор ваши планы изменились, не правда ли?

– Э... ну, да.

– И почему же?

– Да будет вам, Пуаро, вы же не думаете, что я уеду и оставлю вас наедине с такой штукой, как Большая Четверка, а?

Пуаро чуть заметно кивнул:

– Я так и предполагал. Вы преданный друг, Гастингс. Мне на пользу ваше пребывание здесь. Но ваша жена... маленькая Синдерелла, как вы ее называете, что она говорит по этому поводу?

– Не стану вникать в детали, конечно, однако она понимает. Уж она-то последняя, кто пожелал бы мне отвернуться от друга.

– Да-да, она тоже преданный товарищ. Но дело, возможно, затянется.

Я кивнул, несколько обескураженный.

– Да, уже шесть месяцев, – пробормотал я, – и к чему мы пришли? Знаете, Пуаро, я не могу удержаться от мысли, что мы должны... ну, предпринять что-то.

– Вы, как всегда, полны жажды действия, Гастингс! Но чего именно вы ждете от меня?

Вопрос был нелегким, но я не собирался отступать.

– Мы должны атаковать, – предположил я. – Что мы вообще сделали за все это время?

– Больше, чем вам кажется, друг мой. Мы ведь установили личности Номера Второго и Номера Третьего, и мы не так уж мало узнали о способах

и методах действия Номера Четвертого.

Мне стало немного легче. Когда Пуаро сказал это, все показалось не таким уж безнадежным.

– О да, Гастингс, мы сделали немало. Верно, конечно, то, что я не готов предъявить обвинение Райланду или мадам Оливер – кто бы мне поверил? Вы помните, я однажды подумал, что ловко загнал Райланда в угол? Тем не менее я изложил свои подозрения кое-где... на высоком уровне... да, я говорил с лордом Элдингтоном, которому помог в деле с украденными чертежами подводных лодок, я предоставил ему полную информацию о Большой Четверке... и хотя другие, возможно, усомнились бы в моих словах, он мне верит. Райланд, и мадам Оливер, и даже сам Ли Чанг Йен могут заниматься чем угодно, на них теперь направлено пристальное внимание.

– А Номер Четвертый? – спросил я.

– Как я только что говорил – я начинаю познавать и понимать его методы. Вы можете улыбаться, Гастингс, но проникнуть в суть человеческой личности, точно знать, как он поступит при тех или иных обстоятельствах, – это и есть начало успеха. Мы с ним вступили в схватку, и в то время как он постепенно раскрывается передо мной, я не даю ему возможности постичь меня. Уверяю вас, Гастингс, они с каждым днем все сильнее боятся меня – именно потому, что я бездействую.

– Но они вообще не замечают нас, – возразил я. – Они больше не покушаются на вашу жизнь, не устраивают засад.

– Да, – задумчиво сказал Пуаро, – и в целом меня это удивляет. Тем более что у них есть один-два способа добраться до нас, совершенно очевидных. Вы, надеюсь, понимаете, о чем я?

– О какой-нибудь адской машине? – рискнул предположить я.

Пуаро нетерпеливо и раздраженно прищелкнул языком.

– Да нет же! Я взываю к вашему воображению, а вы не можете представить ничего более тонкого, нежели бомба в камине! Ох, мне нужно купить спичек, я прогуляюсь, пожалуй, несмотря на погоду. Простите, друг мой, но я никогда не поверю, чтобы вы одновременно читали «Будущее Аргентины», «Зеркало общества», «Разведение крупного рогатого скота», «Красную улику» и «Горный спорт»!

Я расхохотался и признал, что мое внимание занято прежде всего «Красной уликой». Пуаро печально покачал головой.

– Так поставьте остальные на полку! Никогда, никогда я не научу вас порядку и методу. Mon Dieu, для чего же существуют книжные полки?!

Я извинился за беспорядок, и Пуаро, расставив по местам томики,

ушел, оставив меня наслаждаться выбранной книгой.

Тем не менее должен признать, что я почти заснул над ней, когда миссис Пирсон постучала в дверь, разбудив меня.

– Вам телеграмма, капитан.

Я вскрыл оранжевый конверт без особого интереса.

И тут же окаменел.

Телеграмма была от Бронсена, моего управляющего на южноамериканском ранчо, и гласила она следующее:

«Миссис Гастингс исчезла вчера боюсь похищена какой-то бандой называющей себя Большой Четверкой предупредили о том что не следует заявлять в полицию но больше никаких известий *Бронсен*».

Я выставил миссис Пирсон из комнаты и сел, ошеломленный, снова и снова перечитывая короткий текст. Синдерелла похищена! Она в руках проклятой Большой Четверки! Боже, что же мне делать?

Пуаро! Я должен найти Пуаро. Он что-нибудь придумает. Он с ними как-нибудь справится. Он вернется через несколько минут. Я должен набраться терпения. Но Синдерелла, Синдерелла... в руках Большой Четверки!

Снова раздался стук в дверь. Заглянула миссис Пирсон:

– Вам записка, капитан... принес какой-то диковатый китаец. Он ждет внизу.

Я выхватил записку из рук миссис Пирсон. Текст был коротким и деловым:

«Если вы хотите еще когда-нибудь увидеть свою жену, немедленно отправляйтесь с человеком, доставившим вам это письмо. Не оставляйте никаких сообщений вашему другу, иначе ваша жена пострадает».

Вместо подписи стояла большая цифра 4.

Что я мог сделать? Что бы вы сделали на моем месте?

У меня не оставалось времени на размышления. Я знал лишь одно: Синдерелла во власти этих дьяволов. Я должен повиноваться... Я не могу рискнуть даже волоском на голове любимой. Я должен пойти с этим китайцем, куда бы он меня ни повел. Да, это ловушка, она означает плен и даже, возможно, смерть, но речь идет о существе, дорожке которого нет для

меня в мире, и я не вправе колебаться...

Больше всего меня злила невозможность оставить сообщение для Пуаро. Ведь если он пойдет по моему следу, все может еще и обойтись... Но рисковать? Безусловно, я находился под наблюдением, и все же я медлил. Конечно, китаец мог без труда подняться наверх и лично убедиться, что я выполнил приказ. Почему бы и нет? То, что он ждал внизу, лишь усиливало мои подозрения. Я уже видел столько проявлений могущества Большой Четверки, что едва ли не поверил в ее сверхъестественную природу. Насколько я понимал, даже маленькая служанка-судомойка запросто могла оказаться одним из их агентов.

Нет, я не мог осмелиться на риск. Но кое-что я мог сделать – оставить телеграмму. Пуаро узнает, что Синдерелла исчезла и кто именно виновен в этом.

Все это пронеслось в моей голове гораздо быстрее, чем можно пересказать, и меньше чем через минуту я уже надел шляпу и сбежал по лестнице вниз, где ждал меня провожатый.

Посыльным, доставившим записку, оказался высокий китаец с бесстрастным лицом, одетый аккуратно, но очень бедно. Он поклонился мне и заговорил. Его английский был безупречен, однако в интонациях проскальзывала китайская напевность.

– Вы – капитан Гастингс?

– Да, – ответил я.

– Верните мне записку, пожалуйста.

Я предвидел такую просьбу и сразу же протянул ему листок. Но это было еще не все.

– Вы сегодня получили телеграмму, не так ли? Совсем недавно. Из Южной Америки, верно?

Я вновь изумился совершенству их шпионской сети... или же это было частью их плана. Бронсен мог отправить телеграмму под их нажимом. Они подождали, пока телеграмма дошла до меня, – и тут же нанесли следующий удар.

Отрицать факт было бессмысленно.

– Да, – сказал я. – Я действительно получил телеграмму.

– Вы ее принесете, не так ли? Пожалуйста, принесите.

Я стиснул зубы, но что я мог изменить? Я снова взбежал вверх по ступеням. По пути я подумал о том, чтобы довериться миссис Пирсон, ну, по крайней мере, просто сказать ей, что Синдерелла исчезла. Миссис Пирсон стояла на лестничной площадке, однако неподалеку от нее болталась маленькая девчонка-служанка, и я заколебался. Если она

действительно шпионка... слова записки запрыгали перед моими глазами... «ваша жена пострадает...» Я, не произнеся ни слова, прошел в гостиную.

Я взял телеграмму и уже собирался выйти, когда меня озарила идея. Разве я не могу оставить сообщение, которое будет непонятным для моих врагов, но многое скажет моему другу Пуаро? Я бросился к книжной полке и сбросил на пол четыре книги. Можно было не опасаться, что Пуаро оставит их без внимания. Они мгновенно привлекут его взгляд – и в особенности после его маленькой лекции о порядке на полках, ему это покажется подозрительным. Потом я взял совок и бросил на каминную решетку четыре куса угля. Я сделал все, что мог, – и молил бога о том, чтобы Пуаро правильно прочитал оставленные знаки.

Я снова быстро спустился вниз. Китаец взял телеграмму, прочитал ее, спрятал в карман и кивком предложил мне следовать за ним.

Он повел меня длинным, утомительным путем. Часть маршрута мы проехали на автобусе, потом довольно долго катили на трамвае, но постоянно двигались на восток. Мы оказывались в странных районах, о существовании которых я и не подозревал. И вот, как я понял, мы очутились неподалеку от доков, и я осознал, что меня завели в самое сердце Чайнатауна.

Я невольно содрогнулся. А мой провожатый упорно шагал вперед, поворачивая в узкие улочки и проходные дворики, наконец остановился перед ветхим домом и постучал в дверь.

Дверь мгновенно открыл другой китаец; он отступил в сторону, давая нам войти. Звук захлопнувшейся за моей спиной двери прозвучал для меня как удар молотка, вогнавшего последний гвоздь в крышку гроба. Я воистину очутился в руках врага.

Теперь моим провожатым стал второй китаец. Следом за ним я спустился по нескольким расшатанным ступенькам в подвал, сплошь заставленный тюками и бочонками и пропитанный острым запахом восточных пряностей. Меня окружала атмосфера Востока – лживого, коварного, зловещего...

Неожиданно мой проводник отодвинул в сторону два бочонка, и я увидел в стене вход в невысокий туннель. Китаец знаком показал, чтобы я шел первым. Туннель оказался довольно длинным, а заодно слишком низким, чтобы я мог выпрямиться во весь рост. Но потом он стал выше и шире, превратившись в нормальный коридор, и через несколько минут мы уже оказались в другом подвале.

Мой китаец двинулся вперед и четырежды стукнул по стене. Большая

секция стены тут же сдвинулась, открыв узкую дверь. Я вошел в нее – и, к немалому своему изумлению, очутился в некоем подобии дворца из арабских сказок. Низкая и длинная подземная палата была сплошь увешана роскошными восточными шелками, ярко освещена и наполнена ароматами духов и специй. Здесь стояло пять или шесть крытых шелком диванов, пол устилал роскошный китайский ковер ручной работы. В дальнем конце комнаты находился занавешенный альков. И вот из-за занавесей раздался голос:

- Вы привели нашего уважаемого гостя?
- Да, это так, он здесь, – ответил мой провожатый.
- Пусть наш гость подойдет, – произнес голос.

В то же самое мгновение занавеси раздвинулись в стороны, увлекаемые невидимыми руками, и я очутился перед роскошным, покрытым коврами диваном, на котором сидел высокий тощий восточный человек, одетый в расшитый халат; он до самых кончиков ногтей выглядел большим вельможей.

– Прошу вас, капитан Гастингс, садитесь, – сказал он, делая рукой приглашающий жест. – Вы откликнулись на мое приглашение, как я вижу, и я этому рад.

– Кто вы? – спросил я. – Ли Чанг Йен?

– Разумеется, нет, я всего лишь скромнейший из его слуг. Я лишь выполняю его повеления, только и всего... так же, как делают это его слуги в других странах, например, в Южной Америке.

Я шагнул вперед.

– Где она? Что вы с ней сделали?

– Она в надежном месте... там, где ее никто не отыщет. И ей пока что не причинили никакого вреда. Обратите внимание – я говорю *«пока что»*.

Я посмотрел в глаза этому дьяволу, и по спине пробежал мороз.

– Чего вы хотите? – воскликнул я. – Денег?

– Мой дорогой капитан Гастингс, нам совершенно ни к чему ваши скромные сбережения, уверяю вас. Нет, у нас к вам весьма интересное предложение. Думаю, ваш коллега не сказал вам о нем.

– Видимо, – мрачно произнес я, – вы хотите вовлечь меня в ваши делишки. И вы начали с того, что заманили меня сюда. Ну, я шел с открытыми глазами. Делайте со мной все, что вам вздумается, только оставьте ее в покое. Она ничего не знает, и от нее вам не будет никакой пользы. Вы похитили ее, чтобы поймать меня, – ну, вот я здесь, все в порядке.

Китаец с улыбкой смотрел на меня узкими раскосыми глазами.

– Вы слишком спешите, – произнес он мурлыкающим тоном. – Пока что не все в порядке. На самом деле «поймать вас», как вы изволили выразиться, совсем не было нашей подлинной целью. Но с вашей помощью мы надеемся изловить вашего друга, мсье Эркюля Пуаро.

– Боюсь, вам не удастся это сделать, – ответил я с коротким смешком.

– Я предлагаю следующее, – продолжил китаец, как будто я ничего и не говорил. – Вы напишете мсье Эркюлю Пуаро письмо, такое письмо, которое заставит его поспешить сюда, чтобы присоединиться к вам.

– Я не стану делать ничего подобного, – гневно бросил я.

– Отказ может иметь нежелательные последствия.

– К черту ваши последствия! – Противная дрожь проскользнула по моему позвоночнику, но я собрал все силы духа, чтобы встретить угрозу бестрепетно. – Нечего угрожать мне и запугивать меня! Оставьте эти штучки для своих трусов-китайцев.

– Мои угрозы весьма реальны, капитан Гастингс. Я снова спрашиваю: вы напишете письмо?

– Нет, не напишу, а вы не посмеете убить меня. За вами тут же начнет гоняться полиция.

Мой собеседник быстро хлопнул в ладоши. Откуда ни возьмись появились два китайца и схватили меня за руки. Их хозяин что-то коротко сказал по-китайски, и они тут же потащили меня в угол комнаты. Один из китайцев резко остановился и отпустил меня, тут же я ощутил под ногами деревянный настил, который внезапно провалился. Но рука второго китайца удержала меня от падения в разверзшуюся пропасть. Там было темно, как в чернильнице, и я услышал шум бегущей воды.

– Река, – сказал сидевший на диване бандит. – Подумайте хорошенько, капитан Гастингс. Если вы снова откажетесь, вы вниз головой полетите в вечность и встретите свою смерть в темных водах. В последний раз: вы напишете письмо?

Я ничуть не храбрее большинства людей. Я честно признаюсь, что перепугался до смерти и впал в панику. Этот китайский дьявол не шутил, я был в этом уверен. А значит – прощай, старый добрый мир. Мой голос вопреки моему желанию слегка дрогнул, когда я ответил:

– В последний раз нет! К чертям ваше письмо!

И тут же я невольно закрыл глаза и прошептал короткую молитву.

Глава 13

Мышка попалась

Вообще людям в жизни не часто приходится оказываться стоящими на краю вечности... Но когда я, находясь в подвале на окраине города, произнес те слова, я был полностью уверен, что это мои последние слова на бренной земле. Я собрался с силами, готовясь встретиться с черными стремительными водами, я уже чувствовал оглушающий ужас падения...

Но, к моему удивлению, до моих ушей донесся низкий смех. Я открыл глаза. Повинуясь жесту человека на диване, мои стражи поволокли меня обратно и поставили перед своим хозяином.

– Вы храбрый человек, капитан Гастингс, – сказал тот. – Мы на Востоке ценим храбрость. Но могу сказать, что я именно этого от вас и ожидал. И это приводит нас ко второму акту нашей маленькой драмы. Собственной смерти вы не боитесь... А как насчет смерти другого человека?

– Что вы имеете в виду? – хрипло спросил я, и меня вновь охватил ужас.

– Уверен, вы не забыли ту леди, что попалась к нам в руки... вашу Цветущую Розу.

Я тупо смотрел на него, внутренне корчась от боли.

– Думаю, капитан Гастингс, вы все же напишете это письмо. Посмотрите, у меня тут бланк телеграммы. Что я на нем напишу – зависит от вас, и мои слова будут означать жизнь или смерть для вашей жены.

Я облился потом, по лбу побежали горячие струи, стекая прямо в глаза. А мой мучитель продолжил, любезно улыбаясь и говоря с абсолютной невозмутимостью:

– Итак, капитан, перо ждет прикосновения вашей руки. Вам только и нужно, что написать несколько слов. Если же нет...

– Если нет?... – эхом повторил я.

– Если нет, та леди, которую вы любите, умрет... и умрет медленно. Мой учитель, Ли Чанг Йен, в свободные часы развлекается тем, что изобретает новые и оригинальные методы пыток...

– Боже! – воскликнул я. – Вы дьявол! Только не это... Вы не можете этого сделать!..

– Может быть, рассказать вам о некоторых его изобретениях?

И, не обращая внимания на мой протест, он заговорил – ровно, спокойно, его речь текла до тех пор, пока я с криком ужаса не зажал уши ладонями.

– Я вижу, этого достаточно. Берите перо и пишите.

– Вы не посмеете...

– Ваши слова глупы, и вы сами это знаете. Берите перо и пишите.

– И если я напишу?..

– Вашу жену освободят. Телеграмма будет отправлена немедленно.

– Откуда мне знать, что вы сдержите слово?

– Я клянусь вам священными могилами моих предков. Более того, подумайте сами – зачем мне желать ее смерти? Она уже сыграла свою роль.

– А... а Пуаро?

– Мы будем держать его в надежном месте, пока не завершим свои операции. А после отпустим.

– В этом вы тоже готовы поклясться могилами ваших предков?

– Я уже дал вам клятву. Этого достаточно.

Сердце мое куда-то упало. Я предавал своего друга... ради чего? На мгновение я заколебался... а потом ужасная альтернатива встала перед моими глазами подобно ночному кошмару. Синдерелла... моя любимая в руках желтых китайских дьяволов, умирающая от мучительной медленной пытки...

Стон сорвался с моих губ. Я схватил перо. Возможно, тщательно подбирая слова, я смогу как-то предостеречь друга и Пуаро сможет избежать ловушки... Это оставалось единственной надеждой...

Но и ее у меня не осталось. Голос китайца возвысился, хотя и звучал по-прежнему вежливо и обходительно:

– Позвольте мне продиктовать вам...

Он помолчал, сверяясь с заметками на листке бумаги, лежавшем рядом, и затем продиктовал мне следующее:

– «Дорогой Пуаро, я думаю, что вышел на след Номера Четвертого. Днем пришел китаец и привел меня сюда благодаря фальшивой записке. К счастью, я вовремя разгадал его игру и ускользнул. Мы с ним поменялись ролями, и я проследил за ним – очень осторожно, и, смею думать, он ничего не заметил. Я нашел тут сообразительного парнишку, он доставит вам мое письмо. Дайте ему полукрону, хорошо? Я обещал именно такую сумму за доставку сообщения. Я сейчас слежу за домом, где скрылся китаец, и боюсь отойти. Я буду ждать вас до шести

часов, а если вы не придете – попытаюсь сам проникнуть в дом. Конечно, шансов не слишком много, да и парнишка может не найти вас. Но если все-таки найдет – пусть проводит вас прямиком ко мне. И прикройте вы свои замечательные усы, ведь если из окон дома кто-то выглянет, вас могут узнать.

Искренне ваш А.Г.»

Каждое из слов, которые я писал, все глубже погружало меня в пучину отчаяния. Письмо было составлено чертовски умно. Именно такое я и написал бы сам. Все мои усилия, приложенные к тому, чтобы оставить знак в виде четырех книг, обесценивались – ведь в письме прямо говорилось, что явившийся днем китаец обманом увел меня из дома. Вот *теперь* и возникла *настоящая* ловушка, и я прекрасно понимал, как воспримет все это Пуаро. И время было рассчитано безупречно. Когда Пуаро получит мою записку, ему придется сразу же идти с «моим посыльным», выглядящим абсолютно невинно, и я знал, что мой друг так и поступит. Моя решимость и твердое намерение проникнуть в дом заставят его спешить. Он всегда самым нелепым образом недооценивал мои способности. И он сразу проникнется уверенностью, что я нарываюсь на неприятности, не понимая ситуации в целом, – и поторопится взять дело в свои руки.

Но ничего нельзя было изменить. Я написал то, что было приказано. Хозяин подвала забрал у меня листок, прочел письмо, одобрительно кивнул головой и передал листок одному из молчаливых стражей – и страж тут же исчез за одной из шелковых занавесок, которая скрывала за собой дверь.

Сидевший на диване китаец с улыбкой взял бланк телеграммы и что-то начертал на нем. Потом протянул бланк мне.

Я прочитал: «Отправьте белую птицу в полет, скорее».

Я вздохнул с облегчением.

– Вы отправите это сейчас же? – спросил я.

Он снова улыбнулся и покачал головой:

– Когда мсье Эркюль Пуаро окажется в моих руках, не раньше.

– Но вы обещали...

– Если наш план почему-то не сработает, мне может понадобится наша белая птица – чтобы убедить вас приложить новые усилия.

Я побелел от гнева.

– Боже мой! Если вы...

Он взмахнул тонкой желтой рукой с длинными пальцами.

– Успокойтесь, я вовсе не думаю, что нас ждет неудача. В то же мгновение, когда мсье Пуаро попадется, я сдержу свою клятву.

– Если ваша клятва чего-то стоит.

– Я поклялся вам священными могилами моих предков. Не бойтесь. Отдохните пока. Мои слуги в мое отсутствие сделают для вас все.

Я остался один в этом странном подземном гнезде роскоши. Вернулся второй страж. Один из китайцев принес еду и питье и предложил мне, но я взмахом руки отказался от всего. Я был словно болен, на душе было тяжело...

Потом вернулся хозяин, высокий и величественный в своем шелковом халате. Он принялся руководить операцией. По его приказу меня быстро отвели через подвал и туннель в тот самый дом, куда мы изначально зашли. Я очутился в комнате первого этажа. Окна здесь были закрыты ставнями, но сквозь щели нетрудно было увидеть улицу. Старый бродяга тащился по противоположной стороне, но когда я увидел, как он стрельнул глазами на окна дома, я понял, что это один из членов банды, стоящий на посту.

– Все отлично, – сказал мой китайский друг, – Эркюль Пуаро попался на удочку. Он уже недалеко... и он один, если не считать мальчишк-проводжато-го. Итак, капитан Гастингс, вам осталось сыграть последний эпизод пьесы. Пока он не увидит вас, он не войдет в дом. Поэтому, когда он приблизится, вам придется выйти на крыльцо и пригласить его внутрь.

– Что?! – вскрикнул я с отвращением.

– И вы закончите свою роль в одиночку. Не забывайте, какова цена ошибки. Если Эркюль Пуаро заподозрит что-то неладное и не войдет в дом, ваша жена умрет семьюдесятью мучительными смертями! О, вот и он!

Мое сердце отчаянно заколотилось, к горлу подступила тошнота, когда я посмотрел сквозь одну из щелей в ставне. В человеке, идущем по противоположной стороне улицы, я сразу узнал моего друга, хотя воротник его пальто был поднят, а нижнюю часть лица скрывал ядовито-желтый шарф. Но он не мог изменить свою походку, и никто в мире больше не держал яйцевидную голову так, как он, – склоненной чуть вперед и вбок.

Да, это был Пуаро, идущий по моему зову навстречу судьбе, не подозревающий ничего дурного. Рядом с ним бежал типичный лондонский беспризорник, грязный и оборванный.

Пуаро остановился, осмотрев через улицу дом, а мальчишка что-то горячо объяснял ему, показывая на дверь. Настало время для моего выхода. Я прошел в холл. По знаку высокого китайца один из слуг отпер дверь.

– Помните о цене ошибки, – низким тихим голосом произнес мой враг.

Я уже стоял на крыльце. Я кивнул Пуаро. Он поспешно зашагал через мостовую.

– Ага! Так с вами все в порядке, друг мой! Я уже начал тревожиться.

Вы ухитрились проникнуть внутрь? Так, значит, дом пуст?

– Да, – произнес я, пытаюсь придать своему голосу естественность. – Должно быть, из него есть другой выход, тайный. Давайте поищем его вместе.

Я шагнул назад через порог. Безмятежный Пуаро собрался уже последовать за мной.

И тут словно что-то щелкнуло в моей голове. Я отчетливо увидел, кем я стал – Иудой!

– Назад, Пуаро! – закричал я. – Назад, если хотите спастись! Это ловушка! Не обращайтесь на меня внимания! Бегите!

Я еще выкрикивал слова предостережения, когда руки моих стражей сжали меня, будто тиски. Один из китайцев прыгнул мимо меня, чтобы поймать Пуаро.

Я успел увидеть, как этот бандит отпрянул назад, вскинув руки, а потом вдруг вокруг меня возник густой дым, лишивший меня дыхания, убивший меня...

Я упал, задыхаясь... это была смерть...

Медленно и мучительно возвращалось ко мне сознание, все мои чувства были ошеломлены. Первым, что я рассмотрел, оказалось лицо Пуаро. Мой друг сидел рядом и с тревогой смотрел на меня. Когда он увидел, что я открыл глаза, с его губ сорвалось радостное восклицание.

– А, вы ожили!.. Вы пришли в себя! Все прекрасно! Мой друг... мой бедный друг!

– Где это я? – с трудом выговорил я.

– Где? Но оглядитесь!

Я повернул голову. Да ведь это же наша квартира! И на решетке камина – четыре кусочка угля, тщательно уложенные мной.

Пуаро проследил за моим взглядом.

– Да-да, это была великолепная идея... и книги тоже. Знаете, если мне еще когда-нибудь скажут: «Этот ваш друг, этот Гастингс, он ведь не блестящего ума, так?» – я отвечу: «Вы ошибаетесь!» Да, ваша идея была блестящей, просто гениальной.

– Вы поняли, что это значит?

– Разве я идиот? Конечно, понял. Я получил необходимое предостережение и время для разработки плана. Каким-то образом Большая Четверка выманила вас из дома. С какой целью? Понятно, что не ради ваших прекрасных глаз... и не потому, что они боятся вас и хотят устранить с дороги. Нет, их цель была совершенно очевидна. Вы должны

были послужить приманкой, чтобы завлечь в их когти великого Эркюля Пуаро. Но я давно готов к чему-то в этом роде. Я кое-что сделал в плане подготовки к дальнейшему, и вскоре, как я и ожидал, прибыл посыльный – такой невинный с виду уличный мальчишка. Что ж, я поверил его сказочке, поспешил следом за ним, и, к счастью, они позволили вам выйти на крыльцо дома. Я только того и боялся, что мне придется схватиться с ними прежде, чем я найду то местечко, где они спрятали вас, и что мне придется искать вас, возможно, тщетно... после того.

– Схватиться с ними, вы сказали? – слабым голосом переспросил я. – В одиночку?

– О, тут нет ничего особенного. Если человек готов к встрече – все остальное просто. Всегда готов, так, кажется, говорят скауты? А я был готов. Не так давно я оказал услугу одному известному химику, который во время войны работал с отравляющими газами. Он изготовил для меня маленькую бомбочку – простую в обращении и совсем легкую... бросаешь ее, она делает «пуф!» – и все вокруг затягивает дым, а люди теряют сознание. Я ее и бросил, тут же свистнул в маленький свисток – и в ту же минуту за дело принялись люди Джеппа, которые следили за мной и посыльным до самого этого дома, оставаясь незамеченными.

– Но как вы сами умудрились не потерять сознание?

– Еще одна маленькая удача. Наш друг Номер Четвертый (наверняка это он сочинил гениальное письмо от вашего имени) позволил себе маленькую колкость в адрес моих усов, а в результате я с легкостью спрятал под желтым шарфом респиратор.

– Да, я помню, – воскликнул я, и вместе со словом «помню» на меня свалился невыносимый ужас, в одно мгновение вернувшийся из забвения. *Синдерелла...*

Я со стоном откинулся назад.

Должно быть, я снова на минуту-другую потерял сознание. А когда очнулся, почувствовал на губах вкус бренди – Пуаро старался влить его мне в рот.

– Что еще, mon ami? Что? Скажите мне!

Я медленно, с трудом, содрогаясь при каждом слове, рассказал ему все. Пуаро всплеснул руками.

– Друг мой! Друг мой! Но как вы должны были страдать! А я ничего об этом не знал! Но успокойтесь, успокойтесь! Все в порядке!

– Вы хотите сказать, что найдете ее? Но она в Южной Америке! И к тому времени, когда мы доберемся туда... нет, задолго до того, она уже будет мертва... и бог знает, как, каким ужасным способом придется ей

умереть.

– Нет, нет, вы не понимаете. Она в безопасности и чувствует себя прекрасно. Она ни одного мгновения не находилась в их руках.

– Но я получил телеграмму от Бронсена...

– Нет, нет, и это не так. Вы получили некую телеграмму из Южной Америки, и там стояло имя Бронсена – но это совсем другое дело. Скажите, разве вам не приходило в голову, что организация вроде Большой Четверки, имеющая «филиалы» по всему свету, без труда может нанести нам удар, похитив эту маленькую девочку, Синдереллу, которую вы так любите?

– Нет, никогда, – ответил я.

– Ну, зато мне пришлось. Я ничего не сказал вам, поскольку не хотел вас расстраивать без надобности... но я принял необходимые меры. Письма вашей жены, которые приходили как бы с вашего ранчо, на самом деле написаны в некоем безопасном местечке, куда вашу супругу поместили около трех месяцев назад по моей просьбе.

Я долго молча смотрел на него.

– Вы в этом уверены?

– Parbleu!^[17] Я знаю это. Они терзали вас ложью!

Я отвернулся. Пуаро положил руку мне на плечо. И когда он заговорил, в его голосе прозвучало нечто такое, чего я прежде никогда не слышал:

– Я знаю, вам не понравится, если я обниму вас или как-то иначе выражу свои чувства. Ну, я буду настоящим британцем. Я ничего не скажу... почти ничего. Только одно: в нашем последнем приключении вы доказали свою доблесть и честь, и счастлив человек, у которого есть такой друг, как у меня!

Глава 14

Крашенная блондинка

Я был крайне разочарован результатами бомбовой атаки, предпринятой Пуаро в Чайнатауне. Начать с того, что глава банды сбежал. Когда Джепп, заслыша свисток Пуаро, ворвался в дом, он нашел в холле четверых лежащих без сознания китайцев, но человека, грозившего мне смертью, среди них не оказалось. Я вспомнил позже, что, когда меня вытолкнули за дверь, чтобы я заманил Пуаро в дом, этот человек держался где-то позади своих слуг. Видимо, при взрыве газовой бомбы он очутился вне опасной зоны и смог ускользнуть через один из многочисленных коридоров, ведущих наружу.

От тех четверых, что попались нам в руки, мы ничего не узнали. Проведенное полицией тщательное расследование не установило связи между ними и Большой Четверкой. Это были обычные жители китайского квартала, из самых бедных, и они совершенно не понимали, о каком таком Ли Чанг Йене их спрашивают. Китайский джентльмен нанял их на работу в доме возле реки, и они совершенно ничего не знали о его делах.

К следующему дню я полностью оправился от воздействия газовой бомбы Пуаро, если не считать легкой головной боли. Мы вместе отправились в Чайнатаун и тщательно осмотрели дом, из которого меня сумел вызволить мой друг. Владение состояло из двух зданий, соединенных между собой подземным переходом. И первый, и верхние этажи обоих строений были заброшены и пусты, даже мебель там отсутствовала, разбитые окна закрывали прогнившие ставни. Джепп уже сунул нос в подвалы и нашел потайной ход в подземную палату, где я провел такие неприятные полчаса. Более тщательный осмотр подтвердил мои ночные впечатления. Шелка на стенах и диване, ковры на полу оказались редкостной ручной работы. И хотя я слишком мало знаю о китайском искусстве, я все же могу утверждать, что каждый предмет в том помещении был в своем роде совершенством.

С помощью Джеппа и его людей мы как следует обыскали подземные апартаменты. Я лелеял серьезную надежду на то, что мы найдем какие-нибудь важные документы. Например, список особо важных агентов Большой Четверки или зашифрованную записку о планах банды – но ничего подобного мы не нашли. Единственной бумагой, отыскавшейся под землей,

был тот самый листок, с которым сверялся китаец, диктуя мне письмо к Пуаро. Там были записаны все подробности нашей жизни, даны определения характеров и слабостей, благодаря которым на нас можно воздействовать.

Пуаро совершенно по-детски обрадовался находке. Лично я вообще не видел в ней смысла, тем более что составлявший записку человек грубо ошибся в некоторых из своих оценок. Я указал на это моему другу, когда мы вернулись домой.

– Мой дорогой Пуаро, – сказал я, – теперь вы знаете, что враг думает о нас. В целом он явно преувеличивает силу вашего ума и до нелепости недооценивает мои мыслительные способности, но я совершенно не понимаю, какую мы можем извлечь пользу из этого.

Пуаро противно хихикнул.

– Вы не понимаете, Гастингс, да? Но ведь мы теперь можем подготовиться к новым атакам – мы можем вычислить их методы, зная их ошибки! Например, друг мой, мы будем помнить, что вам следует всегда хорошенько подумать, прежде чем начинать действовать. И если вы снова встретите рыжеволосую молодую леди, находящуюся в беде, вы должны посмотреть на нее... как это по-английски... с подозрением, так?

Ну да, в записке высказывалось некое совершенно абсурдное упоминание о моей предполагаемой импульсивности, а также говорилось, что я в особенности чувствителен к чарам молодых леди с названным цветом волос. Я воспринял высказывание Пуаро на эту тему как дурной тон, однако, к счастью, мне было чем отразить удар.

– А как насчет вас самого? – возразил я. – Вы не собираетесь излечиться от вашего «чрезмерного тщеславия»? От вашей «мелочной аккуратности»?

Я цитировал записку и увидел, что мой друг не находит ничего приятного в этих определениях.

– Но, Гастингс, можно не сомневаться – кое в чем они сами себя обманули! Со временем они убедятся в этом. Мы же кое-чему научились, а знать – это значит быть готовым.

Эта фраза стала в последнее время чем-то вроде девиза Пуаро; он повторял ее так часто, что меня уже тошнило от этих слов.

– Мы кое-что знаем, Гастингс, – продолжал он. – Да, мы кое-что знаем... и это к лучшему... но мы знаем недостаточно. Мы должны узнать больше.

– Каким образом?

Пуаро поудобнее устроился в кресле, поправил коробок спичек,

который я небрежно бросил на стол, и замер в позе, которая была мне слишком хорошо знакома. Я понял, что он намерен высказаться.

– Видите ли, Гастингс, мы выступили против четверых врагов; таким образом, мы вступили в схватку с четырьмя совершенно разными личностями. С Номером Первым мы ни разу не вступали в непосредственный контакт – до настоящего момента мы видели только его идеи... и, между прочим, Гастингс, скажу вам, что я начинаю отлично понимать ход его мысли... да, это мысль тонкая и типично восточная, и каждый заговор, каждая авантюра, виденная нами, задумана именно Ли Чанг Йеном. Номер Второй и Номер Третий настолько сильны, занимают настолько высокое положение, что в настоящее время недоступны для нас. Тем не менее то, что ставит их вне возможности для нашего нападения, с другой стороны, ставит и нас в безопасную позицию. Они слишком на виду, им приходится обдумывать каждый свой шаг. И таким образом мы приходим к последнему члену банды – то есть возвращаемся к человеку, известному нам под именем Номера Четвертого.

Голос Пуаро слегка изменился, как всегда, когда он говорил об этой специфической фигуре.

– Номер Второй и Номер Третий могут преуспеть, не сворачивая с собственного пути, пользуясь своей славой и твердым положением. Номер Четвертый преуспевает по прямо противоположным причинам – он преуспевает, шествуя путем тьмы. Кто он таков? Никто не знает. Как он выглядит? Тоже никому не известно. Сколько раз мы его видели, вы и я? Пять раз, не так ли? Но разве кто-то из нас может с уверенностью заявить, что узнает его при новой встрече?

Я был вынужден отрицательно покачать головой, подумав о пяти совершенно разных людях, которые, невероятно представить, были одним и тем же человеком. Крепкий санитар из сумасшедшего дома, человек в плотно застегнутом пальто в Париже, лакей Джеймс, тихий молодой врач в деле о Желтом Жасмине и, наконец, русский профессор. Все эти люди ничуть не походили один на другого.

– Нет, – безнадежно сказал я, – нам не от чего оттолкнуться.

Пуаро улыбнулся.

– Прощу вас, не стоит предаваться такому отчаянию. Кое-что о нем нам все-таки известно.

– И что же? – скептически поинтересовался я.

– Мы знаем, что это человек среднего роста и с волосами и кожей не слишком темными и не слишком светлыми. Если бы он был высоким или слишком смуглым, он никогда не смог бы преобразиться в бледного

коренастого врача. Конечно, это детская задачка – прибавить к росту дюйм-другой, как в случае с Джеймсом или профессором. И точно так же он должен иметь короткий прямой нос. Увеличить нос посредством искусного грима с накладкой нетрудно, но большой нос не скроешь при моментальном преображении. И по той же причине он должен быть довольно молодым человеком, наверняка не старше тридцати пяти. Видите, мы уже имеем немало. Мужчина в возрасте от тридцати до тридцати пяти, среднего роста и сложения, владеющий техникой изменения внешности и с недостающими зубами или вовсе без собственных зубов.

– Что?!

– Это очевидно, Гастингс. Когда он был санитаром, его зубы были сломанными и потемневшими, в Париже они стали ровными и белыми, зубы доктора слегка выступали вперед, а у Саваронова были необычайно длинные клыки. А ведь ничто не меняет внешность так сильно, как зубы. Вы понимаете, к чему это нас приводит?

– Не совсем, – осторожно ответил я.

– О таких говорят, что их профессию легко определить по лицу.

– Он преступник! – воскликнул я.

– Он знаток искусства перемены внешности.

– Это одно и то же.

– Довольно опрометчивое заключение, Гастингс, и вас едва ли одобрили бы в театральных кругах. Разве вы до сих пор не поняли, что этот человек – актер или когда-то был актером?

– Актер?

– Ну разумеется! И его искусство всегда при нем. Теперь рассмотрим тот факт, что существует два типа актеров. Одни полностью погружаются в роль, а другие подстраивают роль под свою индивидуальность. Именно из второго типа актеров обычно получают директора. Они лепят роль под себя. А актеры первого типа скорее согласятся играть мистера Ллойд Джорджа в разных мюзик-холлах или бородачей на заднем плане в театрах с постоянной труппой. И именно среди таких актеров мы должны искать наш Номер Четвертый. Он величайший артист, и он полностью преобразается в каждой из ролей.

Я почувствовал, что во мне пробуждается искренний интерес.

– Так вы полагаете, мы сможем выследить его по старым театральным связям?

– Ваши выводы всегда безупречны, Гастингс!

– Было бы куда лучше, – холодно сказал я, – если бы эта идея осенила вас пораньше. Мы потеряли уйму времени.

– Вы ошибаетесь, топ аті. Потеряно не больше времени, чем было необходимо. Мои агенты уже несколько месяцев заняты этим делом. Один из них – Иосиф Аарон. Вы его помните? Агенты составили для меня список людей, обладающих необходимой квалификацией – молодых мужчин в возрасте около тридцати, с более или менее невыразительной внешностью, особым даром играть характерные роли... более того, мужчин, покинувших сцену в течение последних трех лет.

– Ну, и?.. – спросил я, заинтригованный.

– Список, само собой, получился довольно длинным. Пришлось потратить некоторое время на его сокращение. И наконец мы выделили из него четыре имени. Вот они, друг мой.

Он протянул мне лист бумаги. Я прочитал вслух:

– «Эрнест Лутрелл. Сын приходского священника с севера. Постоянно имел неприятности из-за своего аморального поведения. Был исключен из средней школы. На сцену поступил в возрасте двадцати трех лет. (Далее следовал список ролей, которые он сыграл, с указанием даты и театра.) Увлекается наркотиками. Предполагается, что четыре года назад он уехал в Австралию. После отъезда из Англии – никаких следов. Сейчас ему 32 года. Рост – пять футов и десять с половиной дюймов, чисто бреется, волосы каштановые, нос прямой, сложение среднее, глаза серые. Далее. Джон Сент-Мур. Псевдоним. Подлинное имя неизвестно. Предполагается, что он – выходец из лондонской бедноты. На сцене – с детства. Играл в мюзик-холлах. О нем ничего не слышно уже три года. Возраст – около тридцати трех, рост – пять футов десять дюймов, строен, глаза голубые, волосы светлые. Далее. Остин Ли, псевдоним. Подлинное имя – Остин Фоли. Из хорошей семьи. Всегда стремился к актерству и во время учебы в Оксфорде играл постоянно. Отличился во время войны. Затем играл... (далее – список, включающий множество ролей в театрах с постоянной труппой). Энтузиаст криминологии. Около трех с половиной лет назад попал в автомобильную катастрофу, получил тяжелое нервное потрясение, больше на сцене не появлялся. О настоящем местопребывании ничего не известно. Возраст – тридцать пять, рост – пять футов девять с половиной дюймов, сложение среднее, глаза голубые, волосы светло-каштановые. Далее. Клод Даррел. Предполагается, что это подлинное имя. С происхождением неясности. Играл в мюзик-холлах, а также в театрах с постоянным составом. Судя по всему, не имел близких друзей. В 1919 году побывал в Китае. Вернулся через Америку. Сыграл несколько ролей в Нью-Йорке. Однажды вечером не явился на спектакль, и с тех пор о нем никто ничего не слышал. Нью-йоркская полиция считает это одним из наиболее

загадочных исчезновений. Возраст – около тридцати трех, волосы темно-русые, глаза серые, среднего сложения. Рост – пять футов десять с половиной дюймов».

– Очень интересно, – сказал я, кладя лист на стол. – И это результат работы в течение нескольких месяцев? Здесь четыре имени. Кого же вы склонны подозревать?

Пуаро красноречиво взмахнул рукой.

– Друг мой, в настоящий момент вопрос остается открытым. Сейчас я бы подчеркнул только тот факт, что из всех этих людей только Клод Даррел побывал в Китае и в Америке – факт, возможно, имеющий какое-то значение, но мы не должны позволять себе упираться в него. Это может оказаться всего лишь совпадением.

– И каков наш следующий шаг? – с нетерпением спросил я.

– Дело уже в ходу. Каждый день будет публиковаться некое тщательно составленное объявление. Друзей и родственников любого из четверых просят связаться с моим адвокатом, в объявлении дан телефон его конторы. В любой момент мы можем... А, телефон! Возможно, кто-то ошибся номером, как обычно, и мы просто выслушаем извинения, но возможно... да, это может быть... Вдруг уже что-то появилось?

Я прошел через комнату и снял телефонную трубку.

– Да-да. Квартира мсье Пуаро. Да, это капитан Гастингс. О, это вы, мистер Макнейл! (Макнейл и Ходгсон были адвокатами Пуаро.) Я скажу ему. Да, мы сейчас же приедем.

Я повесил трубку и повернулся к Пуаро, горя от возбуждения:

– Вот так, Пуаро, к ним пришла женщина. Подруга Клода Даррела. Мисс Флосси Монро. Макнейл хочет, чтобы вы приехали.

– Едем немедленно! – воскликнул Пуаро, исчезая в своей спальне и снова появляясь со шляпой в руках.

Такси быстро доставило нас к цели, и мы поспешно вошли в кабинет мистера Макнейла. В кресле перед столом адвоката сидела некая яркая леди, далеко не первой молодости. У нее были волосы неестественно желтого цвета, над ушами пышно вились кудряшки, глаза густо подведены, к тому же она не поскупилась на румяна и губную помаду.

– А, вот и мсье Пуаро, – сказал мистер Макнейл. – Мсье Пуаро, это мисс... э-э... Монро, она оказалась настолько любезна, что готова поделиться с нами кое-какими сведениями.

– Ах, как это замечательно! – воскликнул Пуаро.

Он стремительно шагнул вперед и пылко схватил леди за руку.

– Мадемуазель похожа на цветок, внезапно расцветший в этой

пыльной и унылой старой конторе, – добавил он, не слишком заботясь о чувствах мистера Макнейла.

Его слова возымели нужный эффект. Мисс Монро порозовела и смущенно улыбнулась.

– О, будет вам, мистер Пуаро! – воскликнула она. – Я знаю, все французы такие любезники!

– Мадемуазель, мы не молчим при виде красоты, как это делают англичане! Впрочем, я, видите ли, не француз – я бельгиец.

– Я как-то бывала в Остенде, – сообщила мисс Монро.

Пуаро мог бы сказать, что дело продвигается просто блестяще.

– И вы можете нам рассказать что-то о мистере Клоде Дарреле? – продолжил Пуаро.

– Да, в свое время я неплохо знала мистера Даррела, – пояснила леди. – Я увидела ваше объявление, а поскольку я сейчас ничем особым не занята, и все мое время в моем распоряжении, я и подумала: эй, они зачем-то ищут старину Клодди... Адвокаты, это не шутка... Может, ему повезло, может, он стал чьим-то наследником? Лучше сходить туда!

Мистер Макнейл встал.

– Ну что ж, мсье Пуаро, я, пожалуй, оставлю вас, чтобы вы могли поговорить наедине?

– Вы очень любезны. Но... нет, погодите, у меня есть идея получше. Сейчас самое подходящее время для того, чтобы перекусить. Окажет ли мадемуазель нам такую честь, позволит ли пригласить ее на ленч?

Глаза мисс Монро блеснули. Мне вдруг пришло в голову, что она совсем на мели и что перспектива плотно покушать ее обрадовала.

Через несколько минут мы уже сидели в такси, направляясь в один из наиболее дорогих лондонских ресторанов. Там Пуаро заказал самый изысканный ленч, а потом повернулся к своей гостье:

– А как насчет вина, мадемуазель? Что вы скажете о шампанском?

Мисс Монро не сказала ничего... или сказала все своим взглядом.

Ленч начался приятнейшим образом. Пуаро усердно наполнял бокал мадемуазель и постепенно перешел к теме, больше всего интересовавшей его.

– Бедный мистер Даррел! Как жаль, что его нет сейчас с нами!

– Да, в самом деле, – вздохнула мисс Монро. – Бедняга, хотела бы я знать, что с ним стало!

– Вы, похоже, давненько его не видели?

– Ох, сто лет уже... с самой войны. Он был забавным парнем, этот Клодди, очень таинственный, никогда ни словечка о себе не скажет! Но,

конечно, это и естественно, раз он – потерявшийся наследник. Он наследует титул, мсье Пуаро?

– Увы, нет, просто деньги, – бесстыдно заявил Пуаро. – Но, видите ли, может встать вопрос об идентификации. Поэтому и необходимо было найти кого-то, кто по-настоящему хорошо его знал. Вы ведь хорошо его знали, мадемуазель, не так ли?

– Я все вам расскажу, мсье Пуаро, вы ведь настоящий джентльмен. Вы знаете, как правильно заказать ленч для леди... не то что все эти нынешние молодые ничтожества. Отъявленные негодяи, иначе я их и не называю. Ну, а вы француз, вы не будете шокированы. Ах, эти французы! Проказники, проказники! – Она погрозила Пуаро пальчиком. – Ну, в общем, мы с Клодди были тогда молоды... Чего тут было ожидать? И я до сих пор сохранила к нему добрые чувства. Хотя, должна сказать, он не слишком хорошо со мной обращался... нет, не слишком... он совсем нехорошо обращался со мной. Не так, как следует обращаться с леди. Ну, все они таковы, как только речь заходит о деньгах.

– Нет-нет, мадемуазель, не нужно так говорить! – запротестовал Пуаро, снова наполняя ее бокал. – А вы могли бы описать мистера Даррела?

– Да там и посмотреть-то было не на что, – задумчиво произнесла мисс Монро. – Невысокий, но и не коротышка, весьма хорошо сложен. Щеголеватый. Глаза голубовато-серые. Ну, наверное, довольно светлые волосы, мне кажется. Но какой он артист! Я ни разу в жизни не встречала кого-то, кто превзошел бы его в этом деле! Он бы прославился, если бы не зависть. Ах, мсье Пуаро, зависть... Вы не поверите, вы просто не сможете поверить, как актеры страдают от завистников! Вот я помню, однажды в Манчестере...

Нам пришлось набраться терпения, чтобы выслушать долгую запутанную историю о некоей пантомиме и о бесчестном поведении ведущего актера. Затем Пуаро мягко вернул даму к прежней теме – к Клоду Даррелу.

– Это очень интересно, мадемуазель, как и все, что вы можете вспомнить о мистере Дарреле. Женщины обладают особой наблюдательностью... они все видят, от них не ускользнет ни малейшая деталь в поведении примитивных мужчин. Я видел однажды, как женщина опознала мужчину среди дюжины других – и как ей это удалось? Она заметила, что он в моменты волнения особым образом почесывает нос. Разве мужчина способен вообще подумать о такой ерунде?

– О, только не вы! – воскликнула мисс Монро. – Мне кажется, вы все

замечаете. Вот теперь, когда я задумалась об этом, я вспомнила, что Клодди всегда за столом играл с хлебом... Он зажимал маленький кусочек между пальцами и постукивал им по столу, чтобы к нему прилипали крошки. Я видела это сотни раз. Да я его когда угодно узнаю по этому фокусу!

– Ну вот, разве не об этом я говорил? Блестящая наблюдательность женщины! А вы когда-нибудь говорили с ним об этой его привычке, мадемуазель?

– Нет, мсье Пуаро. Вы же знаете, каковы мужчины! Они не любят, когда вы замечаете подобные вещи – а уж в особенности не терпят, когда вы об этом заговариваете. Я ни разу не произнесла ни слова... но много раз улыбалась про себя, наблюдая за ним. Да бог с вами, он сам никогда и не подозревал за собой ничего подобного!

Пуаро вежливо кивнул. Я заметил, что его собственная рука слегка вздрогнула, когда он протянул ее к бокалу.

– И еще при идентификации часто встает вопрос о почерке, – небрежно заметил он. – Без сомнения, вы сохранили какое-нибудь письмо, написанное мистером Даррелом?

Мисс Монро грустно покачала головой:

– Он ни разу мне не писал. Никогда ни строчки, за всю жизнь.

– Как жаль! – посочувствовал Пуаро.

– Но я вот что вам скажу, – внезапно сказала мисс Монро, – у меня есть фотография, это может вам пригодиться?

– У вас есть его фотография?!

Пуаро чуть не подпрыгнул от волнения.

– Ну, она довольно старая... ей лет восемь, не меньше.

– *Это ничего!* Совершенно неважно, если даже она совсем старая и поблекшая! Ах, дорогая, но как же нам повезло! Вы позволите мне взглянуть на этот снимок, мадемуазель?

– Конечно, почему же нет?

– Возможно, вы даже позволите сделать копию? Это не займет много времени.

– Пожалуйста, если хотите.

Мисс Монро встала.

– Ну, мне пора, – лукаво сообщила она. – Была очень рада познакомиться с вами и вашим другом, мсье Пуаро.

– А фотография? Когда я могу взять ее у вас?

– Я поищу ее сегодня вечером. Думаю, я знаю, где она лежит. И сразу пришлю ее вам.

– Тысяча благодарностей, мадемуазель! Ваша любезность не имеет

границ! Надеюсь, вскоре мы сможем еще раз пообедать вместе.

– Как только вам того захочется, – ответила мисс Монро. – Я ничего не имею против.

– О, погодите, я не уверен, что у меня есть ваш адрес...

С величественным видом мисс Монро извлекла из своей сумочки визитную карточку и протянула ее Пуаро. Карточка была довольно замусоленной, а напечатанный на ней адрес зачеркнут, и поверх него карандашом написан новый.

Потом, отвесив не один поклон в сторону Пуаро, леди наконец распрощалась с нами, и мы отправились домой.

– Вы действительно думаете, что эта фотография так уж важна? – спросил я Пуаро.

– Да, *top ami*. Фотокамера не лжет. Фотоснимок можно увеличить и рассмотреть разные детали, которые в другом случае остались бы незамеченными. А деталей на снимках – тысячи! Например, мы можем рассмотреть форму ушей, а ведь на словах никто и никогда не опишет их вам достаточно определенно. О да, это настоящий шанс, он может направить нас на верный путь! И именно поэтому я намерен предпринять ряд предосторожностей...

С этими словами он подошел к телефону и набрал хорошо известный мне номер – номер частного детективного агентства, с которым иной раз имел дело. Его инструкции были четкими и точными. Два детектива должны отправиться по адресу, который он продиктовал, и позаботиться о безопасности мисс Монро. Они должны следовать за ней постоянно, не спуская с леди глаз.

Пуаро повесил трубку и вернулся ко мне.

– Вы действительно думаете, что это необходимо, Пуаро? – спросил я.

– Пожалуй. Можно не сомневаться, что за нами следили, а раз это так – они скоро узнают, с кем мы сегодня обедали. И вполне возможно, что Номер Четвертый почует опасность.

Минут через двадцать телефон зазвонил. Я снял трубку и услышал резкий голос:

– Это мистер Пуаро? Вам звонят из больницы Святого Иакова. К нам десять минут назад доставили молодую женщину. Дорожное происшествие. Мисс Флосси Монро. Она требует встречи с мистером Пуаро. Но вам следует поспешить. Она вряд ли протянет долго.

Я повторил это моему другу. Он побледнел.

– Скорее, Гастингс! Мы должны нестись как ветер!

Такси доставило нас к больнице менее чем за десять минут. Мы

сказали, что нам нужна мисс Монро, и нас немедленно проводили к нужной палате. Но в дверях нас встретила сестра в белом чепчике.

Пуаро прочел все по ее лицу.

– Умерла, да?

– Да, шесть минут назад.

Пуаро застыл на месте.

Сестра, неверно истолковав его чувства, мягко заговорила:

– Она не страдала, а под конец просто потеряла сознание. Ее сбила машина, знаете... и водитель даже не притормозил. Чудовищно, не правда ли? Надеюсь, кто-нибудь заметил номер.

– Звезды играют против нас, – тихо сказал Пуаро.

– Хотите взглянуть на нее?

Медсестра отступила в сторону, мы вошли в палату.

Бедняжка Флосси Монро, со всеми ее румянами и крашеными волосами... Она лежала так мирно, с улыбкой на губах...

– Да, – пробормотал Пуаро, – звезды играют против нас... Но звезды ли это? – Он вскинул голову, словно пораженный внезапной идеей. – Звезды ли это, Гастингс? А если нет... если нет... О, друг мой, я клянусь вам, клянусь вот здесь, над телом несчастной женщины, – когда наступит час, я забуду о жалости!

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

Но Пуаро повернулся к сиделке и начал ее расспрашивать. В итоге ему представили список вещей, найденных в сумочке погибшей. Пуаро, прочитав его, негромко вскрикнул.

– Вы видите, Гастингс, вы видите?!

– Что я вижу?

– Здесь не упомянут ключ! Но у нее должен был быть ключ от квартиры! Да, ее просто хладнокровно убили, и тот человек, который первым склонился над телом на улице, украл из сумочки ключ. Но мы можем еще успеть. Вряд ли он сразу найдет то, что ему нужно.

Другое такси привезло нас к дому Флосси Монро – запущенному многоквартирному зданию, окруженному такими же непривлекательными домами. Нам понадобилось некоторое время, чтобы попасть в квартиру мисс Монро, но по крайней мере мы могли быть уверены, что из дома за это время никто не выходил.

Но вот наконец мы очутились внутри. И сразу стало ясно, что кто-то уже успел побывать здесь до нас. Содержимое комода и ящиков стола было вывалено на пол. Замки взломаны, маленькие столики перевернуты – тот, кто обшаривал квартиру погибшей, очень спешил.

Пуаро принялся рыться в свалке. Внезапно он выпрямился и вскрикнул, держа что-то в руке. Это была фотографическая рамка – пустая.

Пуаро медленно перевернул ее. На задней стороне красовалась маленькая круглая наклейка с ценой.

– Она стоит четыре шиллинга, – заметил я.

– Mon Dieu! Гастингс, раскройте глаза! Это новая, чистая этикетка! Ее наклеил тот человек, который вытащил из рамки фотографию, человек, опередивший нас, но знавший, что мы придем следом, и нарочно оставивший этот знак! Это был, увы, Клод Даррел, или Номер Четвертый!

Глава 15

Чудовищная катастрофа

Именно после трагической смерти мисс Флосси Монро я начал замечать в Пуаро некоторые перемены. До этого времени его самоуверенность оставалась неколебимой. Однако в конце концов, похоже, начало сказываться длительное напряжение. Пуаро стал мрачным и задумчивым, его нервы были на пределе. В эти дни он стал настороженным, как кошка. Он всеми силами избегал разговоров о Большой Четверке и вроде бы даже взялся за обычную работу почти с прежним рвением. Тем не менее я знал, что он по-прежнему втайне занят этим большим делом. К нему то и дело приходили какие-то странного, отталкивающего вида славяне, и хотя он не устаивал меня разъяснений по поводу своих таинственных действий, я понимал, что он готовит новую атаку или создает новое оружие с помощью этих отвратительных типов. Однажды, совершенно случайно, мне удалось заглянуть в его чековую книжку (он попросил меня проверить один маленький счет), и я заметил, что он выплатил огромную сумму – огромную даже для Пуаро, в последнее время сорившего деньгами, – некоему русскому, фамилия которого, похоже, включала в себя все до единой буквы алфавита.

Но Пуаро не находил нужных ему зацепок. И лишь чаще и чаще повторял одну и ту же фразу:

– Самая большая ошибка – недооценивать своего противника. Помните об этом, друг мой!

Я понял, что он боится новых ловушек и стремится избежать их любой ценой.

Так шли наши дела до конца марта, а затем однажды утром Пуаро сказал нечто весьма поразившее меня.

– Сегодня, друг мой, я бы посоветовал вам надеть ваш лучший костюм. Мы отправляемся с визитом к министру внутренних дел.

– В самом деле? Это замечательно! Он вам звонил, просит что-то расследовать?

– Не совсем так. Встреча состоится по моей инициативе. Вы, может быть, помните, я говорил однажды, что как-то мне довелось оказать ему небольшую услугу. Он был в восторге и чрезвычайно высоко оценил мои способности, а теперь я хочу этим воспользоваться. Как вам известно,

французский премьер мсье Дежардо сейчас в Лондоне, и по моей просьбе министр устроил так, что он будет присутствовать сегодня на нашем маленьком совещании.

Достопочтенный Сидней Кроутер, министр внутренних дел Его Величества, был фигурой известной и популярной. Это был человек лет пятидесяти, с насмешливым выражением лица и пронизательными серыми глазами; он встретил нас с добродушным дружелюбием, являвшимся одной из главных черт его характера.

В кабинете, спиной к камину, стоял высокий худощавый человек с остроконечной черной бородкой и выразительным лицом.

– Мсье Дежардо, – сказал Кроутер, – позвольте мне представить вам мсье Эркюля Пуаро, о котором вы, возможно, уже слышали.

Француз поклонился и взмахнул рукой.

– Разумеется, я слышал о мсье Пуаро, – вежливо произнес он. – А кто о нем не слышал?

– Вы очень любезны, мсье, – сказал Пуаро, кланяясь, но его лицо порозовело от удовольствия.

– Найдется ли у вас словечко и для старого друга? – послышался тихий голос из угла кабинета, и из-за высокого книжного шкафа вышел еще один человек.

Это был наш давний знакомый, мистер Инглз.

Пуаро с жаром пожал его руку.

– А теперь, мсье Пуаро, – сказал Кроутер, – мы все к вашим услугам. Насколько я понял из нашего разговора по телефону, у вас есть некое чрезвычайно важное сообщение?

– Да, мсье, это так. В мире в наши дни существует некая обширная организация – преступная организация. Ею руководят четыре человека, которых называют обычно Большой Четверкой. Номер Первый – это некий китаец по имени Ли Чанг Йен. Номер Второй – американский мультимиллионер Эйб Райланд. Номер Третий – некая француженка. Номер Четвертый... ну, у меня есть все основания полагать, что это английский актер Клод Даррел. Эти четверо объединились с целью разрушить существующий социальный порядок и заменить его анархией, чтобы стать диктаторами при новом строе.

– Невероятно! – пробормотал француз. – Райланд ввязался в подобное дело? По-моему, идея слишком фантастична.

– Потрудитесь выслушать, мсье. Я перечислю вам некоторые из деяний этой самой Большой Четверки.

Излагаемые Пуаро факты захватили всеобщее внимание. Мне они

были знакомы в деталях, и я заново вспомнил все наши пугающие приключения, слушая сухо звучащий голос Пуаро.

Когда Пуаро умолк, мсье Дежардо молча посмотрел на мистера Кроутера. Тот ответил на его взгляд словами:

– Да, мсье Дежардо, я думаю, мы должны признать существование Большой Четверки. Скотленд-Ярд поначалу склонен был отнестись к идее с насмешкой, но им пришлось убедиться, что мсье Пуаро прав в большинстве своих утверждений. Вот только вопрос об их целях остается открытым. Я не могу отделаться от ощущения, что мсье Пуаро... э-э... несколько преувеличивает.

В качестве ответа Пуаро привел десяток ярких примеров. Меня просили не публиковать их даже теперь, и потому я промолчу, скажу лишь, что речь шла о невероятных катастрофах на подводных лодках, случившихся в определенное время, и о серии авиационных катастроф и вынужденных посадок. Пуаро утверждал, что это дело рук Большой Четверки, и в доказательство привел письменные показания нескольких ученых, из которых следовало, что для организации подобных диверсий Большая Четверка должна владеть научными секретами, неизвестными остальному миру.

Это привело нас к тому самому вопросу, которого я и ждал от французского премьера.

– Вы сказали, что третий член преступной организации – французженка. Вам известно ее имя?

– Это имя всем хорошо известно, мсье. Номер Третий – не кто иной, как прославленная мадам Оливер.

При упоминании знаменитой ученой дамы, преемницы мадам Кюри, мсье Дежардо чуть не вывалился из кресла, а его лицо побагровело от охватившего француза негодования.

– Мадам Оливер! Это невозможно! Абсурд! Чушь! Это оскорбление нации!

Пуаро слегка покачал головой и ничего не сказал.

Дежардо несколько секунд пребывал в ошоломлении. Затем его лицо прояснилось, он перевел взгляд на министра внутренних дел и многозначительно постучал себя пальцем по лбу.

– Мсье Пуаро – великий человек, – сказал он. – Но даже великие люди иногда... ну, имеют свой маленький пунктик, не так ли? И начинают искать воображаемые заговоры в высоких сферах. Это общеизвестно. Вы со мной согласны, мистер Кроутер?

Министр внутренних дел несколько минут молчал, ничего не отвечая.

Затем заговорил медленно и серьезно.

– Честно говоря, я не знаю, – сказал он. – Я всегда полностью доверял мсье Пуаро, но... Ну, тут нужно больше, чем вера.

– И еще этот Ли Чанг Йен, – продолжил мсье Дежардо. – Кто вообще о нем когда-нибудь слышал?

– Я, – неожиданно для всех раздался голос мистера Инглза.

Француз уставился на него, а мистер Инглз ответил ему безмятежным взглядом, в этот момент он еще сильнее, чем прежде, напоминал китайского идола.

– Мистер Инглз, – пояснил министр внутренних дел, – величайший эксперт по внутренним делам Китая.

– И вы слышали о Ли Чанг Йене?

– Пока присутствующий здесь мсье Пуаро не явился ко мне с визитом, я воображал, что я – единственный англичанин, знающий об этом китайце. Не ошибитесь, мсье Дежардо, в Китае сейчас есть лишь один-единственный человек, на которого стоит обратить внимание, – Ли Чанг Йен. Он, возможно – я подчеркиваю: возможно, – обладает в настоящий момент самым блестящим умом в мире.

Мсье Дежардо выглядел совершенно ошеломленным. Но вскоре он оживился.

– Не исключаю, что в ваших словах что-то есть, мсье Пуаро, – холодно сказал он. – Но в том, что касается мадам Оливер, вы полностью ошибаетесь. Она подлинная дочь Франции и предана только науке и ничему, кроме науки.

Пуаро пожал плечами и промолчал.

Последовала пауза, длившаяся минуту или две, а затем мой невысокий друг встал, и, несмотря на всю эксцентричность его внешности, он выглядел преисполненным достоинства.

– Я сказал все, господа... я предостерег вас. Я так и думал, что мне, скорее всего, не поверят. Но по крайней мере вы предупреждены. Мои слова осядут в ваших умах, и каждый новый факт будет подтверждать мои слова и укреплять вашу пошатнувшуюся веру в меня. Мне необходимо было высказаться сегодня... позже, может быть, я уже не смогу этого сделать.

– Вы хотите сказать... – проговорил Кроутер, вопреки собственной воле поддавшись серьезности тона Пуаро.

– Я хочу сказать, мсье, что с того момента, как я установил личность Номера Четвертого, моя жизнь не стоит и цента. Он постарается уничтожить меня любой ценой – не напрасно ведь его зовут Истребителем.

Мсье, я прощаюсь с вами. Вам, мсье Кроутер, я вручаю этот ключ и этот запечатанный конверт. Я изложил все свои соображения по данному делу и все идеи по поводу того, как наилучшим образом встретить угрозу, которая в один прекрасный день может нависнуть над миром, и спрятал все это в некоем сейфе. В случае моей смерти, мсье Кроутер, я завещаю вам забрать эти бумаги и постараться извлечь из них пользу. А теперь, господа, всего доброго!

Дежардо лишь холодно кивнул, но Кроутер вскочил и протянул руку моему другу:

– Вы обратили меня в свою веру, мсье Пуаро. Да, все это выглядит фантастично, однако я верю, что вы говорили правду.

Мистер Инглз вышел вместе с нами.

– Что ж, встреча прошла неплохо, – заявил Пуаро, когда мы вышли наружу. – Я и не рассчитывал убедить Дежардо, но я по крайней мере уверен теперь, что, если умру, мои знания не умрут вместе со мной. И у меня появилась парочка новых последователей. Вот так!

– Я всегда с вами, вы это знаете, – сказал Инглз. – Кстати, я еду в Китай, как только разберусь тут с делами.

– Умно ли это?

– Нет, – сухо ответил мистер Инглз. – Но это необходимо. Каждый должен делать то, что в его силах.

– Ах, вы храбрый человек! – выразительно воскликнул Пуаро. – Если бы мы были не на улице, я бы обнял вас!

Мне показалось, Инглз втайне порадовался тому, что мы именно на улице.

– Не думаю, что в Китае я окажусь в большей опасности, чем вы, оставаясь в Лондоне, – проворчал он.

– Да, похоже, что так, – согласился Пуаро. – Я лишь надеюсь, что их страсть к издевательствам не обратится заодно и на Гастингса, вот и все. Это бы меня сильно рассердило.

Я прервал эту бодрую беседу замечанием, что я вообще-то не намерен позволять издеваться надо мной, и вскоре после этого Инглз покинул нас.

Некоторое время мы шагали молча, а потом Пуаро вдруг нарушил тишину неожиданным замечанием:

– Я думаю... я действительно думаю, что следует вовлечь в дело моего брата!

– Вашего брата? – в изумлении воскликнул я. – Я и понятия не имел, что у вас есть брат!

– Вы меня удивляете, Гастингс. Разве вы не знаете, что все

прославленные детективы имели братьев, которые могли бы стать еще более прославленными, если бы не их врожденная леность?

Пуаро имел привычку иной раз говорить совершенно специфическим тоном, благодаря чему невозможно было понять, шутит он или серьезен. Вот и теперь он применил этот свой фокус.

– Как зовут вашего брата? – осторожно спросил я, пытаюсь освоиться с новой идеей.

– Ахилл Пуаро, – серьезно ответил мой друг. – Он живет в Бельгии, неподалеку от Спа.

– И чем он занимается? – любопытствовал я, стараясь не проявить удивления по поводу склонности покойной мадам Пуаро к необычным именам.

– Он не занимается ничем. Он, как я уже сказал, предается исключительно лени. Но его способности едва ли ниже моих собственных... а о них говорят, что они необычайны.

– Он похож на вас внешне?

– В общем да. Но он не так хорош собой. И он не носит усов.

– Он старше вас или моложе?

– Ему довелось появиться на свет в один день со мной.

– Близнецы! – воскликнул я.

– Совершенно верно, Гастингс. Вы с безупречной легкостью пришли к правильному выводу. Но вот и наш дом. Давайте-ка сегодня займемся тем маленьким дельцем... я имею в виду ожерелье герцогини.

Однако вопрос с ожерельем герцогини пришлось отложить – нас ожидало еще одно новое дело.

Домовладелица миссис Пирсон немедленно доложила нам, что пришла какая-то медсестра и ждет мсье Пуаро.

Медсестра сидела в кресле у окна – приятная женщина средних лет в темно-голубой униформе. Ей, похоже, трудно было приступить к рассказу, но Пуаро сумел быстро завоевать ее доверие, и она заговорила:

– Видите ли, мсье Пуаро, я прежде никогда не сталкивалась с чем-либо подобным. Меня от Ларкской сестринской общины направили в некий дом в Хертфордшире. К старому джентльмену, мистеру Темплтону. Это очень приятный дом, и люди там приятные. Жена, миссис Темплтон, намного моложе супруга, и еще с ними живет его сын от первого брака. Я не знаю, хорошо ли ладят между собой молодой человек и его мачеха. Он, видите ли... его не назовешь полностью нормальным. Не то чтобы совсем уж придурковатый, но определенно слишком тупой. Ну, болезнь пожилого мистера Темплтона с самого начала показалась мне очень загадочной.

Временами он вроде как бывал совершенно здоров, а потом вдруг у него начинался желудочный приступ с болями и тошнотой. А врач, похоже, считал, что все в порядке, он ничего мне не говорил. Но я поневоле об этом раздумывала. А потом...

Она замолчала и сильно покраснела.

– Произошло нечто, пробудившее в вас подозрения? – спросил Пуаро.

– Да.

Но, похоже, ей было трудно продолжить рассказ.

– Я обнаружила, что и слуги об этом сплетничают...

– О болезни мистера Темплтона?

– О, нет! О... о другом...

– О миссис Темплтон?

– Да.

– Миссис Темплтон и доктор, возможно?..

На такие вещи у Пуаро был сверхъестественный нюх. Сиделка бросила на него благодарный взгляд и продолжила:

– Они действительно сплетничали. А однажды я сама увидела их вместе... в саду...

Больше она ничего не добавила. Но наша клиентка была настолько взволнована, незачем было расспрашивать, что именно она заметила. Несомненно, увиденного ей было достаточно, чтобы сделать собственные выводы о ситуации в доме.

– Приступы становились все сильнее и сильнее. Доктор Тревес сказал, что это вполне естественно, и что этого следовало ожидать, и что мистер Темплтон едва ли проживет долго. Но я никогда прежде не видела ничего подобного – а я уже много лет работаю сиделкой. На мой взгляд, это было слишком уж похоже на... на...

Она помолчала, колеблясь.

– На отравление мышьяком? – подсказал Пуаро.

Она кивнула.

– И еще он, я имею в виду пациента, сказал как-то раз нечто непонятное, странное. Он сказал: «Они меня достанут, эти четверо. Они меня достанут».

– А? – вскрикнул Пуаро.

– Да, он именно это произнес, мсье Пуаро. У него в тот момент был сильный приступ боли, конечно, и он едва ли осознавал, что вообще говорит что-то.

– «Они меня достанут, эти четверо», – задумчиво повторил Пуаро. – Как вы думаете, кого он подразумевал под «четырьмя»?

– Вот уж этого я не могу сказать, мсье Пуаро. Я подумала, он, возможно, имел в виду жену, сына и доктора, и, возможно, мисс Кларк, компаньонку миссис Темплтон. Как раз четверо получается, правда? Он мог решить, что они сговорились против него.

– Вполне вероятно, вполне вероятно, – озабоченным тоном пробормотал Пуаро. – А как насчет пищи? Вы принимаете необходимые меры предосторожности?

– Я делаю все, что могу. Но, конечно, иной раз миссис Темплтон сама подает ему обед, и еще у меня же есть выходные дни.

– Да, верно. И ваши подозрения недостаточно тверды, чтобы вы могли обратиться в полицию?

На лице сиделки отразился ужас, едва она услышала слова Пуаро.

– О! Нет... Но я вот что сделала, мсье Пуаро. У мистера Темплтона был недавно особо сильный приступ после того, как он съел суп. Я собрала со дна тарелки остатки в пузырек и, когда сегодня мне дали выходной, чтобы я могла навестить больную матушку, забрала его с собой. Мистер Темплтон с утра неплохо себя чувствовал.

Она достала из сумки маленький флакон с темной жидкостью и подала его Пуаро.

– Блестяще, мадемуазель. Мы немедленно отправим это на анализ. Если вы вернетесь сюда, ну скажем, через час, я смогу сообщить вам, обоснованны ли ваши подозрения.

Узнав у посетительницы, как ее зовут и в каком медицинском учреждении она училась, Пуаро отпустил сиделку. Затем написал записку и, приложив ее к бутылочке, вызвал прислугу, чтобы отправить все в лабораторию. Пока мы ожидали результатов, Пуаро развлекался тем, что, к немалому моему удивлению, взялся за проверку личности медицинской сестры.

– Да-да, друг мой, – пояснил он, обращаясь ко мне. – Я должен быть осторожен. Не забывайте, что Большая Четверка идет по нашему следу.

Однако вскоре он убедился в том, что сиделка по имени Мейбл Палмер действительно направлена в дом Темплтона Ларкской общиной по запросу супруги больного.

– Пока что все в порядке, – сказал Пуаро, подмигнув мне. – А вот и сиделка Палмер возвращается, а заодно и результаты из лаборатории несут.

Действительно, они прибыли одновременно.

И медсестра, и я с нетерпением ждали, пока Пуаро прочитает отчет лаборатории.

– Там есть мышьяк? – едва слышно спросила сиделка.

Пуаро покачал головой, складывая лист бумаги.

– Нет.

Мы оба были невероятно удивлены.

– Мышьяка там нет, – продолжил Пуаро. – Но там есть сурьма. И по этому поводу мы немедленно отправляемся в Хертфордшир. Молите бога, чтобы мы успели.

Было решено, что проще всего будет, если Пуаро представится как детектив, кем он в действительности и являлся, а поводом для его посещения и расспросов миссис Темплтон станет некая служанка, недавно работавшая в доме и уволенная; имя девушки сообщила нам сиделка Палмер. Якобы ту девицу подозревают в краже драгоценностей по прежнему месту службы.

Было уже довольно поздно, когда мы прибыли в Элмстед (так называлось поместье). Мы подождали минут двадцать после того, как сиделка вошла, чтобы не возникло лишних вопросов по поводу нашего одновременного появления.

Миссис Темплтон, высокая, смуглая женщина, с беспокойным взглядом и манерными движениями, согласилась принять нас. Я заметил, что, когда Пуаро сообщил о роде своих занятий, она как-то резко, с шипением, вдохнула, как будто ее это поразило, но с готовностью ответила на все его вопросы об уволенной горничной. А затем, чтобы испытать леди, Пуаро принялся рассказывать длинную историю о случае с отравлением, который ему якобы довелось недавно расследовать. В истории фигурировала неверная жена. Глаза Пуаро во время рассказа не отрывались от лица миссис Темплтон, и ей, как она ни старалась, не удалось скрыть все нарастающее волнение. Внезапно она что-то пробормотала и поспешила вон из комнаты.

Но мы недолго оставались одни. Почти сразу в гостиную вошел коренастый человек с короткими рыжими усами и в пенсне.

– Доктор Тревес, – представился он. – Миссис Темплтон попросила меня принести за нее извинения. Она, знаете ли, не слишком хорошо себя чувствует. Волнение за мужа и прочее в этом роде. Я предписал ей бром и постель. Но она надеется, что вы останетесь разделить с нами скромную трапезу, а я постараюсь уговорить вас. Мы здесь слыхали о вас, мсье Пуаро, и мы надеемся воспользоваться случаем и получить удовольствие от вашего визита. А, вот и Микки!

В гостиную, волоча ноги, вошел молодой человек. У него было необычайно круглое лицо и высоко поднятые брови, придающие ему глупый вид – как будто он постоянно пребывал в удивлении. Он неловко

ухмылялся, когда мы пожимали друг другу руки. Это, понятно, был приемный сын хозяйки.

Вскоре мы направились в столовую. Доктор Тревес вышел ненадолго – чтобы откупорить какое-то вино, я думаю, – и неожиданно физиономия юноши поразительным образом изменилась. Он наклонился вперед, таращась на Пуаро.

– Вы приехали из-за отца, – заявил он, кивая головой, – уж *я-то* знаю. Я знаю многое, но никто об этом не догадывается. Матушка будет счастлива, когда отец умрет и она сможет выйти замуж за доктора Тревеса. Вы знаете, она мне не родная мать. Я ее не люблю. Она хочет, чтобы отец умер.

Сцена вышла чудовищная. К счастью, прежде чем Пуаро успел хоть что-то произнести, доктор вернулся, и мы принялись беседовать о разных вещах.

А потом вдруг Пуаро с глухим стоном откинулся на спинку стула. Его лицо исказилось от боли.

– Боже мой, сэр, что с вами? – воскликнул доктор.

– Спазм. Я к ним привык. Нет-нет, мне не требуется ваша помощь, доктор. Если можно, я бы прилег на минутку-другую где-нибудь наверху.

Его просьба была немедленно удовлетворена, и я проводил своего друга наверх, где он, испуская громкие стоны, повалился на кровать.

В первые минуты я и вправду решил, что ему плохо, но быстро сообразил, что Пуаро – как это уже случалось – разыгрывает комедию и что ему просто нужно остаться одному наверху, поблизости от спальни больного хозяина дома.

Поэтому я оказался вполне готов к тому, что, как только мы с Пуаро остались наедине, он вскочил на ноги.

– Быстрее, Гастингс, в окно! Там снаружи плющ. Мы можем выбраться, пока нас не заподозрили.

– Выбраться?

– Да, мы должны немедленно бежать из этого дома! Вы обратили на него внимание за обедом?

– На доктора?

– Нет, на молодого Темплтона! Он играл с кусочком хлеба. Помните, что рассказала нам Флосси Монро незадолго до смерти? Этот ее Клод Даррел имел привычку постукивать кусочком хлеба по столу, собирая на него крошки. Гастингс, это заговор, и этот юноша, который выглядит полным глупцом, – наш заклятый враг Номер Четвертый! Скорее!

Я не стал тратить время на споры. Пусть все это выглядело слишком

невероятным, все равно лучше было не медлить. Мы как можно более тихо и осторожно спустились вниз, цепляясь за стебли плюща, и напрямик помчались к городку и железнодорожной станции. Мы как раз успели на последний поезд в 8.34, который прибывал в Лондон около одиннадцати вечера.

– Заговор, – задумчиво сказал Пуаро. – Кто в него вовлечен, хотел бы я знать? Я подозреваю, что все семейство Темплтон состоит на службе у Большой Четверки. Неужели они намеревались просто заманить нас в ловушку и прихлопнуть? Или тут что-то посложнее? Может быть, они собирались играть комедию, чтобы поддерживать мой интерес какое-то время, а сами пока... что? Что им нужно было сделать? Хотел бы я знать...

Всю дорогу он пребывал в глубокой задумчивости.

Когда мы добрались до нашей квартиры, он остановил меня у двери гостиной.

– Внимание, Гастингс! Что-то мне это подозрительно... Позвольте, я войду первым.

Он так и сделал и, к моему недоумению, не стал нажимать на электрический выключатель пальцем, а использовал для этого старую галошу. Затем он обошел гостиную, как настороженный кот, внимательно всматриваясь, ни к чему не прикасаясь, явно ожидая подвоха. Я некоторое время наблюдал за ним, послушно стоя на пороге.

– Но все же в порядке, Пуаро, – сказал я наконец, потеряв терпение.

– Похоже на то, друг мой, похоже. Но следует убедиться.

– Вздор, – буркнул я. – Я разожгу камин в любом случае и закурю трубку. А, наконец-то я вас поймал! Спички последним брали вы и не вернули их в держатель, как обычно! А меня за это постоянно ругаете!

Я протянул руку к спичкам. Я еще слышал предостерегающий крик Пуаро... увидел, как он метнулся ко мне... моя рука коснулась спичечного коробка...

Затем – вспышка голубого огня... рвущий уши грохот... и темнота.

Я очнулся и увидел знакомое лицо нашего старого друга, доктора Риджвэя, склонившегося надо мной. Выражение кратковременной радости скользнуло в его глазах.

– Лежите, не двигайтесь, – мягко сказал он. – С вами все в порядке. Это был взрыв.

– А Пуаро? – пробормотал я с трудом.

– Вы у меня дома. Все в порядке.

– Пуаро? – повторил я. – Что с Пуаро?

Он понял, что мне необходимо все знать, и дальнейшее увиливание от

ответа пользы не принесет.

– Вы каким-то чудом уцелели, но Пуаро... нет.

С моих губ сорвался яростный крик:

– Но он не умер? Не умер?!

Риджвэй склонил голову, его лицо исказилось страданием.

С энергией отчаяния я оттолкнулся от постели и сел.

– Пуаро может умереть, – прошептал я. – Но его дух жив. Я закончу его работу! Смерть Большой Четверке!

А потом я упал на спину и потерял сознание.

Глава 16

Умиравший китаец

Даже теперь мне трудно писать о тех мартовских днях.

Пуаро – уникальный, неподражаемый Эркюль Пуаро – мертв! Это была воистину дьявольская идея – соединить заряд взрывчатки со спичечным коробком, который, без сомнения, привлек бы его взгляд, и Пуаро поспешил бы положить вещицу на место... и таким образом вызвал бы взрыв. Но так уж случилось, что катастрофу вызвал я и мучился теперь бесплодным раскаянием. Как и сказал доктор Риджвэй, я лишь чудом не погиб, получив только легкую контузию.

Хотя мне и казалось, что я очнулся почти сразу же после взрыва, на самом деле прошло больше двадцати четырех часов, прежде чем я вернулся к жизни. И только к вечеру следующего дня я смог с трудом дойти на подгибающихся ногах до соседней комнаты и горестно взглянуть на простой сосновый гроб, содержащий в себе останки одного из самых замечательных людей, каких когда-либо знал этот мир.

С того самого момента, как ко мне вернулось сознание, я думал об одном: отомстить за смерть Пуаро, начать безжалостную охоту на Большую Четверку.

Я был уверен, что доктор Риджвэй придерживается той же идеи, однако, к моему удивлению, добрый целитель оказался куда как равнодушен к ней.

– Возвращайтесь в Южную Америку, – таков был его совет, повторяемый при каждом удобном случае. Я спросил, почему он считает попытку мести бессмысленной. И со всей присущей ему вежливостью и мягкостью доктор пояснил: если уж Пуаро, неподражаемый, великий Пуаро потерпел неудачу, что может сделать обычный человек вроде меня?

Но я стоял на своем. Если оставить в стороне вопрос о том, обладал ли я достаточной квалификацией для подобного дела (и между прочим, замечу, что я далеко не полностью был согласен с его точкой зрения по этому поводу), я, в конце-то концов, так долго работал с Пуаро, что полностью постиг его методы и чувствовал себя способным продолжить расследование с того места, на котором остановился Пуаро; и вообще для меня это стало вопросом чести. Моего друга подло убили. Мог ли я спокойно вернуться в Южную Америку, не сделав хотя бы попытки

поставить убийц перед судом?

Я объяснил все это и многое другое доктору Риджвэю, который выслушал меня с полным вниманием.

– И тем не менее, – сказал он, когда я умолк, – мой совет остается прежним. Я искренне убежден, что и сам мсье Пуаро, будь он здесь, настаивал бы на вашем возвращении. И я умоляю вас, Гастингс, – умоляю его именем – оставить эти безумные идеи и вернуться на ваше ранчо.

На это можно было ответить лишь одним-единственным образом, и он, печально покачав головой, не добавил больше ни слова.

Прошел месяц, прежде чем я окончательно встал на ноги. К концу апреля я добился встречи с министром внутренних дел.

Поведение мистера Кроутера весьма напоминало поведение доктора Риджвэя. Министр отнесся к моим замыслам отрицательно и в то же время старался меня утешить. Вместо того чтобы поблагодарить меня за предложенную помощь в расследовании, он твердо отказался от моих услуг. Бумаги, переданные ему на хранение моим другом, оставались у него, и министр заверил меня, что он предпринимает все необходимые меры, чтобы справиться с надвигающейся угрозой.

И этим мне поневоле пришлось удовлетвориться. Мистер Кроутер закончил встречу настоятельным требованием: он хотел, чтобы я вернулся в Южную Америку. В целом я счел наш разговор совершенно непродуктивным.

Думаю, мне следовало бы описать похороны Пуаро. Это была торжественная и трогательная церемония, а количество присланных венков оказалось просто невообразимым. Цветы прислали и люди высшего общества, и бедняки, и вся страна, приютившая моего друга-бельгийца, скорбела вместе со мной. Я же, стоя на краю могилы, искренне страдал, вспоминая различные приключения и все те счастливые дни, которые мы провели вместе с Пуаро.

К началу мая у меня был готов план кампании. Я понял, что не могу сделать ничего лучше, кроме как следовать схеме Пуаро и продолжать сбор информации о Клоде Дарреле. Поэтому я дал объявление в несколько утренних газет. И вот как-то раз, сидя в маленьком ресторанчике в Сохо, я просматривал газеты, ища отклик на свой призыв, и вдруг увидел небольшую заметку, повергшую меня в ужас.

В ней очень коротко сообщалось о таинственном исчезновении мистера Джона Инглза с борта парохода «Шанхай» вскоре после его выхода из марсельского порта. Хотя погода была отличной, высказывалось предположение, что данный джентльмен каким-то образом упал за борт. В

конце заметки упоминалось, что мистер Инглз долгое время служил в Китае и имел немалые заслуги.

Новость была весьма неприятной. Я увидел в смерти мистера Инглза зловещий знак. Ни на одно мгновение я не поверил в предположение о несчастном случае. Инглз был убит, и его смерть лишь доказывала могущество проклятой Большой Четверки.

Пока я сидел там, ошеломленный новым ударом, и так и эдак обдумывая происшедшее, я вдруг обратил внимание на поразительное поведение человека, сидевшего напротив меня. До этого мгновения я не обращал на него внимания. Это был худощавый темноволосый мужчина средних лет, с болезненным цветом лица, с небольшой остроконечной бородкой. Он сел за мой стол так тихо, что я почти не заметил его появления.

Но то, что он сделал теперь, было странно, чтобы не сказать больше. Наклонившись вперед, он намеренно насыпал соль на мою тарелку – четырьмя маленькими кучками по краю.

– Извините меня, – произнес он унылым голосом, – но предложить незнакомцу соль означает развеять его печали, так говорят в некоторых странах. Конечно, может оказаться, что это бессмысленно. Но я надеюсь, что это не так. Я надеюсь, вы будете рассудительны.

Потом он с многозначительным видом повторил операцию с солью, на этот раз насыпав ее на свою тарелку. Символ 4 был настолько ясен, что об ошибке и речи не шло. Я внимательно всмотрелся в незнакомца. Он ничем не напоминал ни молодого Темплтона, ни лакея Джеймса, ни других сыгранных им персонажей – и все же я ничуть не сомневался, что передо мной сам устрашающий Номер Четвертый. Лишь в его голосе мне послышалось нечто напоминающее незнакомца в плотно застегнутом пальто, посетившего нас с Пуаро в Париже.

Я огляделся по сторонам, не зная, что делать. Прочитав мои мысли, Номер Четвертый улыбнулся и мягко покачал головой.

– Я бы вам этого не советовал, – заметил он. – Помните, что случилось из-за ваших необдуманных действий в Париже? Позвольте заверить вас, что у меня всегда наготове путь к отступлению. Ваши идеи всегда несколько простоваты, капитан Гастингс, если можно так сказать.

– Вы дьявол! – воскликнул я, задыхаясь от гнева. – Вы чертово отродье!

– Пылко... как всегда, пылко. Ваш уже оплаканный друг сказал бы сейчас, что человек, сохраняющий спокойствие, всегда имеет большое преимущество.

– И вы еще осмеливаетесь упоминать его! – закричал я. – Вы, убивший его так подло! И вы явились сюда...

Он перебил меня:

– Я пришел сюда с целями абсолютно мирными. Чтобы посоветовать вам вернуться в Южную Америку. Если вы уедете, дело на том и кончится – в том, что касается Большой Четверки. Вас и ваших близких больше никогда не потревожат. Даю вам слово.

Я презрительно расхохотался.

– А если я откажусь повиноваться вашему наглому приказу?

– Едва ли это можно назвать приказом. Это скорее... ну скажем, предостережение. – В его тоне прозвучала холодная угроза. – Первое предупреждение, – пояснил он уже мягко. – Вы проявите настоящую мудрость, если не пренебрежете им.

И тут же, прежде чем я успел заметить его намерение, он встал и быстро скользнул к выходу. В следующую секунду я уже вскочил и бросился за ним, но, к несчастью, не сумел разминуться с необычайно толстым человеком, загородившим проход между моим столом и соседним. К тому времени, когда я наконец проскочил мимо, преследуемый уже проходил сквозь двери, и тут, как назло, передо мной возникло новое препятствие в виде официанта с огромным подносом, полным тарелок, – он налетел на меня совершенно неожиданно. В общем, когда я добрался до выхода, я не обнаружил и следа человека с темной бородкой.

Официант рассыпался в извинениях, толстяк безмятежно уселся за стол и принялся заказывать ленч – ничто не указывало на то, что кто-то из них действовал целенаправленно. Все выглядело как случайность. И тем не менее у меня сложилось другое мнение. Я слишком хорошо знал, что агенты Большой Четверки вездесущи.

Нечего и говорить, что я не обратил ни малейшего внимания на их предупреждение. Я должен был или победить, или погибнуть. На свои объявления я получил всего два ответа. И ни один из них не содержал в себе хоть сколько-нибудь ценной информации. Оба сообщения пришли от актеров, в то или иное время игравших на сцене вместе с Клодом Даррелом. Но эти люди не были знакомы с Даррелом достаточно близко и не могли пролить света на его происхождение или нынешнее местопребывание.

И от Большой Четверки не было никаких известий, пока не прошло десять дней. А на одиннадцатый я шел через Гайд-парк, погруженный в мысли, когда меня окликнули глубоким голосом с иностранным акцентом:

– Капитан Гастингс, не так ли?

Большой лимузин притормозил у тротуара. Из него выглянула женщина, одетая в изысканное черное платье, с изумительными жемчугами на шее. Я сразу узнал леди, знакомую мне сначала под именем графини Веры Русаковой, а затем под различными псевдонимами в роли агента Большой Четверки. Пуаро по тем или иным причинам всегда испытывал к графине тайную нежность. Что-то в ее пышной и яркой внешности привлекало маленького мужчину. Графиня была, как он не раз восклицал в приступах восторга, редчайшей женщиной. То, что она выступала против нас, на стороне наших злейших врагов, ничуть не меняло его суждения.

– Ах, да не смотрите вы на меня так! – сказала графиня. – Я должна сказать вам кое-что важное. И не пытайтесь меня арестовать, это было бы слишком глупо. Вы всегда были глуповаты... да-да, именно так! Вы и теперь глупец, потому что не приняли во внимание наше предостережение. Я принесла вам второе. Немедленно уезжайте из Англии. Вы все равно ничего не сможете здесь сделать... это я вам честно говорю. Вам не довести дела до конца.

– В таком случае, – упрямо сказал я, – мне кажется весьма странным, что вы так тревожитесь из-за меня и упорно хотите выгнать из этой страны.

Графиня пожала плечами – великолепные плечи, великолепный жест!

– Если говорить обо мне, я и это считаю глупостью. Но главари, видите ли, боятся, что какие-то ваши слова или поступки могут помочь тем, кто сообразительнее вас. А потому – вас следует выслать.

Графиня, похоже, была весьма лестного мнения о моих способностях. Я подавил раздражение. Без сомнения, она появилась на моем пути лишь затем, чтобы рассердить меня и дать мне понять, что я ровно ничего не значу.

– Конечно, было бы совсем нетрудно... э-э... устранить вас, – продолжила она, – но я бываю иной раз ужасно сентиментальна. Я просила за вас. У вас ведь где-то есть милая маленькая женушка, так? И вашему бедному маленькому другу, который погиб, было бы приятно знать, что вас не убили. Он мне всегда нравился, вы это знаете. Он был умен... весьма умен! Если бы он не выступил один против тех четверых, он мог бы многого достичь, я уверена. Я открыто это признаю – он был моим учителем! Я послала венок на его похороны в знак моего восхищения – огромный венок из алых роз. Алые розы хорошо отражают мой характер.

Я выслушал все это молча со все нарастающим отвращением.

– Вы похожи на мула, когда он прижимает уши и начинает брыкаться. Ну, я вам передала предупреждение. Помните, что третье предупреждение вы получите из рук Истребителя...

Она кивнула шоферу, и автомобиль двинулся с места и быстро покатил вперед. Я машинально запомнил номер, но вовсе не надеялся, что он приведет меня к чему-то. Большая Четверка никогда не бывала небрежной в деталях.

Я, словно протрезвев, пошел домой. Из потока слов, пролитого графией, следовало одно. Моей жизни угрожала серьезная опасность. И хотя я вовсе не намеревался прекращать борьбу, я понял, что теперь мне придется каждый шаг делать с большой осторожностью.

Пока я обдумывал все эти события и искал наилучшую линию поведения, зазвонил телефон. Я пересек комнату и снял трубку:

– Да, алло... Кто это говорит?

Я услышал резкий голос:

– Вам звонят из госпиталя Святого Юлиана. У нас тут китаец, его ударили ножом на улице, и он попал к нам. Он при смерти. Мы позвонили именно вам потому, что нашли у него в кармане обрывок бумаги с вашим именем и адресом.

Я был в крайнем изумлении. Однако после мгновенного раздумья я сказал, что, пожалуй, приеду прямо сейчас. Госпиталь Святого Юлиана находился, насколько я знал, неподалеку от доков, и мне пришло в голову, что китаец, возможно, сошел с какого-то корабля.

И только когда я уже ехал в госпиталь, меня пронзило внезапное подозрение. А что, если это ловушка? Кто бы ни был этот китаец, здесь мог приложить руку Ли Чанг Йен. Я припомнил западню с мнимым отравлением. И если звонок – еще одна уловка моих врагов?

По некотором размышлении я решил, что в любом случае от визита в госпиталь вреда быть не может. Возможно, это и не имеет отношения к заговору. Конечно, умирающий китаец мог сообщить мне нечто такое, что завело бы меня прямо в руки Большой Четверки, но, если я буду осторожен и внимателен и притворюсь доверчивым остолопом, я могу узнать кое-что полезное.

Как только я прибыл в госпиталь Святого Юлиана и назвал себя, меня тут же провели в травматическое отделение к постели пострадавшего. Он лежал абсолютно неподвижно, глаза были закрыты, и лишь едва заметное дыхание давало понять, что он еще жив. Возле постели стоял врач, держа руку на пульсе китайца.

– Он едва жив, – прошептал доктор. – Вы его знаете?

Я покачал головой.

– Никогда его не видел.

– Тогда почему у него в кармане были ваше имя и адрес? Вы ведь

капитан Гастингс, так?

– Да, но я понимаю в этом деле не больше вашего.

– Удивительно. Из его документов ясно, что он служил в доме некоего Инглза, отставного государственного служащего. А, так вы с ним знакомы? – быстро произнес врач, поскольку я остолебенел, услышав произнесенное имя.

Слуга Инглза! Тогда я *наверняка* видел его прежде. Вот только я так и не научился отличать одного китайца от другого. Должно быть, он вместе с Инглзом отправился в Китай, а после гибели хозяина вернулся в Англию с каким-то сообщением – может быть, даже и для меня. Я понял, что узнать это сообщение не просто необходимо, а жизненно важно.

– Он в сознании? – спросил я. – Он может говорить? Мистер Инглз был моим старым другом, и я думаю, этот бедняга принес мне какое-то известие от него. Видите ли, мистер Инглз пропал дней десять назад, и предполагают, что он упал за борт.

– Он в сознании, но я сомневаюсь, что он сможет что-то сказать. Знаете, он потерял чертовски много крови. Конечно, я могу ввести ему дополнительную дозу стимулятора, но вообще-то мы уже сделали все, что было в наших силах.

Тем не менее он сделал китайцу подкожное вливание, а я стоял возле постели, надеясь, несмотря ни на что, услышать нечто важное... увидеть некий знак... что-то, что может оказаться для меня весьма ценным в погоне за врагами. Но минуты шли, а знака не было.

Внезапно меня осенила зловещая идея. А что, если я уже в ловушке? Предположим, что этот китаец лишь притворился слугой Инглза, а на самом деле он один из агентов Большой Четверки? Разве я не читал столько раз о китайских жрецах, способных симулировать смерть? Или, предположим, у Ли Чанг Йена есть группа фанатиков, готовых умереть по его приказу, лишь бы добиться нужного результата? Мне следовало быть настороже...

И как раз в то самое мгновение, когда все эти мысли мелькали в моей голове, умирающий пошевелился. Он что-то неразборчиво пробормотал. Потом я заметил, как его глаза приоткрылись, и он бросил на меня взгляд. Он ничем не показал, что узнал меня, но я почувствовал, что он хочет говорить со мной. Будь он врагом или другом, я должен был его выслушать.

Я наклонился над кроватью, но отрывистые звуки, издаваемые умирающим, не имели для меня никакого смысла. Мне показалось, что я уловил что-то вроде «хенд», но к чему это относилось, было непонятно. Потом я разобрал еще одно слово – и это было слово «ларго». Я изумленно

установился на китайца, потом услышанное как-то само собой связалось в моем уме.

– Ларго Генделя? – спросил я.

Веки китайца слабо дрогнули, словно подтверждая мою догадку, и умирающий произнес еще одно итальянское слово – «карроза». Еще два или три слова по-итальянски донеслись до моих ушей, а потом китаец вздрогнул и вытянулся.

Врач оттолкнул меня в сторону. Все было кончено. Пострадавший умер.

Я вышел на улицу, недоумевая.

Ларго Генделя и «карроза». Если я не ошибался, слово «карроза» означало «экипаж». Что могли значить эти простые слова? Умерший был китайцем, а не итальянцем, так почему же он говорил по-итальянски? Ведь если он служил у Инглза, он должен был неплохо знать английский? Все это выглядело совершенно загадочно. Я размышлял над происшедшим всю дорогу до дома. Ох, если бы Пуаро был здесь, он бы с блеском разрешил проблему.

Я отпер дверь своим ключом и не спеша прошел в квартиру. На столе я увидел конверт и весьма осторожно распечатал его. Но, едва начав читать, я просто ошеломился.

Это было сообщение от адвокатской фирмы.

«Дорогой сэр (так оно начиналось).

По требованию нашего покойного клиента, мистера Эркюля Пуаро, мы пересылаем Вам прилагаемое письмо. Письмо было передано нам за неделю до гибели мистера Пуаро с инструкцией, что в случае его преждевременной кончины мы должны послать его Вам через определенное время.

Искренне Ваши, и так далее».

Я повертел запечатанный конверт. Определенно его надписывал Пуаро. Я слишком хорошо знал его почерк. С тяжелым сердцем я надорвал конверт и прочитал:

«Mon cher ami!^[18]

Когда вы получите эту записку, меня уже не будет в живых. Не стоит лить обо мне слезы, лучше выполните мои распоряжения. Немедленно по получении письма возвращайтесь в Южную Америку. И не упрямитесь. Я требую, чтобы вы

пустились в это путешествие, совсем не из сентиментальности. *Это необходимо.* Это часть плана Эркюля Пуаро! Говорить больше нет необходимости – в особенности такому сообразительному человеку, как мой друг Гастингс.

Смерть Большой Четверке! Приветствую вас, друг мой, с того света!

Всегда Ваш – Эркюль Пуаро».

Я читал и перечитывал это удивительное послание. Одно было мне совершенно ясно. Этот потрясающий человек был настолько предусмотрителен, что даже собственная смерть не могла нарушить его планы! Я всегда был исполнителем – он был созидающим гением. Можно не сомневаться, за морем меня ждут подробные инструкции к действию. А тем временем мои враги, убежденные в том, что я послушался их приказа, и думать обо мне забудут. Я смогу вернуться, не вызвав ни малейших подозрений, и произвести опустошение в их рядах.

Ничто не препятствовало моему немедленному отъезду. Я отправил несколько телеграмм, собрал вещи и через неделю уже плыл в Буэнос-Айрес на «Ансонии».

Как только судно вышло из залива, стюард принес мне записку. Он пояснил, что конверт передал ему высокий джентльмен в меховом пальто, сошедший на берег как раз перед тем, как подняли трап.

Я вскрыл конверт. В нем лежала краткая записка:

«Вы поступили мудро».

Вместо подписи стояла большая цифра 4.

Теперь я мог позволить себе язвительную улыбку!

Море было почти спокойным. Я вполне удовлетворительно поужинал, отбросив все заботы, как и большинство пассажиров, и сыграл пару партий в бридж. Потом я отправился в свою каюту и уснул мертвым сном, как всегда сплю во время морских путешествий.

Я проснулся от того, что кто-то настойчиво тряс меня. Удивленный и недоумевающий, я сел на постели и увидел перед собой одного из штурманов. Когда я проснулся, он вздохнул с облегчением.

– Слава богу, наконец-то я вас разбудил! Надо признать, нелегкая это работенка! Вы всегда так спите?

– В чем дело? – спросил я, все еще ничего не понимая и даже не до

конца проснувшись. – Что-то случилось?

– Я думаю, вы должны это знать лучше меня, – сухо ответил офицер. – Мы получили секретный приказ Адмиралтейства. Вы должны перейти на эсминец, он ждет вас.

– Что?! – воскликнул я. – Посреди океана?!

– Да, это выглядит загадочно, но меня это не касается. Они специально прислали какого-то молодого человека, он займет ваше место, а мы все поклялись соблюдать тайну. Может, все-таки встанете и оденетесь?

Не в силах скрыть изумление, я выполнил его просьбу. Шлюпка уже ждала, и меня доставили на эсминец. Там меня встретили весьма обходительно, однако никаких объяснений я не услышал. У командира был приказ: доставить меня в определенную точку на побережье Бельгии. Больше он ничего не знал.

Все это выглядело как странный сон. Лишь одна мысль твердо угнездилась в моей голове: то, что происходит, является частью плана Пуаро. Я решил довериться судьбе, положившись на его волю. На берегу меня ждал автомобиль, и вскоре я уже мчался по широким фламандским долинам. Ночь я провел в маленькой гостинице в Брюсселе. На следующий день путешествие продолжилось. Теперь окрестности стали лесистыми, вокруг поднялись холмы. Я понял, что мы направляемся к Арденнам, и вдруг вспомнил, что Пуаро говорил как-то: в Спа живет его брат.

Но мы ехали не в Спа. Мы свернули с шоссе, углубились в горные леса и наконец добрались до маленькой деревушки, неподалеку от которой, высоко на склоне, покрытом лесом, стояла уединенная белая вилла. Автомобиль остановился перед зеленой дверью виллы.

Дверь распахнулась, едва я вышел из машины. Пожилой слуга поклонился мне.

– Мсье капитан Гастингс? – спросил он по-французски. – Мсье ожидают. Не соизволите ли последовать за мной?

Он провел меня через холл и распахнул дальнюю дверь, отступая в сторону, чтобы пропустить меня.

Я слегка зажмурился, поскольку окна комнаты выходили на запад, и ее заливало послеполуденное солнце. Наконец мои глаза освоились с ярким светом, и я увидел человека, распахнувшего объятия мне навстречу.

Это был... нет, это невозможно... но... да!

– Пуаро! – кричал я и на этот раз не стал уклоняться от его рук. Мы обнялись.

– Ну да, это я, это действительно я! Не так-то просто убить великого Эркюля Пуаро!

– Но, Пуаро...

– А ruse de guerre^[19], друг мой, а ruse de guerre. Все готово для решительного шага!

– Но вы могли бы сказать *мне!*

– Нет, Гастингс, не мог. Никогда, ни за что вы не смогли бы хорошо сыграть роль на моих похоронах. А так – все было великолепно. У Большой Четверки не осталось ни малейших сомнений.

– Но что мне пришлось пережить...

– Не думайте, что я такой уж бесчувственный. Я предпринял все это лишь ради вашей же безопасности. Я был готов рискнуть собственной жизнью, но я не мог позволить себе постоянно рисковать вашей. И после взрыва меня осенила блестящая идея. Добрый Риджвэй помог мне осуществить ее. Я мертв, вы возвращаетесь в Южную Америку... Но, друг мой, вы могли не захотеть вернуться домой! И потому я оставил письмо у своих адвокатов... Ну, это все пустая болтовня. Вы здесь, несмотря ни на что, и это великолепно. И мы с вами затаимся до тех пор, пока не настанет момент – момент победы над Большой Четверкой!

Глава 17

Номер Четвертый проделывает фокус

Из нашего тихого убежища в Арденнах мы наблюдали за событиями в мире. Мы получали множество газет, и еще для Пуаро каждый день доставляли пухлый конверт, явно содержащий в себе нечто вроде отчета по делу. Пуаро никогда не показывал мне этих бумаг, но по его настроению и поведению нетрудно было догадаться, содержались в них хорошие новости или наоборот. Впрочем, он ни на секунду не усомнился в том, что наш план должен увенчаться только успехом и никак иначе.

– В недавнем прошлом меня постоянно пугала возможность вашей гибели прямо на пороге моего дома, Гастингс, – сказал он как-то. – И это заставляло меня нервничать – как кошку перед прыжком, так ведь у вас говорят? Но теперь я всем доволен. Даже если они обнаружат, что прибывший в Южную Америку капитан Гастингс – самозванец (а я не думаю, что это обнаружат – ведь едва ли они станут посылать агента, знающего вас лично), – они всего лишь подумают, что вы пытаетесь обмануть их с присущей вам изобретательностью, и не станут предпринимать серьезных усилий для ваших поисков. В самом главном – в моей смерти – они полностью убеждены. И они двинутся вперед и начнут реализовывать свои планы.

– А потом? – пылко спросил я.

– А потом, *mon ami*, произойдет великое воскрешение Эркюля Пуаро! В одиннадцатом часу я воскресну, повергну их в смятение и одержу победу в моей неподражаемой манере!

Я понял, что тщеславие Пуаро – нечто такое, что выдержит без ущерба для себя любые испытания. Я напомнил, что раз-другой победа доставалась нашему противнику. Но мне бы следовало знать, что невозможно притушить восхищение Эркюля Пуаро его собственным методом.

– Видите ли, Гастингс, это вроде маленького карточного фокуса. У вас четыре валета, вы их разделяете – один наверху колоды, второй внизу, и так далее. Потом вы снимаете карты, тасуете – и оп! – валеты снова лежат все вместе. Это и есть моя цель. Так я и действую – то против одного члена Большой Четверки, то против другого. Но дайте только мне собрать их всех вместе, как валетов в колоде карт, и я прихлопну их одним удачным ходом!

– А как вы предполагаете собрать их вместе? – спросил я.

– Я просто выжду подходящий момент. Я буду лежать, *затаившись*, пока они не сочтут себя готовыми нанести удар.

– Может понадобится много времени, – пробормотал я.

– Он, как всегда, нетерпелив, мой добрый Гастингс! Но – нет, это будет недолго. Тот единственный человек, которого они боялись, то есть я, убрался с их пути. Я даю им самое большее два месяца.

Его слова «убрался с их пути» вдруг заставили меня вспомнить об Инглзе и его трагической гибели, и я сообразил, что до сих пор не рассказал Пуаро о китайце, умершем в госпитале Святого Юлиана.

Пуаро выслушал мою историю с предельным вниманием.

– Значит, слуга Инглза? И те несколько слов, что он произнес, были итальянскими? Интересно...

– Именно поэтому я заподозрил, что китаец мог быть подослан Большой Четверкой.

– Ваше рассуждение ошибочно, Гастингс. Заставьте работать свои маленькие серые клеточки! Если бы ваши враги хотели обмануть вас, они обязательно учли бы то, что китаец должен говорить по-английски, хотя и плохо. Нет, послание было настоящим. Повторите-ка еще раз, что вы слышали?

– Сначала он упомянул о Ларго Генделя, а потом сказал что-то вроде «карроза» – это ведь экипаж, карета, правильно?

– И больше ничего?

– Ну, в самом конце он пробормотал нечто похожее на «кара», но на кого он ее призывал, я не понял... и какое-то женское имя. Зия, думаю. Но вряд ли это может иметь значение.

– Ошибаетесь, Гастингс. Кара Зия – это очень важно, действительно очень важно!

– Я не понимаю...

– Мой дорогой друг, вы *никогда* не поймете... просто потому, что англичане не знают географии.

– Географии? – воскликнул я. – При чем тут география?!

– Думаю, точнее бы объяснил мсье Томас Кук^[20].

Как обычно, Пуаро отказался дать дальнейшие пояснения – это одна из его самых неприятных привычек. Но я обратил внимание, что он заметно повеселел после нашего разговора, как будто что-то выиграл.

Дни текли, приятные, хотя и слегка однообразные. На вилле нашлось множество книг, окрестности были просто изумительны и манили погулять, но я иной раз немного нервничал из-за нашей бездеятельности и из-за непоколебимой безмятежности Пуаро. Ничто не тревожило нашего

покоя, и так все и шло до конца июня, и вот наконец пришли новости о Большой Четверке.

Однажды утром к вилле подкатил автомобиль, и это было настолько необычным для нас событием, что я поспешил вниз, чтобы удовлетворить свое любопытство. Я увидел, как Пуаро разговаривает с симпатичным человеком примерно моих лет, с виду похожим на крестьянина.

Пуаро представил его мне:

– Это капитан Харви, Гастингс, один из наиболее известных сотрудников вашей разведки.

– Ну, боюсь, не так уж я и известен, – со смехом произнес молодой человек.

– Лучше сказать – неизвестен тем, кому не следует о вас знать, – уточнил Пуаро. – Большинство знакомых капитана Харви считают его очень милым, но довольно безмозглым молодым человеком, который интересуется только травлей лисиц да танцами.

Тут уж и я рассмеялся.

– Ну ладно, перейдем к делу, – сказал Пуаро. – Значит, вы считаете, что время настало?

– Мы уверены в этом, сэр. Китай сейчас оказался в политической изоляции. Что там происходит, никому не известно. Никаких новостей оттуда нет, ни по телеграфу, ни иными путями... После социального взрыва – полное молчание!

– Ли Чанг Йен проявил себя. А остальные?

– Эйб Райланд неделю назад прибыл в Англию, а вчера отправился на континент.

– А мадам Оливер?

– Мадам Оливер прошлой ночью выехала из Парижа.

– В Италию?

– Да, сэр, в Италию. Насколько мы понимаем, они оба направляются именно в то место, которое вы назвали... хотя откуда вам стало известно...

– Ах, мне тут как раз и нечем особо похвастать! Это работа Гастингса. Он, видите ли, скрывает свой ум, но его ум глубок!

Харви посмотрел на меня с уважением, и я ощутил некоторую неловкость.

– Итак, все на ходу, – сказал Пуаро. Он теперь был абсолютно серьезен и даже слегка побледнел. – Время пришло. Вы все подготовили?

– Все ваши приказы в точности выполнены. Правительства Италии, Франции и Англии поддерживают вас, и мы работаем синхронно со всеми разведслужбами.

– Это, по сути, что-то вроде новой Антанты, – сухо заметил Пуаро. – Я рад, что наконец сумели убедить Дежардо. Что ж, начнем... точнее, я начну. Вы, Гастингс, останетесь здесь – да, прошу вас! Поверьте, друг мой, так будет лучше... я не шучу.

Я верил, но вовсе не собирался оставаться в тылу. Короткий спор с Пуаро завершился в мою пользу.

Лишь когда мы очутились в поезде, мчащем нас к Парижу, мой друг признал, что вообще-то доволен моей настойчивостью.

– Потому что вы – часть игры, Гастингс. Важная часть! Без вас я могу и проиграть. Тем не менее я чувствовал, что моя обязанность – попытаться избавить вас от опасности.

– Так, значит, нас ждет опасность?

– Мон ами, там, где Большая Четверка, всегда опасно!

Прибыв в Париж, мы тут же отправились на другой вокзал, и только тогда Пуаро сообщил о конечной цели нашего путешествия. Мы ехали в Больцано, итальянский Тироль.

Когда Харви зачем-то вышел из экипажа, я, воспользовавшись случаем, спросил Пуаро, почему он сказал, будто это я разведал место встречи Большой Четверки.

– Потому что так оно и было, друг мой. Я не знаю, как Инглзу удалось раздобыть такие сведения, но он это сделал, и он послал к нам своего слугу. Мы направляемся, мон ами, в Карерси, хотя теперь итальянцы называют это место Лаго ди Карецца. Теперь вы понимаете, чем обернулась ваша «Кара Зия», а также «карроза» и «ларго»... Генделя приплело сюда ваше неумное воображение.

– Карерси? – переспросил я. – Никогда о нем не слышал!

– Я всегда говорил вам, что англичане не знают географии. А ведь это – хорошо известный, прекрасный курорт, в четырех тысячах футов над уровнем моря, в самом сердце Доломитовых Альп.

– И это и есть тихий уголок, который Большая Четверка избрала для сбора?

– Скорее там их штаб-квартира. Знак сбора подан, и они намерены теперь исчезнуть с глаз всего мира и отдавать приказы из своей горной цитадели. Там уже провели разведку. Вокруг городка – множество каменных карьеров и разработок минералов, и практически все компании (а в основном там представлены небольшие итальянские фирмы) на самом деле принадлежат Эйбу Райланду. Готов поклясться, что там есть огромные подземные пещеры, вход в которые найти практически невозможно. И оттуда руководители организации могут по радио отдавать приказы своим

последователям, которых уже тысячи в каждой стране. А потом из-под скал в Доломитах восстанут над миром новые диктаторы. То есть я хочу сказать, восстали бы, если бы не Эркюль Пуаро.

– Вы в это действительно верите, Пуаро? А как насчет армий и всего государственного аппарата цивилизованных стран?

– А как насчет России, Гастингс? Это будет новая Россия, только в необозримо больших масштабах... К тому же у нас возникает дополнительная угроза: в своих экспериментах мадам Оливер зашла даже дальше, чем рассчитывала. Я уверен, что она довольно преуспела в освобождении энергии атома и может использовать ее в своих целях. Успешными были и ее опыты с атмосферным азотом, а еще она работала над передачей энергии без проводов – и в результате получен луч огромной разрушающей силы, который можно направить на любой желаемый объект. Вообще-то никому в точности не известно, что еще может эта леди, но можно не сомневаться: может она куда больше, чем предполагает ученый мир. Она гений, эта женщина – мадам Кюри ничто рядом с ней. Добавьте к ее гениальности практически неограниченные средства Эйба Райланда и мозги Ли Чанг Йена, величайшего из всех известных в истории преступного ума, создающего планы, – и пожалуйста, цивилизации конец!

Слова Пуаро заставили меня глубоко задуматься. Хотя мой друг любил использовать в своей речи преувеличения, он при этом вовсе не был паникером. И я впервые осознал, в какую отчаянную и безнадежную борьбу мы ввязались.

Харви вскоре вернулся, и мы поехали дальше.

В середине дня мы добрались до Больцано. Оттуда мы должны были ехать на машинах. Несколько больших синих автомобилей стояли на центральной площади города, и мы вдвоем сели в один из них. Пуаро, несмотря на дневную жару, поднял воротник пальто и закутался в шарф. Только и видно было, что глаза да кончики ушей.

Я не знал, было ли это попыткой маскировки, или же просто Пуаро боялся схватить простуду. Мы ехали около двух часов. Это было воистину прекрасное путешествие. Первую половину пути мы мчались вверх и вниз по горному серпантину с искрящимися водопадами по одну сторону дороги. Потом мы выбрались в плодородную долину, протянувшуюся на несколько миль, а затем, поднимаясь, стремясь теперь уже только вверх и вверх, дорога завела нас в густые сосновые леса, и мы уже видели над собой заснеженные каменистые вершины. В целом местность была дикой и чарующей. Потом последовало несколько крутых поворотов дороги, по-прежнему шедшей среди сосен, и внезапно перед нами возник большой

отель – конечный пункт нашей поездки.

Для нас был заказан номер, и Харви проводил меня и Пуаро напрямик туда. Окна наших комнат выходили на каменистые вершины поодаль и ведущие к ним длинные склоны, поросшие соснами.

Пуаро всмотрелся в ближайший склон.

– Так это здесь? – негромко спросил он.

– Да, – ответил Харви. – Это место называют лабиринтом Фельсена – видите, там самым беспорядочным образом нагромождены валуны и между ними вьется тропинка? Справа от них – карьер. Но мы думаем, что вход в подземное убежище – в лабиринте Фельсена.

Пуаро кивнул.

– Идемте, друг мой, – обратился он ко мне. – Спустимся вниз и посидим на террасе, полюбуемся на солнце.

– Вы думаете, это будет мудрым поступком? – спросил я.

Он лишь пожал плечами.

Солнце здесь было великолепным – вообще-то говоря, оно было для меня даже слишком ярким. Мы вместо чая выпили кофе со сливками, потом поднялись к себе и распаковали свой скудный багаж. Пуаро пребывал в особом настроении, впав в своего рода мечтательность. Раз-другой он покачал головой в ответ на собственные мысли и глубоко вздохнул.

Меня весьма заинтересовал некий мужчина, вышедший вместе с нами из поезда в Больцано; его ожидал частный автомобиль с шофером. Он был маленького роста, и мое внимание привлекло то, что он был почти так же закутан, как Пуаро. И более того, вдобавок к пальто и шарфу он нацепил огромные синие очки. Я был убежден, что это – представитель Большой Четверки. Но Пуаро, похоже, не проникся моей идеей; однако позже, когда я выглянул из окна своей спальни и увидел этого же самого человека гуляющим вокруг отеля, Пуаро признал, что, возможно, в моем предположении что-то есть.

Я настаивал, чтобы мой друг не спускался к ужину, однако он решил по-своему. Мы вошли в ресторанный зал довольно поздно, и нас проводили к столику возле окна. Как только мы сели, наше внимание привлек чей-то вскрик и грохот бьющегося фарфора. Большое блюдо зеленой фасоли опрокинулось на человека, сидевшего за столиком по соседству с нами.

Прибежал старший официант и рассыпался в извинениях.

Вскоре, когда нам подавали суп, Пуаро заговорил с официантом:

– Какое неприятное происшествие, в самом деле. Но вашей вины тут нет.

– Мсье все видел? Да, я тут ни при чем. Тот джентльмен вдруг как

подпрыгнет на стуле – я даже подумал, что у него что-то вроде приступа. Я ничего не мог поделать!

Я увидел, как глаза Пуаро засияли так хорошо знакомым мне зеленым светом; когда официант удалился, мой друг сказал негромко:

– Вы видите, Гастингс, эффект появления Пуаро – живого и невредимого!

– Вы полагаете...

Я не успел продолжить, потому что ощутил на колене руку Пуаро, и он взволнованно прошептал:

– Смотрите, Гастингс, смотрите! *Что он делает с хлебом!* Номер Четвертый!

В этом и вправду можно было не сомневаться. Человек, сидевший за соседним столом, был чрезвычайно бледен, а его пальцы машинально постукивали по столу кусочком хлеба.

Я внимательно рассмотрел его. Его лицо, гладко выбритое и довольно полное, выглядело нездорово, под глазами залегли тени, от носа к углам рта бежали глубокие складки. Ему могло быть от тридцати пяти до сорока пяти. Он ничем не напоминал ни один из тех персонажей, в роли которых мы уже видели Номер Четвертый. Да, если бы не его странная привычка играть с кусочком хлеба, о которой он явно и не подозревал, я с готовностью поклялся бы, что человека, сидящего неподалеку, я вижу впервые в жизни.

– Он узнал вас, – пробормотал я. – Вам не следовало спускаться.

– Мой великолепный Гастингс, я три месяца назад сыграл свою собственную смерть именно ради этой цели!

– Чтобы поразить Номера Четвертого?

– Чтобы поразить его в тот момент, когда ему придется или действовать мгновенно, или вообще отказаться от действия. К тому же, заметьте, у нас немалое преимущество – он не догадывается, что мы его опознали. Он думает, что он в безопасности в своем новом гриме. Как я благодарен Флосси Монро, рассказавшей нам о его интересной привычке!

– И что теперь будет? – спросил я.

– А что может быть? Он увидел того единственного человека, которого по-настоящему боится, чудесным образом восставшего из гроба, и увидел именно сейчас, когда планы Большой Четверки готовы осуществиться. Мадам Оливер и Эйб Райланд сегодня обедали здесь, и предполагается, что они уехали в Кортину. Только мы знаем, что они скрылись в своем тайном убежище. Что мне известно? – вот вопрос, который сейчас задает себе Номер Четвертый. Он не смеет рисковать. Меня необходимо остановить

любой ценой. Следовательно, позволим ему попытаться остановить Эркюля Пуаро! Я буду готов к этому.

Как только Пуаро умолк, человек за соседним столиком встал и ушел из ресторана.

– Он отправился подготовиться к операции, – безмятежно произнес Пуаро. – Не выпить ли нам кофе на террасе, друг мой? Думаю, это было бы приятно. Я только поднимусь наверх и накину пальто.

Я вышел на террасу, слегка встревоженный. Пуаро не до конца убедил меня. Однако, пока я рядом и настороже, ничего не может с нами случиться. Я решил сохранять ежесекундную бдительность.

Прошло минут пять, прежде чем Пуаро присоединился ко мне. Испытывая привычный страх перед холодом, он закутался по самые уши. Он сел рядом со мной и с удовольствием отхлебнул кофе.

– Только в Англии кофе такой отвратительный, – заметил он. – На континенте понимают, как важен для пищеварения хорошо приготовленный кофе.

Едва он договорил, как на террасе появился тот человек с соседнего столика. Без малейших колебаний он подошел к нам и сел рядом.

– Надеюсь, вы не будете возражать, если я к вам присоединюсь, – сказал он по-английски.

– Ничуть, мсье, – ответил Пуаро.

Я почувствовал себя неуверенно. Конечно, мы находились на террасе отеля, вокруг нас было множество людей, и тем не менее мне все это не нравилось. Я чувствовал близость опасности.

Номер Четвертый тем временем совершенно естественно болтал о чем попало. Просто невозможно было поверить, что он – вовсе не беззаботный турист. Он спокойно рассказывал об экскурсии на автомобилях по окрестностям курорта.

Потом он достал из кармана трубку и начал ее раскуривать. Пуаро достал свой портсигар. Как только он поднес сигарету к губам, наш навязчивый собеседник наклонился вперед, протягивая горящую спичку.

– Позвольте предложить вам огня...

И в то самое мгновение в отеле вдруг погас свет. Послышался звон разбившегося стекла, и тут же что-то едкое брызнуло мне в нос, я задохнулся...

Глава 18

В лабиринте Фельсена

Вряд ли я потерял сознание больше чем на минуту. Придя в себя, я обнаружил, что меня тащат двое мужчин. Они крепко держали меня под руки, быстро волоча мое тело куда-то, а во рту у меня был кляп. Вокруг царила кромешная тьма, но я понял, что мы еще пробираемся через гостиницу и не вышли наружу. Вокруг слышались голоса людей, на всех языках требовавших объяснить, что, черт побери, произошло с электричеством. Те, кто захватил меня в плен, заставили меня спуститься по нескольким ступенькам. Затем мы промчались по подвальному коридору, затем – сквозь какую-то дверь – похоже, мы выскочили наружу через черный ход отеля. А в следующее мгновение уже очутились среди сосен.

Я мельком заметил другую фигуру – человека, находившегося точно в таком же положении, как и я, и понял, что Пуаро тоже стал жертвой наглого налета.

Благодаря своей беспредельной дерзости Номер Четвертый на этот раз выиграл. Он, насколько я понял, использовал анестетик мгновенного действия, возможно хлорэтан, – разбил пузырек перед нашим носом, а потом, воспользовавшись суматохой из-за погасшего света, его сообщники, сидевшие, наверное, за соседним столиком, запихнули нам в рот по кляпу и стремительно утащили из гостиницы, пока никто не опомнился.

Я не в силах описать последовавший за этим час. Мы неслись через лес, как лошади на бегах, и при этом все время в гору. Наконец мы добрались до большой прогалины на склоне, и тут я увидел прямо перед нами фантастическое нагромождение валунов и обломков скал.

Это наверняка был тот самый лабиринт Фельсена, о котором говорил капитан Харви. И вправду, через минуту-другую мы уже пробирались через его изгибы. Это местечко походило на изобретение самого дьявола.

Потом мы вдруг остановились. Гигантская скала преградила нам путь. Один из бандитов наклонился и вроде бы что-то толкнул – и тут же огромная масса камня повернулась без единого звука, открыв небольшое отверстие в горе.

В него мы и углубились. Поначалу туннель был узким, но вскоре расширился, и мы, прошагав совсем немного, очутились в обширной

каменной пещере, освещенной электричеством. Тут нас избавили от кляпов. По знаку Номера Четвертого, смотревшего на нас с выражением насмешливого торжества, нас обыскали и вытащили все до последней мелочи из карманов, включая и маленький автоматический пистолет Пуаро.

Я ощутил укол в самое сердце, когда пистолет со стуком упал на стол. Мы были разбиты – безнадежно разбиты противником, превосходящим нас численно. Это был конец.

– Добро пожаловать в штаб-квартиру Большой Четверки, мистер Пуаро, – издевательским тоном сказал Номер Четвертый. – Для меня невыразимое удовольствие снова увидеть вас. Но стоило ли возвращаться с того света ради этой встречи?

Пуаро промолчал. А я не смел поднять на него глаза.

– Пойдемте, – продолжил Номер Четвертый. – Ваше появление будет, пожалуй, сюрпризом для моих коллег.

Он показал на узкую дверь в стене. Мы прошли через нее и оказались в другой пещере. В дальнем конце стоял стол, а вокруг него четыре стула. Самый дальний стул был пуст, но на его спинке красовалась шапка китайского мандарина. На втором сидел куривший сигару мистер Эйб Райланд. На третьем, откинувшись на высокую спинку, сидела женщина с монашеским лицом и горящими глазами – мадам Оливер. Номер Четвертый занял свое место.

Мы стояли перед Большой Четверкой.

Ни разу до этого момента я не ощущал с такой полнотой присутствия Ли Чанг Йена, как в тот момент, глядя на пустой стул, увенчанный шапкой. Находясь далеко-далеко в Китае, этот человек руководил каждым шагом чудовищной организации.

Мадам Оливер негромко вскрикнула, увидев нас. Райланд, более владеющий собой, лишь пыхнул сигарой и приподнял густые брови.

– Мсье Эркюль Пуаро, – медленно проговорил Райланд. – Это приятный сюрприз. Вы нас здорово провели. Мы-то были уверены, что вы успокоились с миром. Ну, неважно, игра подходит к концу.

В его последних словах прозвенела сталь. Мадам Оливер промолчала, но ее глаза вспыхнули еще ярче, и мне очень не понравилась змеиная улыбка, тронувшая ее губы.

– Добрый вечер, мадам и мсье, – тихо произнес Пуаро.

Что-то незнакомое, совершенно неожиданное послышалось мне в его голосе, я не был к этому готов и невольно посмотрел на своего друга. Он выглядел совершенно спокойным. Но его внешность неумовимо изменилась...

А потом позади нас зашуршали занавески, скрывавшие дверь, и вошла графиня Вера Русакова.

– А! – воскликнул Номер Четвертый. – Наш бесценный преданный лейтенант! Тут некий ваш старый друг, дорогая леди.

Графиня повернулась со своей обычной стремительностью.

– Боже милостивый! – закричала она азартно. – Маленький человечек! Ох, да у него, пожалуй, девять жизней, как у кошки! Ох, маленький человек, зачем вы во все это впутались?

– Мадам, – сказал Пуаро с поклоном, – я, как великий Наполеон, подошел к краю поля битвы во главе больших отрядов.

Пока он говорил, я увидел, как в глазах графини вспыхнуло подозрение, и в тот же самый момент я осознал то, что до того лишь подсознательно ощущал.

Человек, стоявший рядом со мной, не был Эркюлем Пуаро.

Он был очень похож на моего друга, невероятно похож. У него была точно такая же яйцевидная голова, такая же важная осанка, слегка располневшая фигура. Но голос был другим, а глаза – не зеленые, а темные, и, конечно же, усы... Что такое произошло с его знаменитыми усами?

Мои размышления были прерваны графиней. Мадам Русакова шагнула вперед, ее голос зазвенел от возбуждения.

– Вас обманули! Этот человек – не Эркюль Пуаро!

Номер Четвертый пробормотал что-то недоверчивым тоном, но графиня наклонилась вперед и дернула Пуаро за усы. Они остались у нее в руке, и тогда истина предстала со всей очевидностью. Потому что верхнюю губу стоявшего перед ней человека уродовал шрам, совершенно менявший его лицо.

– Не Эркюль Пуаро? – переспросил Номер Четвертый. – Но тогда кто это?

– Я знаю! – неожиданно для себя самого воскликнул я и тут же умолк, проклиная себя за несдержанность.

Но человек, которого все принимали за моего друга, повернулся ко мне и одобрительно кивнул:

– Скажите им, если хотите. Теперь это уже неважно. Обман удался.

– Это Ахилл Пуаро, – медленно сказал я. – Брат-близнец Эркюля Пуаро.

– Невероятно, – резко бросил Райланд. Он явно был потрясен не менее остальных.

– План Эркюля Пуаро блестяще осуществился, – безмятежно сказал Ахилл Пуаро.

Номер Четвертый шагнул вперед и заговорил злое, угрожающе:

– Осуществился, вот как? – Он почти рычал. – Вы хотя бы понимаете, что не пройдет и нескольких минут, как вы умрете? Умрете!

– Да, – серьезно ответил Ахилл Пуаро. – Я это понимаю. А вот вы не понимаете, что человек может с охотой отдать жизнь за успех своего дела. Множество таких людей погибли во время войны. И я готов умереть ради спокойствия в мире.

Я вдруг подумал, что он мог бы спросить меня – хочу ли я того же самого... Но потом вспомнил, как Пуаро настаивал, чтобы я не вмешивался во всю эту историю, и сразу смирился.

– И какую же пользу ваша смерть может принести миру? – язвительно поинтересовался Райланд.

– Я вижу, вы не понимаете истинного смысла плана Пуаро. Начать с того, что ваше убежище раскрыто уже несколько месяцев назад, и практически все постояльцы гостиницы, гостиничная прислуга и прочие являются детективами или агентами разведслужбы. Этот район плотно окружен. Даже если из пещер есть несколько выходов на поверхность, вам не сбежать. Пуаро лично руководит операцией на поверхности. Мои ботинки сегодня вечером были смазаны маслом аниса, как раз перед тем, как я спустился на террасу, чтобы занять место своего брата. Ищейки сразу пошли по моему следу. Они безошибочно приведут людей к нужной скале в лабиринте Фельсена, к той, за которой скрыт вход в пещеры. Так что вы можете делать с нами, что вам вздумается, сеть все равно наброшена. Вам не уйти.

Мадам Оливер внезапно расхохоталась.

– Вы ошибаетесь! Путь бегства существует, и мы, как Самсон в древности, одновременно уничтожим и своих врагов. Что вы сказали, друг мой?

Райланд внимательно всматривался в Ахилла Пуаро.

– А если он лжет? – хрипло проговорил американский миллионер.

Пуаро пожал плечами:

– Через час рассветет. Тогда вы сможете убедиться в правдивости моих слов. Те, кто гонится за вами, наверняка уже добрались до входа в лабиринт Фельсена.

Он еще не договорил, когда послышался отдаленный грохот, и в то же мгновение в помещение вбежал человек, что-то бессвязно выкрикивая. Райланд вскочил и выбежал из подземной комнаты. Мадам Оливер прошла в другой конец помещения и открыла дверь, которой я до сих пор не замечал. За дверью находилась лаборатория – надо полагать, оборудованная

ничуть не хуже той, что я видел в Париже. Номер Четвертый тоже куда-то умчался, но тут же вернулся, держа в руке пистолет Пуаро. Он вручил оружие графине.

– Конечно, бежать им некуда, – мрачно сказал бандит. – Но лучше вам иметь при себе вот это.

И снова исчез.

Графиня подошла к нам и некоторое время молча рассматривала моего сотоварища. Вдруг она рассмеялась.

– А вы очень умны, мсье Ахилл Пуаро, – насмешливо сказала графиня.

– Мадам, давайте поговорим по-деловому. К счастью, они оставили нас наедине. Назовите вашу цену.

– Я вас не понимаю. Какую цену?

– Мадам, вы можете помочь нам сбежать отсюда. Вы знаете тайные выходы из этих пещер. Я спрашиваю, какова цена?

Она снова рассмеялась.

– Больше, чем вы в состоянии предложить, маленький человек. Пожалуй, всех денег мира не хватит на это!

– Мадам, я вовсе не имел в виду деньги. Я человек умственного труда. И тем не менее остается верным то, что *все на свете имеет свою цену*. В обмен на нашу жизнь и свободу я готов исполнить ваше заветное желание.

– Значит, вы чародей?

– Можете называть меня так, если вам нравится.

Графиня внезапно перестала дурачиться и заговорила с болью в голосе:

– Глупец! Мое заветное желание! Разве вы можете отомстить за меня моим врагам? Разве вы можете вернуть мне молодость, и красоту, и радость в душе? Разве вы можете оживить умерших?

Ахилл Пуаро смотрел на нее внимательно и как-то странно.

– Выберите одно из трех, мадам.

Она злобно расхохоталась.

– Возможно, вы предложите мне эликсир жизни? Ну, тогда мы можем поторговаться. Когда-то у меня было дитя. Верните мне его – и вы получите свободу!

– Мадам, я согласен. Это честная сделка. Ваш ребенок возвратится к вам. Клянусь честью... клянусь честью самого Эркюля Пуаро.

И снова эта непонятная женщина рассмеялась – и смеялась на этот раз долго и безудержно.

– Дорогой мсье Пуаро, боюсь, я заманила вас в ловушку. Весьма любезно с вашей стороны пообещать отыскать моего малыша, но, видите

ли, я случайно знаю, что вас ждет неудача, так что сделка принесет выгоду только одной из сторон.

– Мадам, я клянусь вам Святыми Небесами, я верну вам ваше дитя.

– Я уже спросила вас прежде, мсье Пуаро, можете ли вы оживить умерших?

– Так, значит, ваш ребенок...

– Умер? Да.

Он шагнул вперед и взял ее за руку:

– Мадам, я... я, говорящий с вами, уже поклялся вам. *Я возвращу к жизни умершего.*

Она ошеломленно уставилась на него.

– Вы мне не верите. Я докажу истинность своих слов. Принесите мне мою записную книжку, она там, на столе.

Графиня вышла из комнаты и вернулась с книжкой в левой руке. Но все это время она продолжала крепко держать пистолет, не ослабляя бдительности. Я чувствовал, что блеф Ахилла Пуаро имеет очень мало шансов на успех. Графиня Вера Русакова отнюдь не была дурочкой.

– Откройте книжку, мадам. Там есть кармашек на обложке. Да, там... в нем фотография. Посмотрите на нее.

Графиня с растерянным видом извлекла из кармашка маленький моментальный снимок. Едва взглянув на него, женщина вскрикнула и пошатнулась, словно мгновенно потеряла силы.

– Где? Где? Скажите мне! Где?..

– Вспомните о нашей сделке, мадам.

– Да-да, конечно же, я вас выведу! Скорее, пока они не вернулись!

Схватив Ахилла Пуаро за руку, графиня молча потащила его вон из подземной комнаты. Я последовал за ними. Из второй комнаты графиня увлекла нас в туннель, которым мы пришли сюда, но он буквально через несколько шагов раздвоился, и она повернула направо. Снова и снова она сворачивала в боковые ходы, но ни разу не замедлила шаг, явно не сомневаясь, что идет верной дорогой, лишь спешила все сильнее.

– Только бы нам успеть, – задыхаясь, бросила она. – Нам надо выбраться наружу до взрыва.

Мы неслись со всех ног. Я понял, что туннель шел сквозь всю гору, и мы должны были выйти из него с противоположной стороны, в другую долину. Пот заливал лицо, но я не отставал.

А потом я заметил вдали отблеск дневного света. Он все приближался и приближался. Я увидел зелень листвы. Мы раздвинули ветки густого кустарника, пробивая себе дорогу. Мы снова были на воле, и нежный свет

восходящего солнца окрашивал все вокруг в розоватые тона.

Пуаро говорил о том, что все выходы из пещер перекрыты – и это оказалось правдой. Едва мы ступили на склон горы, рядом с нами возникли три человека, но, узнав Пуаро, удивленно вскрикнули.

– Скорее, – крикнул мой товарищ. – Скорее... нельзя терять время...

Но время уже истекло. Земля дрогнула и завибрировала у нас под ногами, раздался ужасающий грохот, и, похоже, целая гора взлетела в воздух. Мы полетели вверх тормашками.

Я наконец очнулся. Я лежал в незнакомой комнате, на незнакомой постели. У окна сидел какой-то человек. Он встал и подошел ко мне.

Это был Ахилл Пуаро... Да нет же, это был...

Слишком хорошо знакомый мне ироничный голос рассеял последние мои сомнения.

– Ну конечно же, друг мой, это я. Брат Ахилл отправился домой – в страну мифов. Это все время был я. Не только Номер Четвертый умеет играть. Белладонна в глаза, принесение в жертву усов, и самый настоящий шрам, который появился два месяца назад во время взрыва... я не смог бы его подделать, ведь Номер Четвертый слишком хорошо разбирается в таких вещах. И последний мазок – ваша уверенность в том, что у меня есть брат-близнец Ахилл Пуаро! Ваша помощь в данном случае оказалась просто бесценной, и половина успеха по заслугам принадлежит вам! Ведь это и было главным: заставить их поверить, что Эркюль Пуаро остался снаружи и командует войсками. А все остальное было чистой правдой – насчет оцепления и прочего.

– Но почему вы и в самом деле не послали вместо себя кого-нибудь другого?

– И позволил бы вам в одиночку встретиться с опасностью? Хорошенького же вы обо мне мнения! Кроме того, я сразу рассчитывал на помощь графини.

– Но как, черт побери, вам удалось ее убедить? История об умершем ребенке выглядела не слишком убедительно... хотя и растрогала даму.

– Графиня оказалась куда проницательнее вас, друг мой. Сначала и она поверила в мою маскировку, но почти сразу же угадала правду. Когда она сказала: «Вы очень умны, мсье Ахилл Пуаро», я понял, что она уже все знает. Именно в тот момент, и никак иначе, я и должен был разыграть свою козырную карту.

– Но что значила чушь о возвращении жизни мертвым?

– Буквально то самое и значила... понимаете, ее ребенок давно уже

был в наших руках.

– *Что?!*

– Но само собой! Вы же знаете мой девиз – «Будь готов!» Как только я узнал, что графиня Русакова связалась с Большой Четверкой, я провел самое тщательное исследование всей ее жизни. Я узнал, что у нее был ребенок, которого якобы убили, но я обнаружил также, что в этой истории концы с концами не сходятся, и захотел выяснить, в чем тут дело. В результате мне удалось отыскать мальчика, и я, заплатив приличную сумму, заполучил его. Бедный парнишка к тому времени просто умирал от голода. Я поместил его в надежное местечко под присмотр к добрым людям и сфотографировал его в новом окружении. И потому, когда настал подходящий момент, я имел наготове маленький козырь!

– Вы великолепны, Пуаро, просто великолепны!

– Я сделал это с удовольствием, потому что восхищаюсь графиней. Мне было бы жаль, если бы она погибла при взрыве.

– Я почти боюсь спрашивать... что случилось с Большой Четверкой?

– Все тела к настоящему моменту опознаны. Вот только Номер Четвертый узнать нельзя, ему оторвало голову. Мне бы хотелось... да, мне бы действительно хотелось, чтобы его голова осталась на месте. Я предпочел бы *полную уверенность*... Но тут уж ничего не поделаешь. Гляньте-ка сюда.

Он протянул мне газету с подчеркнутым заголовком одной из статей. В статье говорилось о самоубийстве Ли Чанг Йена, одного из руководителей недавней революции.

– Мой великий противник, – серьезно сказал Пуаро. – Нам не суждено было встретиться лицом к лицу. Когда он получил сообщение о разгроме его соратников, то нашел самый простой выход для себя. Великий ум, друг мой, великий ум! Но мне все-таки хотелось бы увидеть лицо человека, бывшего Номером Четвертым... Ведь если предположить, что... Но я просто поддаюсь порыву воображения. Он мертв. Да, *mon ami*, мы с вами восстали против Большой Четверки и победили ее. Теперь вы вернетесь домой к вашей очаровательной жене, а я... я буду отдыхать. Величайшее дело моей жизни завершено. Все остальное покажется теперь пустяком. Нет, лучше на отдых. Возможно, я начну выращивать овощи и постигать сущность кабачков. Я даже могу жениться и осесть возле кухонной плиты!

Он искренне рассмеялся при этой мысли, но я вроде бы уловил в его смехе легкое смущение... и проникся надеждой... маленькие мужчины всегда восхищаются пышными, яркими женщинами...

– Женюсь и остепенюсь, – повторил Пуаро. – Кто знает?

notes

Примечания

1

Мой друг (фр.).

Жуткое совпадение (*фр.*).

Клянусь честью! (*фр.*)

4

Бог мой! (*фр.*)

Проклятие! Гром и молния! (фр.)

Благодарю вас (*фр.*).

Да нет же (фр.).

Да ну, неужели? (фр.).

Не совсем (*фр.*).

Да нет же (*фр.*).

Что тут говорить! (*фр.*).

До свидания (*фр.*).

Само собой (*фр.*).

Великолепны (*фр.*).

Взволнован (*фр.*).

Конечно (*фр.*).

Ей-богу! (фр.)

Мой дорогой друг! (*фр.*)

Военная хитрость (*фр.*).

Имеется в виду Томас Кук, основатель туризма и издательства «Томас Кук», выпускавшего красочные путеводители.